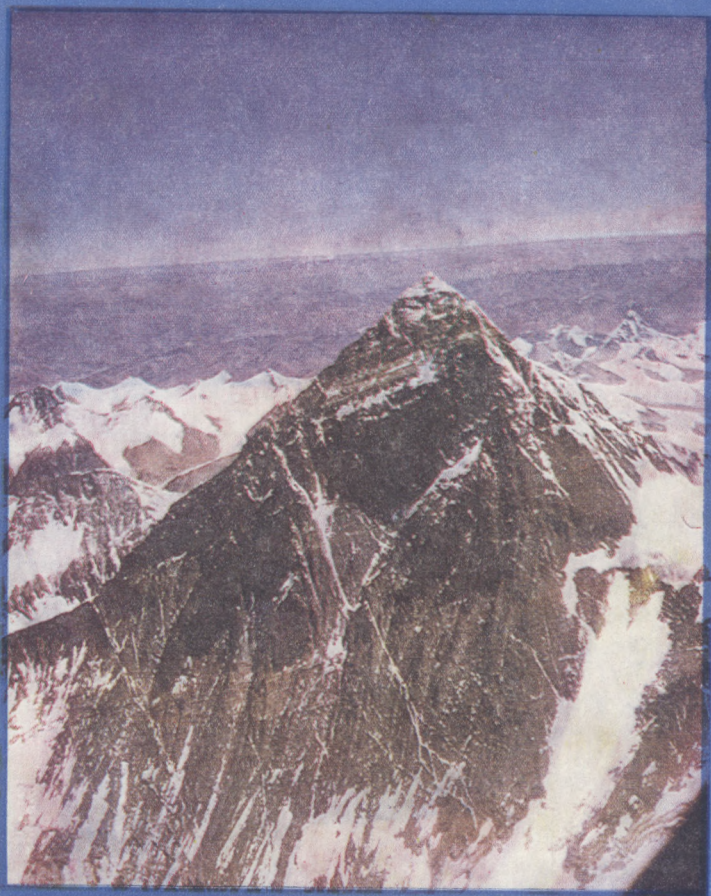


На холодных вершинах

Э. Хиллари, Д. Дойг



*Э. Хиллари, Д. Дойг*

# На холодных вершинах

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДИЯ



*Э. Хиллари, Д. Дойг*

---

# На холодных вершинах



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МОСКВА 1983

*Ed. Hillary, D. Doig*  
HIGH IN THE THIN COLD AIR  
London, 1963

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,  
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,  
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с английского  
Л. А. ГРОМОВОЙ

Ответственный редактор  
Е. Б. ГИППЕНРЕЙТЕР



Scan AAW

**Хиллари Э., Дойг Д.**

**X45** На холодных вершинах. Пер. с англ. Л. А. Громовой. Предисл. и примеч. Е. Б. Гиппенрейтера. Послесл. А. А. Хуторянского. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

288 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Рассказ о гималайской экспедиции 1960—1961 гг., возглавленной Эдмундом Хиллари, первым покорителем Эвереста. В первой части книги Десмонд Дойг, журналист и лингвист, повествует о поисках следов «снежного человека» (йети), жизни, обычаях и мифологии гималайской народности — шерпов. Во второй части Э. Хиллари рассказывает о том, как выполнялась основная задача экспедиции — физиологические исследования в условиях высокогорья.

X 1905020000-061 150-83  
013(02)-83

91(05)

© Главная редакция восточной литературы  
издательства «Наука», 1983.

В наше время человек все смелее обживает околоземное пространство, все дальше проникает в глубины Вселенной. Однако и на Земле осталось еще много неизведанного. Всего лишь три десятилетия назад удалось наконец покорить третий, «высотный», полюс планеты и совсем недавно — пробиться буром в ее недра до рекордной отметки «всего» одиннадцать километров. Еще только разворачиваются работы по использованию богатств пока шельфовой зоны Мирового океана.

Весьма активно продолжается также освоение высокогорья. В горах ищут и добывают полезные ископаемые, ведут научные наблюдения, несут охрану государственных границ, занимаются спортом, лечат. Не надо забывать, что на организм человека здесь влияет целый комплекс факторов внешней среды. Успешно переносить их воздействие помогают приспособительные реакции. Оценить эффективность акклиматизационных сдвигов и уточнить их пределы попыталась международная научная и альпинистская экспедиция 1960—1961 годов в Гималаи, о работе которой рассказывается в настоящей книге.

Эту экспедицию возглавил новозеландец Эдмунд Хиллари (он и шерп Тенцинг Норгей в 1953 году стали первыми покорителями Эвереста). Программой научных исследований экспедиции 1960—1961 годов руководил англичанин Гриффит Пью, один из крупнейших специалистов в области высокогорной медицины и физиологии. Во многих отношениях экспедиция явилась примечательной. В ходе ее получены уникальные данные о том, что происходит с организмом человека при длительном пребывании на очень больших высотах. Помимо физиологических исследований проводились метеорологические, гляциологические и радиационные наблюдения. Что же нового и интересного добавила к нашим знаниям о про-

цессах высотной акклиматизации самоотверженная работа интернационального коллектива ученых-альпинистов?

Наблюдения показали, что приспособление организма к кислородной недостаточности (влияние других неблагоприятных факторов было устранено обеспечением в лаборатории «Серебряная хижина» относительно комфортных условий жизни и быта), несомненно, продолжалось, хотя и с убывающей интенсивностью, на протяжении всего периода многомесячного проживания на высоте 5790 метров. Однако, как удалось установить, одновременно с полезными реакциями (увеличение количества эритроцитов, повышение содержания гемоглобина в них и т. д.) сначала незаметно, а затем все отчетливее у всех членов группы, зимовавшей в Гималаях, постепенно ухудшался аппетит вплоть до полного его исчезновения (прием пищи по три тысячи калорий в сутки вызывал тошноту и даже рвоту), люди резко теряли вес (от 450 до 1350 граммов в неделю), у них развивалась апатия, они отказывались выполнять работу, повысилась утомляемость, замедлились восстановительные процессы и т. д. Все эти признаки характерны для крайне малоизученного явления — высотной детериорации.

Ученые пришли к выводу, что длительное пребывание на высоте 5790 метров над уровнем моря человеку противопоказано. Вот почему постоянно действующие научные станции, посты, горные рудники, базовые лагеря экспедиций и другие объекты следует располагать не выше 5300—5400 метров, чтобы не нанести ущерба здоровью человека. Пребывание даже на таких высотах следует чередовать со спусками для лучшего отдыха и восстановления.

Участникам экспедиции, несмотря на приобретенную акклиматизацию, подняться на Макалу (8481 м) без кислородных аппаратов не удалось. Они отступили с высоты 8330 метров.

В результате высотной детериорации у членов экспедиции понизилась общая сопротивляемость организма. Так, у Э. Хиллари нарушилось мозговое кровообращение, что вызвало временное расстройство речи, и ему пришлось досрочно спуститься вниз. Уорд заболел пневмонией. Во время штурма вершины у Невисона развился острый отек легких, а у Малгрева произошла тромбо-

эмболия легочной артерии, что привело к инфаркту правого легкого.

Наверное, все случившееся заставило доктора Т. Невисона прийти к однозначному и невеселому выводу о том, что на таких больших высотах альпинистам нужно пользоваться кислородными приборами, без них здесь сможет жить лишь «снежный человек». Экспедиция была прекрасно оснащена, чтобы доказать или опровергнуть существование этого загадочного существа. Как заманчиво было бы, наконец, воочию убедиться, что в мало посещаемых высокогорных долинах Гималаев действительно обитает двуногое существо, возможно, примат, — живое недостающее звено в эволюции человека!

Не скрою, был период, когда автор предисловия верил и поддерживал в других веру в реальность существования «снежного человека». Для этого имелось немало оснований. Во-первых, встреча в Лондоне с неутомимым исследователем «Обители снегов» Эриком Шиптоном, сделавшим первые снимки следов этого существа (Шиптон руководил разведочной британской экспедицией на Эверест в 1951 году). Публикация этих «следов» вызвала сенсацию в мировой прессе. Во-вторых, эту тему мы неоднократно обсуждали также и с Джоном Хантом во время восхождений в одной связке на Памире, Кавказе и в Северном Уэльсе. С чувством внутреннего убеждения ветеран-гималаец рассказывал о том, как сам лично видел следы и ясно слышал в темноте крик этого человекоподобного существа, ведущего, кстати, ночной образ жизни и потому редко встречаемого днем. В-третьих, памятные беседы о «снежном человеке» с первовосходителем на Эверест Тенцингом Норгеем в далеком Дарджилинге в 1962 году, а затем, год спустя, во время трехнедельного совместного путешествия по нашей стране. В его доме на полу я увидел большую шкуру какого-то зверя и полусерьезно-полушутя спросил, не принадлежит ли она йети. После моих слов этот легендарный горец, человек скромный и деликатный, немного нахмурился и ответил, что такое исключено. Ведь шерпы считают, что встреча с йети сулит несчастье, поэтому даже шкуру его решатся хранить, пожалуй, лишь ламы, да и то в качестве священного талисмана.

По словам Тенцинга, его отец дважды встречал йети в горах. Однажды он неожиданно столкнулся на неболь-

шой полянке с женской особью. Оба сильно испугались. «Снежная женщина», подхватив руками отвислые груди, боком ускакала в кусты. Еще раз он увидел йети на Ронгбукском леднике, после чего долго болел. Сам Тенцинг неоднократно в детстве и будучи взрослым встречал, как он считает, следы и помет йети высоко в горах.

Из европейцев, по-видимому, самым первым обнаружил загадочные следы, похожие на человеческие, в горах северо-восточного Сиккима еще в 1899 году англичанин Л. А. Уоделл. Затем на такие следы натолкнулся руководитель первой британской экспедиции на высочайшую вершину мира Г. Бэри<sup>1</sup>. Он писал, будто носильщики экспедиции на Эверест (1921 год), увидев следы, тут же подтвердили, что они принадлежат *Metohkangmi*. Это слово Г. Бэри ошибочно перевел как «ужасный снежный человек», хотя в действительности оно означает «человеко-медведь».

Заслуживает внимания мнение по этому вопросу Свами Пранавананда, индуса-отшельника, долгие годы жившего в Западном Тибете у горы Кайлас. Человек большой научной любознательности, С. Пранавананд провел немало географических исследований, за что был избран членом Королевского географического общества. Его живо интересовала также проблема «снежного человека». Многолетний опрос местных жителей, пастухов, кочевников, а также паломников (они стекаются со всей Азии на поклонение к горе Кайлас, самой священной гималайской вершине) и изыскания в области тибетской этимологии позволили С. Пранавананду прийти к заключению, что речь идет о *Mi-te* — гималайском медведе *Ursus arctos isabellinus*<sup>2</sup>. *Mi-te* передвигается то на двух, то на четырех конечностях, забредает в зону вечных снегов (очевидно, в поисках животных, погибших в лавинах), нападает на овец, яков и даже людей. С середины ноября до конца февраля он впадает в спячку. Его следы участники различных экспедиций встречали в высокогорных долинах Бирмы, Непала, Индии (в штатах Сикким, Ассам) и по ту сторону Гималаев, в Тибете. Местные жители продол-

---

<sup>1</sup> С. К. Howard Bury. Mount Everest: the Reconnaissance. L., 1921, с. 141.

<sup>2</sup> Swami Pranavananda. The Abominable Snowman.— «The Alpine Journal». L., 1956, vol. LXI, № 292, с. 110—117.

жают искренне верить в существование «снежного человека», хотя в печати этот факт ставится под сомнение (как это сделал, например, священник Гордон Джоунс в статье «Йети как миф») <sup>3</sup>.

В нашей стране очень многое для разрешения загадки «снежного человека» сделал крупный советский ученый, профессор Б. Ф. Поршневу. Он собрал и проанализировал огромный литературный и опросный материал и попытался теоретически разработать эту проблему в своей книге «Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» <sup>4</sup>. Согласно теории, развиваемой и обосновываемой Б. Ф. Поршневым в этой монографии, а также в его книге «О начале человеческой истории» <sup>5</sup>, серии научных и научно-популярных статей и особенно документальной повести «Борьба за троглодитов» <sup>6</sup>, «снежные люди» — это реликтовые гоминоиды или палеоантропы, то есть жившие около ста тысяч лет назад и сохранившиеся до наших дней неандертальцы, которые в ходе эволюционного развития претерпели незначительные изменения. Это позволяет отнести их к параллельной ветви эволюции *Homo sapiens*. Заметим, что в горных системах других стран и континентов встречаются свои «варианты» гоминоидов. Они носят местные названия: *алмасты* на Кавказе, *ежэнь* («дикий человек») в Китае, *саскватч* в Канаде и т. д. География распространения этого существа весьма обширна: Азия, Африка, Северная Америка, Австралия.

За границей проблему «снежного человека» серьезно изучал теперь уже покойный американский ученый зоолог А. Сандерсон, а ныне ею продолжают заниматься такие ученые, как американский антрополог Г. Кранц, канадский ученый Дж. Грин, монгольский академик Ринчен, а в нашей стране — востоковеды Ц. М. Жамцарано, Б. Б. Барадийн, А. Д. Симуков, Д. Ю. Баянов. С неослабевающим энтузиазмом ведут на общественных нача-

---

<sup>3</sup> Gordon Jones. The Yeti as Myth.— «The Himalayan Journal». Calcutta, 1970, vol. XXX, с. 312—313.

<sup>4</sup> Б. Ф. Поршневу. Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М., 1963.

<sup>5</sup> Б. Ф. Поршневу. О начале человеческой истории. М., 1974.

<sup>6</sup> Б. Ф. Поршневу. Борьба за троглодитов.— «Простор». Алма-Ата, № 4—7, 1968.



лах большую работу по поискам «снежного человека» на Кавказе Ж. И. Кофман, в горах Средней Азии инструктор альпинизма И. Ф. Тацл, участники экспедиций «Комсомольской правды» и др. Так, с интересом читается статья одного из участников этих экспедиций, И. Д. Бурцева, «„Снежный человек“: загадка остается»<sup>7</sup>.

В книге Э. Хиллари и Д. Дойга «На холодных вершинах» рассказывается о многомесячных тщательных поисках «снежного человека» в наиболее вероятных местах его обитания. Однако, как выясняется, поиски эти ни к чему не привели. Правда, участники экспедиции услышали много легенд о йети, рассказов «очевидцев» о встречах с этим удивительным существом. Им удалось сфотографировать следы на снегу, принадлежащие, по утверждению местных жителей, йети. Объективное изучение вещественных «доказательств» привело энтузиастов, стремящихся раскрыть эту «загадку века», к разочаровывающим результатам. «Скальпы йети», хранящиеся в монастырях селений Кхумджунг и Пангбоче, оказались подделкой, искусно изготовленной скорее всего из шкуры серау (дикой полукозы). Большинство скрепленных проволокой костей скелета «кисти йети», без сомнения, принадлежали человеку, и лишь некоторые имели животное происхождение. Отпечатки же следов, напоминающие человеческие, очевидно, оставлены разными животными, чаще всего одной-двумя разновидностями медведей. Под действием интенсивной солнечной радиации в сухом горном воздухе эти следы быстро искажались и увеличивались в размерах. (См. статью А. Н. Формозова «Следы животных и метод „тропления“ при изучении наземных позвоночных»<sup>8</sup>, где он показывает, что по длине шага и величине отпечатков следы медведя на медленном ходу очень похожи на следы обутого в большие валенки или лапти человека.)

Исследователи пришли к выводу, что «снежный человек» — всего лишь красивый миф. И тем не менее не будем спешить расставаться с этим таинственным чело-

---

<sup>7</sup> И. Бурцев. «Снежный человек»: загадка остается.— «Азия и Африка сегодня». № 11, 1981, с. 56—60.

<sup>8</sup> А. Н. Формозов. Следы животных и метод «тропления» при изучении наземных позвоночных.— «Справочник путешественника и краеведа». М., 1950, т. 2, с. 536—552.

векоподобным существом, быть может реликтовым гоминоидом (Э. Хиллари и Д. Дойг именуют его антропоидом), якобы обитающим в высокогорье между границей растительности и зоной вечных снегов. Ведь и в наши дни человечество продолжают будоражить порой сенсационные открытия. В непроходимых джунглях Африки встречают неизвестных науке «диких людей», зверей и птиц, а в океанских глубинах — рыб, считающихся давно вымершими, у берегов Японии, по соседству с островами Огасвара, открывают гигантский морской водоворот, в котором бесследно исчезают суда, а в районе Четацкого перевала в предгорьях Гималаев, на границе между северной Индией и Бутаном, обнаруживают людей каменного века (последние обитают в пещерах, не знают одежды и не умеют даже пользоваться огнем).

Книга, представленная вашему вниманию, читается с большим интересом. В ней живо описаны жизнь, быт, традиции и нравы шерпов, населяющих долины Ролвалинг и Солу-Кхумбу (северо-восточная часть Непала). Ведь всего несколько десятилетий назад о них знали в основном лишь географы, антропологи, специалисты по истории и культуре Непала да альпинисты. Благодаря подвигу шерпа Тенцинга Норгя, первовосходителя на Эверест, об этом племени, насчитывающем около 30 тысяч человек, заговорил весь мир. Шерпы заняли достойное место в истории борьбы человека за покорение высочайших гор Земли благодаря исключительному мужеству, самоотверженности и выносливости, проявленным в гималайских экспедициях. И на этот раз их помощь и отвага, особенно действия Уркьена, спасли жизнь двум заблужшим альпинистам экспедиции.

Понравятся читателю написанные с подлинным юмором главы о кругосветном путешествии Кхуньо Чумби, одного из старейшин селения Кхумджунг, сопровождавшего «скальп йети». Много страниц посвятили авторы описанию нелегкой жизни шерпов, их борьбе за существование в условиях полного отсутствия медицинской помощи; ведь далекие горные селения оторваны от цивилизованных городов. Медленно, очень медленно пробивают сюда трудный путь культура и цивилизация, поэтому глубоко тронут читателя заключительные строки о строительстве первой школы в Кхумджунге и ее торжественном открытии к неопишуемой радости местных ребятишек.

Без сомнения, издание в русском переводе этой книги — хороший подарок для непаловедов, биологов, зоологов и ботаников высокогорья, альпинистов, любителей горных путешествий, всех интересующихся жизнью этого далекого гималайского королевства.

Предельно краткую характеристику одного из авторов книги, Эдмунда Хиллари, можно уместить в несколько слов: первовосходитель на Эверест, исследователь Антарктиды, друг шерпов. Недаром Хиллари называют «крестным отцом» Солу-Кхумбу. Он по-прежнему проводит в этих краях большую часть года и даже приобрел в Катманду дом, чтобы поселиться здесь с семьей. В 1975 году он пережил личную трагедию: в высокогорной долине у него на глазах разбился самолет, в котором летели его жена и старшая дочь. Осенью 1979 года его заставил изрядно поволноваться единственный сын Питер — тоже альпинист. При восхождении на Амадаблам вместе с членами небольшой новозеландской экспедиции он попал под ледовый обвал. Напарник Питера по связке погиб, а Питер получил переломы рук и ног, но остался жив.

Несколько лет назад вышла в свет автобиография Э. Хиллари под характерным заглавием «Ничем не рискуя, ничего не выиграешь»<sup>9</sup>. С годами его высокая фигура стала чуть полнее, а виски посеребрила седина. Таким его и встретили в Непале весной 1982 года в Катманду участники первой советской гималайской экспедиции на Эверест. Узнав о планах советских альпинистов покорить вершину вершин новым, никем не пройденным путем по юго-западному склону горы, Хиллари сказал: «Новый маршрут, который выбрали для своего восхождения советские спортсмены, до сих пор считался непреодолимым. Его открытие, несомненно, будет новым словом в истории покорения вершины. Пройти по этому пути, думаю, значит испытать те же чувства, что испытал я, первым взойшедший на Джомолунгму, известную своим коварством»<sup>10</sup>. Хиллари пожелал восходителям также хорошей погоды на горе.

И вот блестящий успех: в разные дни первой декады мая 1982 года, после двухмесячной осады, одиннадцать

---

<sup>9</sup> Ed. Hillary. *Nothing Venture, Nothing Win*. 1975. [Б. м.].

<sup>10</sup> «Московские новости», 16.V.1982.

членов советской экспедиции достигли цели пионерским маршрутом по контрфорсу юго-западной стены. Двум связкам пришлось, чтобы вырвать победу, совершить штурм в небывалое время — ночью. Наши покорители «Властелина Неба» — Владимир Балыбердин и Эдуард Мысловский, Сергей Бершов и Михаил Туркевич, Валентин Иванов и Сергей Ефимов, Валерий Хрищатый и Казбек Валиев и, наконец, тройка — Валерий Хомутов, Владимир Пучков и Юрий Голодов. Блестящее достижение, добытое в беспрецедентно плохих условиях: при ураганных ветрах, сильных морозах и обильных снегопадах.

Узнав об успехах советских альпинистов, Хиллари признался, что ничего подобного он не мог и предположить. Добавим, что уверенное достижение высшей точки земного шара в таких условиях — свидетельство зрелого мастерства, умелой тактики, твердой воли, целеустремленности и сплоченности команды на всех этапах ее работы. Немалую роль сыграло высокое качество снаряжения, надежность кислородных аппаратов отечественного производства и других средств индивидуальной и групповой защиты от экстремальных факторов — неизбежных «спутников» восхождений такого ранга.

Эхом этой замечательной победы прозвучали высказывания ведущих альпинистов мира. Приведем лишь некоторые из них. Так, руководитель первой успешной экспедиции на третий, «высотный» полюс планеты лорд Джон Хант сказал: «Прошу передать мои самые горячие поздравления советским альпинистам. Я весьма рад их успеху и в то же время не удивляюсь ему, учитывая их прежние достижения»<sup>11</sup>.

По мнению Мориса Эрцога, покорившего в 1950 году вместе с Луи Лашеналем первый гималайский «восьмитысячник» Аннапурну, «завоевание Эвереста по юго-западному склону — новая страница в истории альпинизма. Оно свидетельствует о большом прогрессе этого вида спорта в СССР. Восхождение советских альпинистов — настоящий подвиг, ибо новый путь к вершине один из труднейших, если не самый трудный. О нем мечтали многие, но даже лучшие альпинисты не решались пойти им, учитывая крайнюю трудность и опасность это-

---

<sup>11</sup> «Советский спорт», 7.V.1982.

го маршрута. Я счастлив, что могу поздравить своих советских коллег с прекрасной победой, которая тем более значительна, что до сих пор советских экспедиций в Гималаях не было. Своей высокой техникой и мужеством эти люди компенсировали отсутствие опыта по преодолению высот более 8000 метров»<sup>12</sup>.

Специально для встречи с участниками нашей экспедиции прилетел в Непал альпинист из США Майкл Варбуртон. С горовосходителями СССР его связывает давняя дружба. Во время одного из восхождений на Кавказе он сорвался и получил серьезные травмы. И первыми к нему на помощь пришли Сергей Бершов и Вячеслав Онищенко. Теперь он обнял их в базовом лагере на леднике Кхумбу и сказал: «Успех советской экспедиции потрясающ. Я рад за советских альпинистов и горжусь тем, что один из покорителей — мой друг. Участники этой экспедиции добились победы, которая вошла в историю мирового альпинизма... Спорт — это мир, и он сближает людей, укрепляет взаимопонимание, что особенно важно именно сейчас»<sup>13</sup>.

Известный болгарский горовосходитель, Герой Социалистического Труда Христо Проданов, покоривший в 1981 году соседнюю с Эверестом вершину Лхоцзе (8501 метр), признался, что «от самого начала и до конца экспедиции был уверен в том, что советских альпинистов ждет успех, что сложная многодневная эпопея борьбы со сложными метеорологическими условиями на трудном, еще никем не пройденном маршруте завершится с блеском!»<sup>14</sup>.

По мнению одного из шерпов-носильщиков, Пембы Норбу, который работал в нашей экспедиции, советские альпинисты продемонстрировали не только опыт и хорошую техническую подготовку, но и сильное чувство сплоченности команды, взаимопомощь. Советских спортсменов отличает не только крепкая дружба между собой, но и с шерпами.

Тепло поздравили наших восходителей с успехом на Сагарматхе также и президент Непальской ассоциации

---

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> «Советский спорт», 14.V.1982.

<sup>14</sup> Там же, 15.V.1982.

альпинизма Кумар Кхадга Бикрам Шах и премьер-министр страны Сурья Бахадур Тхапа.

Последнее время число альпинистских, научных экспедиций и туристских групп, приезжающих в непальские Гималаи, непрерывно растет. Ежегодно страну посещают 160 тысяч туристов и альпинистов, причем каждый год эта цифра увеличивается на двадцать процентов. Для любителей горных пешеходных путешествий уже открыты шестнадцать маршрутов-трекингов. Что касается альпинистов, то, заплатив «королевский сбор», они могут получить разрешение организовать экспедицию на любую из 122 вершин, перечисленных в официальном списке, опубликованном непальскими властями, включая Эверест, забронированный уже до 1989 года!

Только весной 1982 года штурм гималайских пиков предприняли тридцать зарубежных экспедиций, осенью их число увеличилось до тридцати восьми. Наплыв желающих полюбоваться красотами гималайского королевства и испытать свое мастерство при восхождениях в «Обители снегов» не может не радовать непальское Министерство туризма. Ведь доходы от туристских и альпинистских мероприятий составляют большую часть всех инвалютных поступлений страны. Однако с развитием туризма и альпинизма, к сожалению, происходит все большее загрязнение природной среды Гималаев. Потребовались срочные меры для защиты горной флоры и фауны, и они уже осуществляются. В 1976 году по решению правительства Непала огромная территория, прилегающая к району Эвереста, была объявлена национальным парком-заповедником. В октябре 1982 года в Катманду состоялась Генеральная ассамблея международного союза альпинистских ассоциаций, которая специально обсудила и утвердила «Правила о поддержании чистоты Гималаев». В стране приступили к выполнению долгосрочной программы по изучению, сохранению и восстановлению природных богатств Гималаев.

В книге высота основных вершин дана по: *Liste a jour des sommets népalais ouverts aux expéditions.*— «Bulletin de l'UIAA». Genève, 1982, № 99, Septembre, с. 13—14.

*Е. Б. Гиппенрейтер*

### ГЛАВА I

#### Катманду

Конец сентября — Индра-Джатра<sup>1</sup>. По улицам Катманду медленно двигалось праздничное шествие. Сонм индуистских божеств. Наступил благоприятный период для любых начинаний.

Временами шел дождь. Одна половина долины сверкала в лучах солнца подобно драгоценному камню, другая под грозными темными тучами и потоками дождя была погружена во тьму. В ослепительном сиянии казалось, будто солнце осветило выложенные зеркалами вершины, появились далекие заснеженные пики — «наши» горы.

— Это — Гауришанкар, а это — Нумбур, Ганеш-Хималаи, Хималчули, Лангтанг.

Мы следили за указующим перстом и трепетали от сознания, что скоро окажемся среди этих далеких снежных громад. Они настолько знакомы нам, что постепенно завладели нашими мыслями и мечтами. Мы снисходительно улыбнулись, когда турист, показав на вершину Чобудзе (ее высота 6710 метров над уровнем моря), спросил, что это такое, и, услышав в ответ «Эверест», стал судорожно рассматривать ее в бинокль и фотографировать.

— Действительно, это Эверест, — подтвердили мы.

Приятно осознавать свое превосходство, осведомленность и ловить заискивающую улыбку туриста-миллионера.

---

<sup>1</sup> Индра-Джатра — восьмидневный праздник в честь бога Индры. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Катманду оживлен — праздник в полном разгаре. В суматохе никто не обращал внимания на наши незагорелые ноги, причудливые одеяния и небритые физиономии. Даже Эдмунда Хиллари почему-то не узнали.

Утром к столику, за которым мы с Эдом завтракали, подсел турист. На нем был костюм альпиниста.

— Эй, ребята, как насчет того, чтобы взглянуть на Эверест? — обратился он к Эду.

Решив, что перед нами нахальный мультимиллионер, который желает, чтобы сам сэр Эдмунд составил ему компанию, я сосредоточил свое внимание на завтраке и оставил дипломатию Эду. Тот, занятый омлетом, предоставил возможность вести дипломатическую беседу мне.

«Мультимиллионер» сделал новую попытку:

— Говорят, Эверест можно увидеть, отъехав всего километров на десять от Катманду. Я беру такси. Ребята, может, хотите поехать со мной? Кто-нибудь из вас уже видел Эверест?

Эд поперхнулся. Я поперхнулся за компанию.

Старый профессор-непалец (мы встретились с ним сразу же после приезда сюда) заверял меня:

— Вам будет сопутствовать удача. Возможно, вы найдете йети. Вам обязательно нужно увидеться с моим другом майором Пунья Бикрамом Рана.

И вот я встретился с ним, с майором Рана, и он рассказал о своем друге — большом специалисте по йети, которому посчастливилось видеть «снежного человека». Этот друг с удовольствием помог бы нам поймать хоть одного, но — увы! — сейчас он к северо-западу отсюда, а «это — огромное расстояние для столь неторопливой страны, как Непал».

Поэтому имя друга майор записал в мою записную книжку и дал коротенькое рекомендательное письмо: «Пожалуйста, помоги м-ру Дойгу, моему старому верному другу». Я был знаком с майором всего каких-то несколько минут, но этого достаточно — таков Непал. Дружелюбие — вторая натура местных жителей.

Наша экспедиция не первая интересовалась «ужасным снежным человеком». Многие экспедиции направляли все свои усилия на то, чтобы подтвердить или разрушить одну из наиболее популярных в мире легенд, похожих на правду. В них рассказывается о далеких



высокогорных областях Гималаев, населенных гигантских размеров антропоидами<sup>2</sup>, похожими на человека. В легендах утверждается, что эти существа наделены человеческим разумом и — часто — чувством юмора.

Однако нас прежде всего занимали физиологические исследования в условиях высокогорья, а также метеорологические, радиационные и гляциологические наблюдения, интерес же к «снежному человеку» был второстепенным. В то же время, мы действительно проводили обширные поиски йети в районах, связанных с легендой о «снежном человеке», и делали это гораздо дольше, чем любая другая экспедиция; возможно, и отношение наше к легенде было менее предвзятым.

### Цель экспедиции

В задачу первого периода работы нашей экспедиции входило доказать или опровергнуть существование йети. Для этого мы изучили все доступные легенды, рассказы о встречах с йети, останки, следы на снегу. Нам хотелось сфотографировать йети с помощью мощных телеобъективов и автоматических камер, которые приводит в действие ловушка. Мы стремились записать голос «снежного человека» — высокий свистящий звук, который, как нас уверяли, слышали шерпы. Наверное, мы могли бы наблюдать за ним в бинокли с сильными линзами. Конечно, самым сильным желанием было поймать живого «снежного человека», хотя, я уверен, ни один из нас не знал, что после этого с ним делать. Хиллари неоднократно протестовал против того, чтобы держать йети в неволе.

— Я бы отпустил их поскорее после тщательного изучения. Вряд ли им что-нибудь понравится в нашем цивилизованном мире, — сказал он однажды.

---

<sup>2</sup> Здесь и далее мы сохраняем термин «антропоид», употребляемый авторами по отношению к «снежному человеку», хотя следует отметить, что приматологам неизвестны данные, свидетельствующие о том, что антропоиды когда-либо жили в таких высокогорных районах; они никогда не включались в экологические ниши высших обезьян.

## Наше снаряжение

Винтовки с ампулами со снотворным были нашей «тяжелой артиллерией», а охотничьи двустволки — «легким оружием».

Ампулами со снотворным стреляют мощные пневматические винтовки, в которых вместо пуль — шприцы; они поражают цель с довольно большого расстояния. С помощью этого оружия можно одинаково легко заполучить мускусную крысу или мула, белку или «снежного человека». Однако для этого нужно, чтобы опытный специалист точно определил необходимую дозу препарата на килограмм веса животного.

В результате даже самые свирепые звери дают себя поймать, осмотреть, оказать медицинскую помощь, да и вообще справиться с ними под действием обездвиживающего вещества совсем нетрудно.

По закону, изданному правительством Непала, «снежного человека» запрещено убивать. Никто из нас и не собирался этого делать, но для самообороны мы прихватили с собой все это оружие — ведь на свободе йети опасен. В нашем арсенале оказались пистолеты со слезоточивым газом размером с авторучку — ими можно отразить внезапные нападения этих существ. Весьма любопытно, что сначала эти пистолеты предназначались для женщин, чтобы те могли защищаться от «двуногих волков», которыми густо заселены джунгли цивилизации.

В снаряжение нам необходимо было также включить и автоматические камеры. Мы думали, если йети лишат нас возможности использовать ружья, стреляющие ампулами со снотворным, то они обязательно наступят на натянутую по земле проволоку, и тогда сработают камеры.

Чтобы поймать йети, у нас не было ни сетей, ни капканов, ни складных клеток, что меня весьма огорчало. Марлин Перкинс, наш зоолог, намеренно исключил эти предметы из списка необходимых вещей, так как знал, что шерпы умеют делать прекрасные капканы, и готов был на них в этом положиться. В такой экспедиции, как наша, когда все приходилось нести на своих плечах, количество предметов и их вес необычайно важны. Впоследствии оказалось, что капканы и клетки

нам не понадобились. Проволочные сети и клетки из упаковочных коробок, сооруженные шерпами, вполне годились для малых панд (*Ailurus fulgens*)<sup>3</sup>, лангуров-хульманов (*Presbytis entellus*) и щенков тибетских лисиц, которых нам все-таки удалось поймать. Так что если бы мы даже схватили йети, то шерпы помогли бы соорудить для него подходящую клетку.

Мы прихватили с собой несколько разных манков, которые звучали как детские свистульки, однако наши шерпы имитировали голоса местных животных гораздо лучше.

### Район действий

В 1951 году Эрик Шиптон, известный альпинист и путешественник, заметил и сфотографировал следы йети на леднике Менлунг (северо-восток Непала). Шерпы из Солу-Кхумбу (района, прилежащего к Эвересту с юга), недалеко от Менлунга, рассказывали, что они видели и слышали йети с той поры, как стали сопровождать в горах западноевропейских восходителей. Так что скорее всего местом обитания «снежного человека» может считаться страна шерпов в высокогорном Северо-Восточном Непале. До нас на поиски йети в этот район были организованы три экспедиции.

Как уже говорилось, у нашей экспедиции кроме йети имелись и другие задачи. Вот почему район действий выбирался особенно тщательно — он должен был быть пригодным для проведения физиологических исследований в условиях высокогорья и одновременно иметь высокую вершину (предпочтительно уже покоренную с применением кислородных аппаратов), чтобы при восхождении на нее проверить, насколько эффективна длительная акклиматизация. Кроме того, эта террито-

---

<sup>3</sup> Род панд, в который входят всего два вида: малая — *Ailurus fulgens* (или рыжая панда, кошачий медведь) и большая — *Ailuropoda melanoleuca* (или черно-белый, китайский, бамбуковый медведь), встречаются только в ограниченных районах Гималаев и Тибета. Оба вида — вегетарианцы; ведут скрытый лесной образ жизни; по строению тела, походке, некоторым привычкам напоминают медведя и енота. Биология до сих пор почти не изучена; занесены в «Красную книгу» животных. Первый экземпляр большой панды был привезен в Европу в 1936 году, затем попал в Чикагский зоопарк.

рия должна считаться признанным местом обитания йети.

Эдмунд Хиллари удачно выбрал такие районы Непала, как Ролвалинг и Солу-Кхумбу. Восхождение на Макалу (ее высота 8481 метр), пятую по высоте в мире вершину, которую в 1955 году с кислородной аппаратурой блестяще покорили французы, — кульминационный момент наших физиологических исследований.

Сами исследования проводились в специально сконструированных хижинах на леднике с южной стороны Эвереста на высотах 4575, 5490 и 5795 метров и на самой Макалу, на высоте около 8000 метров над уровнем моря.

В удобной близости к выбранным нами вершине и леднику располагались дикие, безлюдные долины Ролвалинга и Солу-Кхумбу (где, возможно, обитали йети) и высокие, покрытые снегом пики и перевалы, на которых встречались их следы.

### **Мечта, в которую легко поверить**

Итак, мы прибыли в Катманду! Мимо нашего отеля по улице шествовали музыканты — барабан и рог, барабан и флейта, колокольчики, звучащие диссонансом. Звуки непальских барабанов действуют возбуждающе, им трудно противиться. Понятно, почему служащие отеля в белоснежных одеждах, забыв о дисциплине, кружились как дервиши между столиками и туристами, пока мимо несли глухо стучащие барабаны.

А почему бы и нет? Половину жителей Долины словно замороженных влекла за собой музыка. В волосах у непальцев цветы. Люди смеялись, хлопали в ладоши, громко пели. Один юноша заверил меня, что в воздухе в этот момент носились духи и боги, потому что даже они любят земные развлечения. Конечно, это фантазия, но в нее легко поверить.

В старом Катманду соседствуют легенды и быль. Здесь вы можете увидеть миллионы изваяний божеств — и все они заняты вполне человеческими делами. Они везде: на храмах и дворцах, над дверями и окнами. Есть и такие, которые поддерживают резные

балконы. На каждой улице вы увидите нарисованные всевидящие глаза, они следят за происходящим; на площадях и у фонтанов множество изваяний божеств и легендарных созданий; крылатые львы охраняют храмовую ограду; духи застыли в позе молящихся; орлы изображены с бараньими головами, а драконы — с хоботами слонов. Во время праздников божества словно оживают, а позолоченные львы потягиваются и изрыгают пламя. Гаруда<sup>4</sup> парит на алых крыльях. И золотые змеи, украшающие крыши храмов, высовывают языки, сверкающие драгоценными камнями.

По улицам города катят колесницу, а в ней восседает кумари — девочка — живая богиня. Такой девочке поклоняются как богу. По достижении половой зрелости ее отсылают домой, в мир простых смертных. Место ее займут другие. Интересно, чем занимается богиня «в отставке»?

Девочка эта очень красивая, юная и нежная, как лепесток цветка, но держится она не по годам удивительно надменно. По традиции живой богине сильно подводят глаза. На лоб ее накладывают смесь из киновари и сандалового порошка. Это придает девочке совершенно фантастический вид. Она кажется бабочкой или экзотической птицей, пойманной в золотые сети одежд и трепещущих головных уборов.

Живая богиня обитает в центре Катманду, в полной изоляции, недалеко от древнего дворца первых непальских царей. Изредка кумари можно увидеть сквозь резное позолоченное окно.

Однако сегодня ее везли по улицам, и она церемонно и торжественно сидела на разукрашенной колеснице. Для тысяч людей, которые толпились в тот день на улочках Катманду и заполняли многоярусные постаменты бесчисленных городских храмов, эта девочка — богиня. Пока ее везли по улицам, на нее дождем сыпались деньги и рис — жертвоприношения. Вновь заиграли музыканты — да и переставали ли они играть? Танцоры в масках и гротескных париках из крашенной в красный цвет шерсти яка двигались, приплясывая, словно живые щетки из перьев.

---

<sup>4</sup> Гаруда — в древнеиндийской мифологии царь птиц; в буддийской мифологической интерпретации — огромные птицы; движение их крыльев порождает бурю.

## Только кипрское бренди...

Экспедиция занимала в отеле «Ройял» пять номеров. Наше горное снаряжение в беспорядке валялось на теннисных кортах отеля. Шерпы жили в меблированных комнатах в дешевой гостинице на базаре.

Когда-то в отеле была анфилада дворцовых покоев да три ванных комнаты таких размеров, что человек чувствовал себя в них одиноко. В 1956 году, когда я впервые приехал в Катманду, мне отвели номер в «Ройял» с ванной. В первую ночь я лег спать рано, но так и не заснул. Дело в том, что довольно часто раздавался легкий стук в дверь, затем появлялась какая-то фигура и на цыпочках кралась в ванную. Одним из нарушителей моего покоя оказалась восхитительная блондинка. Я хотел проявить гостеприимство (в конце концов это была моя комната), но дама очень спешила.

— Нет, нет, — торопливо прошептала она. — Мне нужна ванная комната! — И красавица стремительно пробежала мимо.

Теперь в отеле сорок четыре комнаты более прозаических размеров, и ходят слухи (а их в Катманду нельзя не принимать во внимание), что одна из ванных комнат превращена в «люкс» для молодоженов. Администрация отеля предоставила альпинистам щедрую скидку по сравнению с теми высокими ценами, которые обычно запрашивают с туристов.

Участники экспедиции (за некоторым исключением) познакомились лишь здесь, поэтому они старались произвести друг на друга хорошее впечатление. Даже если кому-нибудь и хотелось в суматохе бежать за барабанами и погрузиться в очарование праздничного Катманду, то он всячески пытался не поддаваться соблазну.

Эдмунд Хиллари заявил, что все это он видел раньше и сейчас есть работа, которой следует немедленно заняться. Все поняли намек. Но мы все-таки нашли время и возле отеля присоединились к толпе. Центральная площадь так загромождена народом, что яблоку негде было упасть. Мы прихватили с собой камеры и тут же стали расточать запасы экспедиционной пленки.

Во время праздника две огромные, сделанные из бамбука и шерсти фигуры (больше чем в натуральную

величину) украшали один из городских храмов. Они изображали «дикого лесного человека» и его полногрудую подругу. Для непальцев это — «Бан Манчгуру». Для наших шерпов, да и для нас (поскольку мы уже стали верить их сказкам) эти фигуры — «ужасные снежные люди»). Мы без конца фотографировали их. В основном мы все-таки запечатлевали на пленку любопытных, которые все время крутились перед камерами.

О деятельности нашей экспедиции расскажет фильм. Для этого в Катманду прилетел Фрэд Найлс — представитель фирмы «Фрэд Найлс инк., Чикаго и Голливуд». Он будет руководить начальным этапом съемок и давать советы. Похоже, Фрэд из тех людей, у которых даже в ванной комнате стоит телефон — ведь от таких, как он, постоянно хотят получить какой-нибудь полезный совет.

Фрэд пробивался сквозь многоцветье праздничного Катманду, словно ледокол по заросшей цветущими лилиями водной поверхности. При этом он ухитрялся снимать фильм так, что ни одна лишняя голова или рука не попадали в кадр. Он проводил совещания за обеденным столом, когда бар отеля был закрыт, и в самом баре, если тот в то время работал. Он пил только кипрское бренди. Кроме того, у него есть секретарша, и она прехорошенькая.

## Тучность и спортивная одежда

Я познакомился с Эдмундом Хиллари в Королевском географическом обществе в Лондоне за два месяца до отъезда в Катманду. Вряд ли тот момент был подходящим для разговора, от исхода которого зависело мое участие в экспедиции. Я только что прилетел с праздника и был полон французским шампанским. Мой спортивный костюм абсолютно не вязался с погодой в Лондоне и не подходил к данному случаю. В то время я весил около ста килограммов, и мне было трудно одновременно говорить и задерживать дыхание, чтобы подтянуть свисающий живот.

Эдмунд был великодушен. Он не обратил никакого внимания на запах алкоголя и на мои габариты. Вероятно, решил спасти мою душу с помощью альпинизма.

После пятнадцатиминутного разговора и пятнадцатиминутного ожидания, пока Эдмунд обдумывал мою кандидатуру, я был включен в состав экспедиции. Милая женщина, которая разносила чай, предложила чашечку и мне и заверила, что все будет в порядке. Без сомнения, она не догадывалась о цели моего посещения. Возможно, она приняла меня за разнорабочего, а там как раз имелась такая вакансия.

## Сэр Эдмунд

Хиллари в Катманду — это робот с гривой волос. В то же время он один из самых веселых, сразу же внушающих симпатию людей. Он проникателен и никогда не спешит применить силу, а она у него довольно значительная. Хиллари по-восточному весьма снисходителен к слабостям и страстишкам других людей.

Я уверен, что приключения в Гималаях научили его терпимо относиться к людям и их слабостям. Может, во мне самом чересчур много восточной романтики, а секрет доброй натуры Хиллари в том, что он — неисправимый индивидуалист, столь уверенный в себе, что может позволить быть уверенным в других. Эта гималайская экспедиция — первая в жизни Хиллари, в которой, по его определению, участвуют и «художественные типы» и альпинисты. Даже если Эдмунда и удручала эта суровая необходимость, то он и виду не показывал.

Бросив на произвол судьбы наши пресытившиеся тела и декадентские умы, Хиллари отправился за сто семьдесят километров от Катманду в долину Ролвалинг, где на высоте 4270 метров расположился наш базовый лагерь. Эдмунд даже позволил нам расслабиться. Альпинисты помогали ему справиться с труднейшей задачей — сортировали четырнадцать тонн экспедиционного снаряжения и оборудования, в то время как мы, непосвященные, мучились сложными проблемами — что взять в поход: средство от пота или соль для ванн вместо баночки-другой пива, сшитые на заказ ботинки или тяжелые и грубые экспедиционные, или, может, все-таки прихватить все необходимое и умереть под тяжестью груза.

Знаете ли вы, что такое рюкзак? Прошли вы когда-



нибудь с ним полтора километра, восемь, тринадцать, двадцать пять? Понимаете ли вы, что элегантные шорты, купленные заботливой женой или подругой, здесь вовсе не удобны — ведь солнце палит так нещадно и мучают пиявки. Однако в начале путешествия хорошо подогнанный рюкзак и яркие шорты производят приятное впечатление, так что наше самолюбие не страдает.

## Дилетанты и альпинисты

Джон Дейнхарт — довольно полный, коротко стриженный господин лет тридцати восьми — вполне может соперничать со мной в неосведомленности. Он представляет финансирующую нас из Чикаго организацию — Всемирную энциклопедию. Джон закупил снаряжение в Нью-Йорке и, чтобы хорошо подготовиться к экспедиции, ездил кататься на лыжах в Аргентину. Его вещами можно экипировать небольшую экспедицию. Все они яркие и броские, как с витрины Пятой авеню. Наш финансист прихватил с собой также стимулирующие пилюли и транквилизаторы, грелки для ног, средства от загара, шелковые нитки для выдергивания зубов и восхитительно пахнущие лосьоны, бумажные салфетки, мази, средства от простуды и т. п. Джон с удовольствием расстался с бурной светской жизнью в Чикаго. Вскоре, однако, он выяснил, что чиновники правительственных учреждений США в Непале охотно устраивали вечеринки. Один из них организовал прощальный банкет, и на следующий день Джон и я с трудом преодолевали километры: мучили головная боль и истертые в кровь ноги.

— Дес! Проклятье! Сегодня всего лишь ПЕРВЫЙ день ДЕВЯТИмесячной экспедиции! Я не потяну! — то и дело повторял Джон, пока мы с трудом карабкались по холмам. — Зачем только я ввязался в эту историю?

Конечно, Джон хорошо знал, почему он это сделал. Отчасти экспедиция была его идеей, ведь Джон — заведующий отделом рекламы Всемирной энциклопедии. Цель его поездки в Непал — убедить читателей, что Всемирная энциклопедия не остается в стороне от исторических событий современности. Он понимал, что другие работы справочного характера — всего лишь сооб-

щения о событиях, уже прошедших и поэтому «весьма скучных».

Впервые Джон встретился с Хиллари в Чикаго. Вскоре после этого события он, что называется, «запродался», чтобы финансировать экспедицию. Кроме того, он сам отправился на охоту за йети. Он должен был обеспечивать радио и прессу сообщениями о ходе экспедиции. Джон считал, что после зимнего катания на лыжах и летних состязаний на парусных судах он имел довольно хорошую форму. Однако уже в первые мучительные дни перехода Джон часто ругал себя за то, что опрометчиво отправился на охоту за йети.

В группе «дилетантов» вместе с нами находился еще и Марлин Перкинс, директор Линкольн-парка (зоопарка в Чикаго), довольно известный автор книг о животных. Перкинс — весьма учтивый пятидесятилетний седовласый привлекательный мужчина с наружностью манекена, похожий на тех, которые рекламируют дорогие рубашки. У Марлина молодая супруга — он женился всего за несколько дней до экспедиции. Похоже, Перкинс полностью забыл о любимой, так как целыми днями прилежно фотографировал все, что представляло, по его мнению, интерес, и распугивал местных животных.

С нами был также доктор Ларри Свон и Бхану Банерджи. Ларри называл себя «гималаеведом». Он интересовался буквально всем — от москитов и больших панд до непальской ящерицы, которой якобы грозит полное исчезновение. Ларри Свон родился в Индии и образование получил в Дарджилинге. Он свободно говорил на хинди и урду и благодаря своему легкому, жизнерадостному характеру располагал к себе окружающих. Свон обнаружил насекомых там, где, согласно клятвенным уверениям владельцев гостиницы, их быть не могло, и мы стали очень осторожны еще до того, как ступили на дикие тропы. Ларри утверждал, что йети — человекообразная обезьяна. Более того, он был убежден, что обязательно поймает йети, если, конечно, нам не изменит удача и они не вымерли за последние несколько лет.

Бенгалец Бхану Банерджи — единственный индеец в нашей группе охотников за йети. Он присоединился к экспедиции в последний момент. Его главная зада-

ча — обеспечивать связь. Бхану — типичный житель низин (его родной город расположен на высоте около десяти метров над уровнем моря). У него уже есть опыт работы в Гималаях: Бхану сопровождал меня в 1959 году во время моего путешествия по Бутану. Его родители испытывали вполне понятную тревогу, когда узнали из письма Бхану, что сначала по делам экспедиции ему предстоит поехать в Катманду, затем совершить восхождение на высоту 5800 метров и также принять участие в охоте на йети. Такое редко может приключиться с молодым человеком, да еще когда ему всего двадцать три года. Отец Бхану очень обеспокоился этими обстоятельствами и написал мне письмо, в котором убедительно просил приглядеть за его сыном, так как «парень совсем не привык к таким высокогорным районам и чудовищам вроде снежного человека».

Итак, Джон, Ларри, Марлин, Бхану и я — новички, и наша выносливость и другие необходимые в экспедиции качества будут оценены в походе, на извилистых тропах, лежащих на нашем пути.

Костяк экспедиции состоял из таких старых знакомых Хиллари, как бородатый Джордж Лоу и Норман Харди (покоритель Канченджанги), Питер Малгрев и Уолли Ромейнс (вместе с Эдмундом они были в экспедиции в Антарктиде), Майк Джилл и Пат Барчэм (альпинисты из Новой Зеландии), Том Невисон (американец, специалист в области космической физиологии, участник каракорумской экспедиции) и Барри Бишоп (гляциолог и альпинист), а также шерпов из высокогорных районов — они, безусловно, не на последнем месте.

Норман Харди — легендарная личность. Недавно он написал книгу о шерпах. Далеко не каждый, кто совершал восхождение на Канченджангу, третью по высоте вершину в мире, которая долгое время считалась совершенно неприступной, поступил бы так, как Норман. Исключительно из уважения к чувствам местных жителей он говорил, что не стал проходить последние мучительные несколько метров. На самом деле Норман и его спутник покорили вершину. Боги Сиккима остались довольны. В данной экспедиции перед Норманом стояла задача набрать и шерпов, и группу непальских кули, и, к его чести, мы ушли из Катманду, по выраже-

нию Эдмунда Хиллари, «с самой сильной группой шерпов за всю историю экспедиций».

Джордж Лоу сопровождал Хиллари в экспедициях на Макалу, на Чо-Ойю, в Антарктиду, и его вклад в покорение Эдмундом Эвереста признан неоспоримым. Я думаю, что сила Джорджа как альпиниста кроется в редкостном телосложении: он мог сойти за аскета или жертву голодовки. У него размеренная походка, постоянно хорошее настроение и удивительная способность спать где, как и когда угодно. Едва мы останавливались на отдых во время дневного перехода, как Джордж скрывался под зонтом и тут же засыпал — лишь борода подергивалась во сне. Искусство мгновенно отключаться он мог демонстрировать стоя, лежа, сидя. В результате нервная система Джорджа всегда пребывала в покое, тогда как у остальных пошаливали нервишки. Джордж — школьный учитель в Рентоне — находится в непрерывном отпуске-приключении.

Когда впервые видишь Питера Малгрева, то сразу же вспоминаешь диснеевского Деда Мороза, только помолодевшего и без бороды. Может быть, происходит это потому, что Питер почти никогда не снимает красную шапочку и, будучи хранителем припасов, постоянно раздает щедрые дары. Он всегда пребывает в веселом и бодром настроении. К тому же у него есть присущая офицерам выправка — он младший лейтенант военноморского флота Новой Зеландии.

— Грязный британский матрос, вот кто я, — так обычно он говорит о себе.

Позднее Питеру пришлось дорого заплатить за свое мужество на Макалу, цену, которую ставят под сомнение или отказываются платить многие. Если попытаться понять, что же толкает людей на покорение вершин, то отчаянная борьба Питера Малгрева у вершины Макалу — всего лишь половина ответа. Вторая половина — это то чувство, которое испытываешь, шагая вслед за Эдмундом Хиллари, видя перед собой его огромные ноги и далекий Эверест. Все время пытаешься постичь, о чем же он думает, когда смотрит на «свою» гору, на далекий пик, на который однажды ступили его ботинки сорок пятого размера.

## Земное излучение и духовная гармония

На теннисном корте и в двух комнатах отеля шла подготовка к экспедиции. В корзинах и коробках находилось наше снаряжение и оборудование. Все это тщательно сортировалось. Вес каждого груза должен был быть примерно около двадцати с небольшим килограммов — такую поклажу вполне под силу унести носильщику-непальцу. В поклажу входили также и блестящие секции «Серебряной хижины». Каждая изогнутая металлическая деталь хижины сконструирована так, чтобы нести ее было удобно. Трудно себе представить, как из этих деталей соберут неприступную для ветров и бурь, освещенную электричеством лабораторию, теплую и уютную. Она будет стоять на высоте 6100 метров, и мужественные ученые проведут в ней суровую гималайскую зиму.

Высотная обувь совсем не подходила нам. Мы старались приобрести лишнюю шерстяную рубашку, натянуть на себя теплое нижнее белье, делали вид (надеюсь, профессионально), что хорошо владеем новенькими ледорубами, изучали по карте маршрут.

В честь нашего похода повсюду устраивались вечеринки. Так, в посольстве Великобритании мы расписались в книге почетных посетителей (она была похожа на путеводитель по Центральным Гималаям), а в доме американского посла меня посадили рядом с женщиной, которая испытала на себе эффект спиритизма.

— Знаете, когда вы ходите босиком, нужно верить в земное излучение. Вы когда-нибудь чувствовали, что происходящее с вами уже когда-то имело место в вашей жизни? Это все и есть земное излучение и духовная гармония...

В резиденции индийского посла мы ели при свечах на серебряных тарелках и наслаждались обществом милых хозяев. Мистер и миссис Харишвар Дайял провели в Гималаях много лет. Они были в Лхасе, где встречались с далай-ламой<sup>5</sup>. Стены резиденции увеша-

---

<sup>5</sup> Д а л а й - л а м а — глава ламаистской церкви. «Лама — океан (мудрости)» (монг.) — перевод тибетского титула «джамцо». Этот титул был присвоен в 1578 г. настоятелю монастыря Дрепунг, который с XVII в. стал духовным и светским правителем Тибета. Далай-лама

ны тибетскими картинами на свитках. Миссис Дайял объяснила, что существует еще только одна коллекция, подобная этой. Она пообещала навестить нас в нашем базовом лагере:

— Я хочу подняться высоко, очень высоко. Я люблю высокие горы.

У нас взяли анализ крови, мы получили разноцветные таблетки — витамины на время похода, а затем с нами провели инструктаж.

Выяснилось, что экспедиция состоит из двух отрядов. Один будет охотиться на йети в долине Ролвалинг, а другой — подыскивать места и возводить зимние лаборатории на высотах 5490 и 6100 метров в районе Эвереста. Хиллари возглавит отряд охотников на йети, а Норман Харди — «строителей» хижин. Я оказался в группе охотников на йети, и мне было приятно узнать, что мы дойдем до базового лагеря за двенадцать дней, а группа Нормана Харди будет тащиться восемнадцать дней, а то и больше, прежде чем остановится где-то возле Тьянгбоче, деревни при монастыре примерно в шестнадцати километрах от Эвереста. Те немногие ученые, которые уже прибыли, пойдут с Харди. Остальные (они еще не выехали из Англии) присоединятся к нам, когда закончится охота на йети и суровая гималайская зима начнет осаду хижин-лабораторий.

Постепенно мы все ближе знакомимся друг с другом. Я интересовался хижинами, и Эдмунд отослал меня к Уолли Ромейнсу (в свободное от альпинизма время он — профессиональный строитель). Ромейнс умел сохранять спокойствие в самых сложных обстоятельствах. Это завидное качество его характера будет по достоинству оценено на Макалу, когда все вдруг сразу пойдет не так. Такие люди, как Уолли Ромейнс, Майк Джилл и Пат Барчэм, принадлежат к разряду незаметных героев: они мало говорят и много работают. Если бы Хиллари не заверил всех членов экспедиции, что они — прекрасные альпинисты, то, пожалуй, никто бы так и не обратил на них внимания, как и на экспедиционных мулов — ведь последние ни на что не жалуются и работают как каторжные.

В первом базовом лагере Майк Джилл чуть не умер считается живым воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары, покровителя страны.

от воспаления легких. Он лежал в кают-компании, а вокруг все несли какой-то вздор. Присутствующие заметили, что Майк выглядел очень изможденным, но никому и в голову не пришло, как серьезно он болен. Дело в том, что Майк не паниковал и держался весьма спокойно. Через две недели после своего выздоровления он снова карабкался с горы на гору, и глаза его были устремлены на недостижимую скальную башню высотой 5795 метров, которая возвышалась над лагерем.

Было известно, что Том Невисон связан с ракетами и участвовал в запуске в космос шимпанзе, поэтому газетчики да и просто любопытные льнули к нему, словно рыбы-прилипалы к киту, не обращая при этом никакого внимания на остальных членов экспедиции. Том, капитан военно-воздушных сил США, привез с собой американский флаг, и каждый вечер с надлежащей церемонией он взвивался над его палаткой. Мы с Дейнхартом регулярно подходили к его палатке, заглядывали в нее и спрашивали, не там ли находится пункт для голосования. Через некоторое время флаг исчез.

### **Серьги с бирюзой и альпинистские ботинки**

Однажды утром нас разбудили раньше обычного, чтобы познакомить с шерпами. Веселые и оборванные, они выстроились на теннисном корте отеля в ожидании нашего появления. С первого взгляда об этих людях можно подумать что угодно, но только не то, что они стойкие и героические — а ведь на самом деле это именно так.

В основном они носили одежду, оставшуюся от предыдущих экспедиций. Их платья из алого японского шелка, хлопчатобумажной ткани шафранного цвета, бирюзового английского нейлона, пестрой шерсти, золотые кольца с подвесками и смазанные жиром косы выглядели странно в сочетании с плотными стегаными куртками, шерстяными брюками и ботинками. На нескольких шерпах были какие-то невообразимые пижамы в полоску, и при этом ожерелья. Однако все они смеялись одинаково непринужденно и заразительно.

Сначала нас представили Даве Тенцингу, нашему

сирдару<sup>6</sup>. Это довольно оригинальная фигура неопределенного возраста, от которой веяло большой физической силой и алкогольными парами. Нам сообщили, что встреча со старым Давой — большая радость. Правда, неумеренное потребление алкоголя несколько подрывает его могучее здоровье. Дава Тенцинг — шерп старой закалки. Он носит косу и усы, словно мандарин. У него за плечами богатый опыт восхождений. Дава побывал в экспедиции генерала Брюса на Эверест и ежегодно, начиная с 1952 года, поднимался на высочайшие вершины.

Однако Дава готов оставить это занятие и, возможно, уйти в монастырь. Он глубоко религиозен и даже двух своих дочерей постриг в монахини, а большую часть своего состояния отдал в монастырь в Тьянбоче. В 1952 году швейцарская экспедиция на Эверест охарактеризовала его как «короля шерпов», но Дава Тенцинг больше похож на диктатора. Столь же милосердный, сколь мудрый, он может наводить ужас, когда кто-то хотя бы слегка заденет его авторитет, и я не раз наблюдал, как выдавшие виды шерпы оказывались абсолютно безвольными перед гневом старого сирдара. Дава Тенцинг познал горе. В 1958 году, когда он и его старший сын сопровождали две разные экспедиции (Дава — на Эверест, а сын — на Джугал Гимал), жена поверила слухам, будто они оба погибли. В отчаянии она утопилась в реке. Даве пришлось пережить двойную трагедию. Вернувшись в Кхумджунг, он узнал, что его сын действительно погребен лавиной, а жена покончила жизнь самоубийством.

Уркьен — заместитель Давы, его приемный сын и начальник шерпов нашего отряда. У него очаровательная манера широко открывать глаза, когда он смеется, а смеется Уркьен часто. Уркьен выносливее лошади и довольно опытный восходитель. Однако у него есть один печальный недостаток — бурный темперамент. Порой он становится почти невменяемым. Так, он едва не втянул нашу экспедицию в серьезные неприятности еще до того, как поход начался.

---

<sup>6</sup> Сирдар (сардар, сердар — *перс.*) — военачальник у сикхов в Индии и Афганистане — глава племени, influential сановник, в высотных экспедициях — начальник над шерпами, нанятыми в качестве носильщиков





Самый молодой шерп в экспедиции.  
Рядом Гуми Дорджи

Чанг<sup>7</sup> обычно служит горючим для вспышек ярости Уркьена. Когда он трезв, Уркьен милый и умный человек, и я наслаждался его обществом, часами беседуя с ним о религии, перевоплощениях, необходимости образования для шерпов.

Еще трое шерпов остались в моей памяти: Пасанг Тенцинг (мой «личный» шерп), его белозубая улыбка, подвижная фигура, как у солиста балета; долговязый длинноволосый Айла с выступающими зубами, «прикомандированный» к Джону Дейнхарту, и Нима Дорджи, наш повар, внешне похожий на новобранца. Нима остался в живых лишь благодаря счастливой случайности. На Дхаулагири, во время швейцарской экспедиции, Нима пролетел больше девятисот метров вниз головой по ледовому склону, когда его и еще четверых, связан-

<sup>7</sup> Чанг — местный напиток, густое рисовое или ячменное пиво молочного цвета (точнее, слабая брага).

ных одной веревкой, захлестнуло лавиной. Вот как он описывал эту трагическую ситуацию:

— Снег неся с грохотом, будто стадо бегущих в панике яков. Мы, переворачиваясь через голову, катились вниз. Нас швыряло, крутило, вертело, и со всех сторон бурлил снег. Глаза залепил снег, и мне показалось, что я уже умер. Потом падение прекратилось, веревка зацепилась за скалу. Четверо из нас, все шерпы, наполовину были погребены под снегом, один повис над обрывом. Однако все остались невредимы. С нами был сахиб<sup>8</sup> — его совсем засыпало снегом, но он был жив и все время кричал. Мы медленно выбрались из-под снега. Сахиб же не мог даже пошевелиться. Он был рядом со мной, и это меня пугало очень, ведь он не двигался и задерживал нас. Снег все скользил по склону, а это опасно — новая большая лавина могла сбросить нас в пропасть. Я подумал: может, стоит перерезать веревку?

К счастью, и сахиб и шерпы остались живы. Нима благополучно продолжил восхождение и достиг вершины Дхаулагери. В то время ему исполнилось девятнадцать лет.

Джона Дейнхарта привел в ужас вид Айлы:

— Боже мой, Эдмунд, неужели я должен идти с ним? Он похож на дикаря, а зубы — словно бивни у слона.

Я бы много отдал, чтобы узнать, что Айла говорил о Джоне и о пестрой аптечке, которую ему пришлось нести для своего сахиба, когда мы двинулись в путь.

## ГЛАВА II

### Переход

Питера Малгрева отправили в госпиталь с дизентерией; еще шестеро чувствовали себя плохо. Бхану Банерджи уехал в Патну за упаковочным материалом, так что Питер и Бхану присоединятся к нам позднее. В фотокамерах обнаружили какие-то неполадки, и мы опасались, что их придется срочно отправить обратно в США. Основное снаряжение экспедиции находилось

---

<sup>8</sup> Сахиб — господин.

в железных руках индийской таможни в Калькутте. Мне казалось, что упаковать все необходимое на десять месяцев в два двадцатидвухкилограммовых тюка невозможно.

Однако мы не стоим на месте. Непонятным образом беспорядочная деятельность в Катманду оказалась весьма эффективной.

И вот настало утро, когда прислуга в гостинице в последний раз обнесла нас утренним чаем. Мы паковали тюки, а шерпы тут же их разбирали. Одни участники экспедиции завтракали, другие фотографировались в героических позах искателей приключений, не ведая о том, что впереди их ждут стертые в кровь ноги, мозоли, слезы отчаяния. Наше снаряжение казалось нам прекрасным, и нас согревало ощущение собственной важности, которое чаще всего бывает преувеличено. Кто-то принес пива, мы медленно его потягивали; банки из-под пива выстроились в ряд на капоте джипа, словно кегли. Вокруг лежал туман, и день все еще скрывался за восточным склоном Долины.

Полусонные, мы ехали по улицам Катманду. Каждый думал о своем и слабо интересовался происходящим вокруг. Наш путь лежал по плохой, но живописной дороге на Бхадгаон — одну из древних столиц Долины Катманду. На площади, на которой возвышались несколько храмов, мы увидели людей. Они убивали бешеную собаку.

В Бхадгаоне нас ждали носильщики. Они казались безликой толпой из-за одинаковой серой одежды. Мы с интересом наблюдали, как они взваливали на плечи наш багаж; снова с удовольствием фотографировались; затем погрузились в джип, и он помчал нас в Банепу, к месту нашего первого привала. Следует заметить, что некоторые члены экспедиции отправились до Банепы пешком — им предстояло преодолеть тринадцать километров по пыльной дороге под палящими лучами солнца. Те, кто поехал на машине, прибыли на место раньше, при этом затратив меньше сил, но дорога (если так можно ее назвать) была вся в глубоких рывтинах и ухабах. Поездка и для джипа и для наших печенок, коленок и локтей превратилась в кошмар, так что мы не испытывали никаких угрызений совести перед теми, кто добирался в Банепу пешком.

Банепа — последняя в Долине Катманду большая деревня. Это типично непальское поселение: старые, ржаво-коричневого цвета дома под черепичными крышами, среди которых проглядывали золоченые купола храмов. Мы весьма удивились, когда неожиданно увидели госпиталь адвентистов седьмого дня. Его хозяин — доктор Стэнли Стрэджес из Санта-Розы (штат Калифорния). Наше прощание с цивилизацией было отложено на несколько часов, так как вечер мы провели со Стэнли Стрэджесом и его супругой: сидели на диване, возле которого лежал ковер, и ели консервированные фрукты из последнего на нашем пути холодильника.

### Первый день пути

Наутро после плотного завтрака мы покинули Банепу и размеренным шагом, не торопясь отправились в путь. Стояла прекрасная погода, на всем лежали прохладные тени, и ярко светило солнце. Местность была слегка холмистой. Мы с Джоном медленно, почти без напряжения, шагали позади носильщиков. Если и дальше так пойдет, то предстоящая многомесячная экспедиция покажется нам долгим пикником. Однако как скоро рассеялись наши иллюзии! Поднявшись на невысокий перевал, мы увидели перед собой долину — она простиралась на многие километры. Издали деревни казались горстками блесков, рассыпанных по ткани лесов и полей. Ночью мы собирались устроить лагерь на берегу реки, которая протекала далеко внизу.

— Нет, — сказал Уркьен, подгонявший носильщиков, — сегодня лагерь будет там, вон за тем хребтом, в тучах. — И он указал рукой вдаль. — А на берегу реки мы можем остановиться, чтобы подкрепиться чаем.

Но ведь это же убийство! Это невозможно! Несправедливо! Конечно, он пошутил, но Уркьен уже спешил вперед, снова подгоняя носильщиков. Джон, Марлин, Ларри и я остались на перевале, недоумевая, зачем мы вообще здесь оказались.

— Черт возьми, я все еще надеюсь вернуться назад, — сказал Ларри, бросаясь с сачком на желтую бабочку. — Эй, не хотите ли поймать для меня что-нибудь интересное — жуков, пауков, бабочек?

Я взял у Ларри сачок, и мы, спотыкаясь, двинулись вниз по дороге. К счастью, туман сгустился, и далекая цель уже не была видна. Психологически это помогло; расстояние отмеряли собственными ногами. Еще задолго до того, как показалась река и мы присели перекусить, я почувствовал себя настолько вымотанным, что не обратил внимание на муравейник. Я даже не мог пошевелиться, пока меня всего не облепили красные муравьи. Счастливчик Джордж заснул сразу.

Остаток дня был настоящей агонией. Казалось, никогда не кончатся ни день, ни дорога, ни ее бесконечные повороты. Мы очень устали, а солнце палило немилосердно. Мы обливались потом, нас мучила жажда, а воды не было. Вскоре мы подошли к водопаду. Сбросив одежды, мы стояли под ним до тех пор, пока не почувствовали прилива энергии. Потом потащились дальше. Наконец добрались до реки, к месту лагеря. Палатки уже были поставлены, дымились костры. Быстро стемнело. Вскоре нас догнал Эд (он вышел немного позже) и сказал:

— Сегодня неплохой день. Завтра будет потяжелее!

### **Небритые и с мозолями**

Ни один последующий день нашей экспедиции не казался нам таким трудным, как памятный первый. Мы натерли мозоли, обросли щетиной, перестали обращать внимание на свою внешность, и нам порядком все надоело. Хотя в глубине души мы бессознательно сопротивлялись — проклинали жару, дожди, подъемы и спуски, — однако все без исключения поддались волшебству Непала. Так было и на второй, и на третий, и на сотый день пути.

Нас поражали необъятность открывавшихся перед нашими взорами перспектив, когда неожиданно в тумане видишь далеко вперед; абсолютная тишина, когда слышно, как кричит на дальней горе шакал; дрожащие на небе звезды, которые замечаешь, просыпаясь по ночам. Удивительно красивые картины природы: террасированные поля, цветущие сады орхидей, молитвенные флаги на грудах камней.

В деревне, расположенной на холме, в тот день



**Наш путь проходим  
через непальскую деревню**

была свадьба. Мужчины шествовали по одной стороне дороги, а женщины — по другой. Они словно старались перепеть друг друга, и казалось, что успех свадьбы зависел от этого. Мы не помешали церемонии. Пожалуй, наше присутствие сделало ее более красочной. Жители деревни к песне добавили импровизированный куплет:

*И у лошади, и у седока одинаковые зады.  
Сегодня у сахиба на задю появятся волдыри,  
а лошади он продавит спину. Ай-ай!*

Марлин натер кровавые волдыри, а Джон вывихнул колено, поэтому в тот день Джон Дейнхарт и Марлин Перкинс ехали верхом на лошадях (они взяли их в соседней деревне, чтобы добраться до первой реки и тут же отослать назад).

Мы шли все дальше и дальше, по лесам и открытым всем ветрам кряжам, через рисовые поля, селения и бурные потоки, где мостиком служило всего лишь бревно, и через реки по отвесным мостам — творениям местных кузнецов и счастливого случая. Мы взбирались на крутые склоны, на которые в другое время скорее всего не стали бы подниматься, а спуск порой оказывался таким крутым, что, казалось, лишь ненормальные мог-

ли на него отважиться. На протяжении всей экспедиции пейзажи удивительной красоты отвлекали нас от бесконечно изнуряющего пути, а боль и безысходность не давали полностью насладиться красотой.

Возможно, с точки зрения общепринятых гигиенических стандартов от нас дурно пахло. В первый же день после выхода из Катманду мы распрощались с чаем в постели, газетами, удовольствием понежиться в ванной и чистым бельем. Если рядом оказывался какой-нибудь источник, а полотенце было под рукой — его еще не успели упаковать в бездонный мешок, и носильщик, спешащий приступить к ежедневному тяжелому труду, ловко не подхватывал его, — мы умывались. Зубные щетки и пасту мы складывали вместе с предметами первой необходимости — ручкой, таблетками для обеззараживания воды, туалетной бумагой, шоколадом. Раздавались жалобы (правда, их с каждым днем становилось все меньше), что члены экспедиции не успевают даже сполоснуть рот из-за недостатка времени. Однако думаю, что, вероятно, это было преувеличением.

Участник экспедиции довольно быстро превращается в эгоиста. Он думает только о своих усталых ногах, о своих ноющих плечах, о своей способности не отставать от других — и про себя всех посылает к черту. Довольно распространенный образ — счастливая когорта беседующих людей, которая, извиваясь змеей, исчезает в розовой дали, — в экспедиции ужасным образом искажается. В походе уже через час человек замыкается, занят лишь своими мыслями, страданиями и заботами. Только купания и еда остаются общими. Вообще-то носильщики считали нас сумасшедшими. Поэтому то, что мы купались голышом в ледяных потоках, не вызывало у них удивления, лишь немного смущало.

Я ждал того дня, когда шерп направит свой фотоаппарат на «лежбище» голых сахибов, а антрополог-шерп попытается как-то объяснить это явление.

У нас начались галлюцинации: нам мерещились холодное пиво, пуховые перины, теплые ванны. Мы мечтали о легко транспортируемом сухом льде, нетрудных подъемах, кислородных коктейлях. Может, на нас таким образом повлияла высота? Измученные десятичасовым переходом и потеряв всякую надежду на глоток

пива, вина или холодного martini, участники экспедиции думали только о холодной воде, а ручейков как назло не попадалось. Если они и встречались, то вода в них была отвратительно теплой. Если же кругом низвергались каскады ледяной воды, мы грезили лишь о горячем пунше или чашечке дымящегося шоколада.

Первые дни перехода были полны драматических событий. Эдмунд храбро смотрел на предстоящие нам сто девяносто тяжелых километров пути, причем его ноги сорок пятого размера были втиснуты в теннисные туфли на размер меньше. Он позаботился о том, чтобы каждый из нас был хорошо экипирован, а о себе забыл. Теннисные туфли легкие, в нормальных условиях не скользят и быстро сохнут. Сорок пятый размер обуви — это ли не гарантия, что вы обязательно станете превосходным альпинистом?

К доктору Тому Невисону приводили детей. Животы у них были вздутые, похожие на шары, наполненные водой, а на худеньких личиках — скорбное выражение. Так, во время одного из привалов отец привел двух своих детей.

— Может, хоть один выживет? — спросил он. — Пусть один умрет, но другого, пожалуйста, спасите!

Конечно, тяжело слушать такое. Может, просьба отца покажется жестокой и бесчеловечной? Но сам отец был изнурен недоеданием. Единственная пища отца и детей — чанг, местное «пиво», очень крепкое зелье из риса. Прежде чем поставить диагноз «водянка», Том Невисон интересовался, не давали ли больному чанг. И всегда ответ был утвердительным. Детей здесь поят чангом, чтобы они не капризничали, однако делают это еще и потому, что чанг — единственная «пища», доступная беднякам.

Мы встретили одного солдата-гуркха<sup>9</sup>. Он бодро и весело шагал на деревянной ноге по трудному участку дороги, на котором многие из нас покалечились. В одном месте нам пришлось пересекать ручей. Он вышел

---

<sup>9</sup> Гуркхи — так называли жителей области (ранее княжества) Горкха в Центральном Непале. Этнически гуркхи — собственно непальцы (кхасы), говорящие на языке непали. Составляют около половины населения страны. Часто гуркхами называют непальцев, состоящих на службе в индийской и английской армиях.



из берегов из-за прошедшего высоко в горах обильного дождя. Нашим тяжело нагруженным носильщикам преодолеть это препятствие было трудно. В бурлящем потоке, доходившем до пояса, неслись камни величиной с теннисный мяч. Переходя этот ручей вброд, легко было потерять равновесие, и, если бы такое случилось, мы поплатились бы оборудованием и припасами, а кое-кто, возможно, и жизнью. Поэтому Хиллари, Лоу и я вошли в ручей и стали помогать носильщикам перейти его. Правда, при этом мы сами с трудом удерживались на ногах. К счастью, вода в ручье спала так же внезапно, как прибыла. Переправа продолжалась часа два.

Через несколько часов мы остановились в деревне, чтобы отдохнуть и перекусить в тени огромных деревьев. Нам предстояло трудное восхождение. Поросший лесом отрог горы возвышался словно пирамида прямо за домом, где мы отдыхали. Тропа петляла все выше и выше и терялась в облаках. По ней могли, пожалуй, пройти только горные козы. Понурая хозяйка дома и ребенок смотрели, как мы едим. Они были совсем не похожи на гостеприимных непальцев. Я поинтересовался, чей это ребенок. Женщина сказала, что дитя ее, и он единственный, кто уцелел после катастрофы. Я поинтересовался какой.

Оказывается, всего несколько дней назад ее дом стоял на террасированном поле в горах на другой стороне Долины, высоко над рекой. Там у них был хлев для скота, фруктовый сад, а в большом каменном доме жила семья из восьми человек.

— Там были и мой муж, и мой старший сын с женой и ребенком, и моя дочь, и средний сын. И этот, самый младший, и я. Несколько дней шел дождь, и мы не могли как следует ухаживать за скотом. Однажды я пошла взглянуть на корову — она должна была скоро отелиться. За мной увязался малыш. Вдруг раздался страшный шум, дрогнула земля, и я увидела, как наш дом стал сползать вниз. Из дома выскочил муж. Он что-то крикнул мне. Но тут дом обрушился на него, а затем на дом рухнула целая гора. Теперь мы с малышом остались совершенно одни. Это — дом моего брата.

Мы молча дали ей несколько рупий...

Перед нами предстали великие гималайские пики, окутанные тяжелыми тучами. Они неожиданно возник-

ли в ярком утреннем солнце, неправдоподобно близкие, непередаваемо прекрасные. Здесь были леса рододендронов с искривленными стволами и причудливо изогнутыми ветвями, словно стройные ножки балерин в розовых чулках; и таинственные малые панды, и голубые ящерицы, греющиеся на голубых скалах, и целая гамма цветов, и пестрая религиозная церемония — все это предстало перед нами, когда мы расположились лагерь на земле одного буддийского монастыря.

В главной часовне, полной добрых и злых божеств, среди масляных лампад и ярких павлиньих перьев, разукрашенных свитков и роскошной парчи расprostерлись ниц перед алтарем шерпы. Ламы были погружены в молитву; казалось, будто их высекла та же рука, что вырезала орнамент на колоннах и полках со священными книгами, закутанными в шелка.

Когда сэр Эдмунд сделал монастырю подношение от имени экспедиции, из часовни вывели маленькое «божество» в роскошных парчовых одеждах. Оно с удовольствием позировало перед камерами в знак признательности. В нашу честь гудели и трубили большие медные и серебряные трубы, звенели колокольчики. Только мы заснули, как нас разбудила ранняя служба — тихое пение молитв под звук барабанов: *Ом Мане Падме Хум* («Хвала прекрасной жемчужине в лотосе»). Когда взошло солнце, оно было похоже на сверкающие драгоценности. Небо было зеленым, а ручей — золотым.

Правда, в основном мы шли в тумане и под дождем, ведь сезон дождей еще не кончился.

### **Надгробный камень для братской могилы**

До Бединга оставалось два дня пути, когда пейзаж резко изменился. Горы сомкнулись, и мы оказались скорее внутри их, а не наверху. При этом появилось странное ощущение, словно мы находимся в заключении. Сильно пахло землей, сыростью, гниющей зеленью. Вокруг неслись потоки и шумели водопады. Возникло чувство незащищенности, словно природа вдруг решила стать жестокой и заманила нас в склеп для массового захоронения.

Над нами возвышались отвесные серые и серебристо-стальные, терракотовые и фиолетовые скалы. Они стали разрушаться еще с незапамятных времен. Казалось, они кровоточили. По ним, словно тысячи вен, низвергались молочно-белые водопады. Они падали с огромной высоты, и вода рассеивалась еще в воздухе. Можно было пройти прямо под водопадом и почувствовать лишь водяную пыль на руках и лице.

Мы оказались у моста. Несколько стволов деревьев были перекинuty в самой узкой части ущелья, на дне которого лежал огромный камень. Все сооружение казалось неустойчивым и было окутано водяной пылью. Перебравшись через мост, мы несколько часов карабкались по утесам на противоположном берегу и наткнулись на семейство лангуров. Они чувствовали себя здесь хорошо.

Так мы познакомились с первыми претендентами на звание йети, причем в обстановке самой подходящей: отвесные утесы, густые молчаливые леса, а за ними — снежные пики да несколько глухих деревушек — «форпостов человечества», призванных отмечать встречи с неизвестным.

Двумя неделями позже, когда мы обосновались в Бединге, шерпы-проводники доставили в лагерь молодого лангура. Они поймали его как раз возле утесов. Его темная мордочка и блестящие темные глазки похожи на лица старух, ожидающих почетной смерти — кремации в священном Бенаресе или храме Пашупатинатх в Катманду. Обезьянка казалась воплощением грусти и тихой мольбы. Она была словно закутана в желтовато-коричневое манто из меха, похожего на нейлон. Длинный хвост лангура, черные ладошки и ступни постоянно мерзли в холодном Бединге, что заставило нас усомниться, что эти звери добровольно забредают на высоту свыше 3660 метров (Бединг расположен на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря).

Однажды наш лангур попытался удрать из плена. Он бежал, высоко задрал хвост. Вряд ли «следы йети» оставляют лангуры. Если бы это было так, то почему отсутствует при этом след их длинного хвоста? Однако люди, заявлявшие, что видели йети, упоминают длинный, иногда пушистый хвост. Эта деталь приводит в за-

мешательство пылких защитников легенды о «снежном человеке».

Наш несчастный лангур в конце концов умер от желудочного заболевания. Шерпы, присматривавшие за ним, всякий раз кормили его, когда он начинал что-то бормотать или выглядел печальнее, чем обычно.

## Мы мечтаем о чудовищах

Нам посчастливилось добраться до Симигаона, бедной деревни с населением около двухсот человек. Она располагалась выше скал, на которых обитали лангуры. Восхождение было трудным, зачастую под нудным морозящим дождем, поэтому, когда шерп Пасанг Тенцинг сказал, что выбрал для моего ночлега лучшее место в деревне, я очень обрадовался. Пока остальные ставили палатки на мокром от дождя поле, я лежал, расслабившись, в спальном мешке на веранде крошечного монастырского домика.

Джон Дейнхарт разделил мое «монашество» и остался очень доволен.

— Черт возьми, Айла, старина, снова тебе это удалось! — повторял он своему улыбчивому шерпу в промежутках между глотками чая.

Оставалось только гадать, кто из них больше гордится своим спутником — шерп сахибом за то, что тот нежился в относительной роскоши (результат его, шерпа, смекалки), или сахиб шерпом, потому что эта роскошь ему доступна. Проходя мимо, Эдмунд проворчал, что мы напрасно думаем, будто хорошо устроились.

Вдруг Джон завопил и бросился на улицу, в темноту. Мне показалось, он крикнул: «Чудовище!». Действительно, по монастырским стенам ползли какие-то синезеленые твари. Они появлялись из больших щелей и, злясь на наше непрошеное вторжение, издавали странные звуки. Я сам не большой любитель крупных ящериц, поэтому пулей вылетел вслед за Джоном, как только мне удалось расстегнуть молнию на спальном мешке. Все уже давно спали, а Пасанг Тенцинг и Айла шлепали по болоту — единственному ровному месту в округе, пытаясь поставить палатку. Джону и мне потом снились всю ночь драконы.

От Симигаона дорога безжалостно уходила вверх. Становилось все холоднее; недолгое утреннее солнце скрывали тучи, лес окутывал туман. Шел дождь. Он был изнуряющим, ледящим и пронизывал до костей. Мой полиэтиленовый плащ давно разорвался, а зонтик сломался, когда я попытался опереться на него, чтобы не упасть. Хорошо, что на мне была теплая одежда. Рваный плащ кое-как спасал от дождя.

Потрепанная хлопчатобумажная одежда носильщиков резко отличалась от нашего обмундирования. Большинство носильщиков были босые, некоторые из них прятались от дождя под прозрачными от ветхости одеялами. В один такой день мне стало стыдно, что я хорошо одет и на привале меня ждет сухая палатка, удобная постель и смена теплого белья.

В тот вечер мы разбили лагерь под перевалом на высоте 4270 метров над уровнем моря. Прямо за перевалом возвышались громадные снежные гребни Махалангур Химала<sup>10</sup>. Мы ощущали их близость. По мере того как сгущались сумерки от небесно-голубых до сапфировых, из-за перевала на нас надвигался холод. Лагерь находился в поросшей лесом низине, и холод стекал в нее, наполняя и замораживая лес. Казалось, деревья становились стеклянными, а земля — свинцовой от инея. В ту ночь звезды были неправдоподобно яркими и близкими. Пасанг сказал, что они принесли холод. На наших палатках на высоте 4270 метров лежала звездная пыль, горы на другом конце Долины казались похожими на светящихся китов, плавающих в тучах, словно в волнах, а над всем этим нависал медный диск Луны с серебряным ободком.

Чтобы не замерзнуть, наши несчастные носильщики приплясывали возле костров. Завтра их работа закончится, и они смогут вернуться вниз, на более «теплые» высоты, да еще и с деньгами. Поэтому сегодня они могли позволить себе и отдых, и песню:

О братья мои,  
Я вижу тень  
На белых Гималаях  
В ночь полнолуния,

---

<sup>10</sup> Как известно, по-шерпски *лангур* — «обезьяна», *маха* — «большой, огромный». По-видимому, *Махалангур Химал* — «Горы огромных обезьян, или „снежных людей“» — *Примеч авт*

Когда мы сидим  
На этом горном перевале.  
Как же мы можем забыть  
Ту песню, что поем сегодня,  
Как же забыть ее, мои братья,  
Как забыть?

За всю историю гималайских экспедиций ни одна не насчитывала такого числа носильщиков, как эта. С нашей группой шли двести человек, а с Харди — более трехсот. Среди них были старики, юноши, мальчики. Здесь оказались люди, место которым скорее в больнице, чем на горной тропе, — так очевидно они страдали от анемии, туберкулеза и истощения.

По именам мы знали только нескольких человек. Это — Гхале, крепкий парень; Каркабахадур — смысленный юноша, он умолял взять его в Индию или в какую-нибудь другую страну, лишь бы он мог там учиться и работать; Найке — надсмотрщик, довольно хитрый молодой человек с внешностью проходимца, каковым он впоследствии и оказался.

От имени носильщиков Найке требовал повышения аванса. Позднее мы узнали, что эти деньги он присвоил. Только самый грязный шантаж удерживал людей от мятежа. Дело в том, что в Непальском гималайском обществе Найке был своим человеком. А так как все носильщики и шерпы могли наняться только через это общество в Катманду, то Найке пригрозил им, что если они не будут подчиняться ему, то больше никогда не найдут себе работу. Каркабахадур сохранял чувство юмора и держался независимо. Именно он объяснил мне, кто такой Найке, и добавил, что последствия такого поведения его совсем не волнуют.

На следующее утро мы с трудом поднялись на перевал и на высоте впервые почувствовали одышку. На гребне перевала нас ожидало вознаграждение: Гауришанкар — великая богиня гор. Она была отделена от нас лишь узкой долиной, но казалась такой близкой, что мы слышали тревожный грохот камней на ее моренах и видели, как сходят снежные лавины. Нашим взорам открылась великолепная громада из льда и камня с нависающими карнизами. Ее гребни были острыми, словно грани штыка, а перламутровая и таинственно прекрасная вершина казалась настоящей раковиной устрицы.

Весь день, пока мы шли вверх по долине Ролвалинг, гора возвышалась над нами. Быстро менялись ее очертания. Она казалась то горбатым гигантом, то вздымающейся ледяной башней. Из Бединга виден только один из многих гребней Гауришанкара. Это величественная, с острым пиком гора. Мы решили, что дороги туда нет.

### **Пугливые йети и дружелюбные отшельники**

Более десяти лет назад над Бедингом пронеслась снежная лавина. В живых остались лишь мать с ребенком, укрывшиеся в хижине, остальные были заживо погребены. Вспоминают, что именно в тот год особенно часто слышались странные, свистящие крики йети. Они ссорились холодными ночами, и каждое утро на снегу оставляли свежие следы.

— Видно, они охотились за жертвами лавины, — сказал мне старейший лама маленького красивого монастыря в Бединге.

Он рассказал, что две зимы назад во время вечерней молитвы два «снежных человека» подошли к монастырю. Шел снег, было темно. Они обнюхали здание и пытались влезть в окно. Охваченные ужасом, ламы с удвоенной силой ударили в церемониальные барабаны. Йети ушли. При этом, как выразился лама, они «кричали, как люди, которым больно».

Несколько лет назад в Бединг приезжал какой-то чиновник из Непала с целой свитой слуг и ловчих. У него было старинное ружье — гроза кабарги и фазанов, которых здесь великое множество. Стояла зима, каждый вечер выпадал небольшой снег. Старейший лама Бединга рассказал нам:

— В то время как приезжие укладывались на ночлег, рядом с хижинкой, в которой они остановились, неожиданно послышались тяжелые шаги. Это был, без сомнения, йети. В окне показалась его огромная голова с горящими глазами. Никто не посмел даже двинуться с места, не говоря уже о том, чтобы кинуться к ружью. Мы, ламы, услышав шум — это кричал в бессильной ярости йети, — затрубили в большие медные трубы. Йети испугался и убежал.

Таким образом, маленькое селение Бединг, глубоко спрятанное в красивом и редко посещаемом ущелье, было вполне подходящей базой для охоты на йети. Бединг казался маленьким даже по сравнению с деревеньками шерпов. В нем было всего около двадцати грубо сложенных каменных домов, связанных в цепочку каменной стеной, которая скорее обрисовывала, чем защищала картофельные поля. Всю деревню можно принять за груду камней, упавших с гор, если бы не буддийская ступа<sup>11</sup> точных пропорций (обычно их возводят над священными реликвиями) из резного камня, свидетельствующая о мастерстве местных жителей. И с каких гор! Скалы круто вздымались на триста или более метров и образовывали впадину, в которую засасывались облака. Они таяли там, рассыпались, текли вспять, как призрачные водопады, все вверх и вверх к вершинам, и повисали на них, как знамена. Тибет был всего километрах в двух отсюда, за высоким перевалом.

В Ролвалинге так мало народу, что даже деревни казались покинутыми. Их жители — люди довольно спокойные и неторопливые. Казалось, будто они только проснулись после зимней спячки. Мы неожиданно, словно пришельцы из космоса, расположились на деревенской лужайке — ровной полосе у реки, поросшей сорняками. Наши разноцветные палатки и необычное поведение стали предметом неугасающего интереса жителей деревни. Они наблюдали за нами с таким постоянством, что у нас родилось подозрение, не установлено ли за нами наблюдения, чтобы не пропустить ни одной подробности из наших непонятных действий, которые обсуждались на каждой вечерней сходке. Так наш лагерь оказался в центре деревенской жизни.

В монастыре с резными раскрашенными стенами и молитвенными флагами уже не было ни лам, ни монахинь. Местный отшельник спустился из своего высокогорного «гнезда», которое прилепилось на высоте ста пятидесяти метров над монастырем. Очевидно, великий

---

<sup>11</sup> Ступа (санск., буквально «куча земли, камней») — буддийское символическое и мемориальное сооружение, хранилище реликвий. С первых веков до нашей эры известны полусферические ступы, позже башнеобразные.



мистик и тантристский<sup>12</sup> святой гуру Падма Самбхава предавался здесь медитации около двух тысяч лет назад, и с тех пор это место считается священным.

В Бединге первым приветствовал нас этот веселый отшельник. Он провел в одиночестве четырнадцать лет, но своим дружелюбием и живым интересом ко всем нашим делам опроверг убеждение, что все отшельники обязательно интроверты. Буквально через несколько минут после нашей встречи он отвел меня в сторону и, хитро подмигнув, толкнул локтем в бок и предложил выпить. Мы так и сделали, но позднее, когда лагерь уже был разбит, а день стал угасать и дым костров образовал полог над палатками. Другие тоже пили вместе с нами. Из деревни приходили женщины с большими кувшинами чанга. Сначала они делали это крадучись, а потом уже открыто. В палатках шерпов все громче пели и смеялись. На следующее утро все шерпы были пьяные. Всю ночь шел проливной дождь.

## Немного истории

Тот факт, что существует несколько разновидностей «снежных людей», уже «установлен и принят». Их три: одни — большие, другие — средних размеров, третьи — маленькие.

Шерпы — обитатели гор (наши поиски велись именно в высокогорье) — обычно называют всех их общим словом *йех-тех* (йети).

Шерпы из Солу-Кхумбу (в этом районе в основном и проходили наши поиски йети) различают три разновидности «снежного человека»:

*DZU-TEH* (*чу-тей*) — большое (от двух до двух с половиной метров) белое, рыжее или черное косматое существо, которое одинаково хорошо ходит как на двух, так и на четырех конечностях, питается в основном растительной пищей, но охотится также и на крупный рогатый скот. У этого существа длинные когти, живет оно на высоте около четырех тысяч метров.

---

<sup>12</sup> Т а н т р и з м — направление буддизма и индуизма, сложившееся в начале нашей эры. Эзотерическое учение, широко использующее йогу и опирающееся на идею половой (особенно женской, так называемой «шакти») энергии мирового начала.

На языке шерпов *DZU* значит «скот», *ТЕН* — «обезьяна»; следовательно, под названием *DZU-ТЕН* подразумевается «обезьяна, которая охотится за скотом».

*МИН-ТЕН* (*ми-тей*) — двуногий, ростом с невысокого, крепко сбитого человека, черный или рыжий лохматый зверь с заостренной кверху головой, плотоядный, людоед. У самцов на глаза нависает длинная грива, а у самок заметна отвислая грудь. У них высокий плачущий голос, и они часто издают непонятные звуки, похожие на свист или бормотание.

Это и есть «настоящий снежный человек», умный антропоид, живущий высоко в Гималаях. По всем приметам *МИН-ТЕН* не встречается ниже 4500 метров и чувствует себя гораздо лучше на высоте примерно 5500 метров. Легенда запутывает дело, так как в ней говорится, что у этих существ ступни вывернуты. *МИН* — по-шерпски «человек», *ТЕН* — «обезьяна». *МИН-ТЕН* — «человекообразная обезьяна», или, вернее, «обезьяна, которая охотится на людей».

*THELMA* (*тью-хелма*) — грустное рыжее, черное или серое животное, ростом с карлика. Живет оно в густых лесах ниже 3000 метров, лазит по деревьям, ходит на двух ногах, похоже на обезьяну — возможно, так оно и есть. У него довольно громкий голос; передвигается большими стадами. Увидеть *THELMA* — плохая примета.

Шерпы из Лангтанга (север центральной части Непала) «своих йети» подразделяют так:

*NYALMO* — похожий на человека, волосатый, гигантских размеров (до шести метров) зверь. Чтобы доказать свою силу, одни *NYALMO* трясут огромные сосны, а другие сидят вокруг и хлопают в ладоши. В остальном они похожи на *DZU-ТЕН*. Возможно, это те же животные.

*RIMI* напоминают *МИН-ТЕН*, но значительно выше. У них огромные, торчащие вперед зубы и горящие глаза.

*RAGSHI-BONPO* — умное человекообразное существо ростом с пятнадцатилетнего подростка. Обитает в густом лесу.

Хотелось бы обратить внимание на слово *BONPO*<sup>13</sup>.

<sup>13</sup> Бонпо — архаическая добуддийская система верований Тибета (и — шире — Гималайского региона) с сильными элементами шаманства.

Первоначально — это культ, основанный на магии, который преобладал в Непале и в Тибете до буддизма. Слово *рагши* происходит от *ракши*. В Индии и Непале так называют демонов. Поэтому *рагши-бонпо* можно перевести как «демон-волшебник».

Возможно, три эти невероятных существа — плод богатого воображения лам. Именно от них в Катманду заезжие антропологи, писатели и туристы узнают о громадных «снежных людях» Лангтанга.

## Охота начинается

За обедом — он состоял из вареного картофеля, тушеного мяса, слегка приправленного пряностями, чапати (плоских лепешек из пресного теста) и консервированных фруктов — Эд рассказал о своих планах охоты на йети. В двух концах долины он хотел разбить два наблюдательных лагеря. Каждый лагерь — две палатки, два сахиба, четверо шерпов. Оба лагеря будут изолированы друг от друга примерно неделю. В распоряжение каждого лагеря отдали мощные бинокли, заряженные снотворным винтовки, манки для йети. Марлин Перкинс и Ларри Свон, наши зоологи, благословили этот план, и после трехдневной разведки оба лагеря были установлены высоко на склонах долины, прямо у края снеговой линии.

Тем временем нас просто засыпали рассказами о йети и встречах с ними. Так, лама из монастыря в Бединге, оказывается, видел йети — черного, крепкого сложения, примерно полутора метров росту. Он был «похож на идиота». Однажды этот лама спал возле окна в своем доме. Его разбудило чье-то тяжелое дыхание, кто-то скребся в дверь. Дурно пахло. Это могло быть только одно существо.

Лама принялся лихорадочно вспоминать защитную

---

низма. В VII—IX вв. бонпо упорно боролась с буддизмом, но с X в. стала отходить на второй план; заимствовала многие черты буддизма: структуру, монастырскую организацию, канон; значительно повлияла на оформление ламаизма, в частности в сфере пантеона и обрядности. Многочисленные элементы бонпо сохранились как в ламаизме (особенно в секте ньингмапа), так и в виде самостоятельных культов.

молитву, и, когда его голос набрал силу, йети убрался восвояси. На следующее утро он обнаружил знакомые, похожие на человеческие следы, только очень большие.

История эта звучала убедительно, пока лама не пригласил меня в монастырь посмотреть на изображения йети. Все здание было живо расписано: боги и богини в бесчисленных проявлениях, буддийский рай и ад, колесо жизни и ужасающие картины отрезанных человеческих конечностей. В темном углу была нарисована пара странных созданий, которых лама выдавал за «снежных людей». Они мало напоминали общепринятый образ йети и погружали зрителя в область фантазии и мифов. Даже образ бога с головой животного, Дорджи Цземпа, лама назвал *йетини*, то есть йети-женщина.

### Кровь на ступенях гомпы <sup>14</sup>

Джон Дейнхарт был ответственным в нашей экспедиции за исправность магнитофонов. Знал он их досконально, изучил каждый винтик, имел представление о «Мониторе», о котором большинство из нас никогда не слышало. Согласно договору, бесчисленные слушатели «Монитора» день за днем получали полную сводку о деятельности экспедиции. «Говорит Джон Дейнхарт из экспедиции Всемирной энциклопедии в Гималаях под руководством сэра Эдмунда Хиллари...» — стал для нас сигналом побудки и отбоя. Все и вся записывалось на пленку. Эд Хиллари стал первой жертвой.

— Сэр Эдмунд, что вы можете сказать о сегодняшнем переходе?

— Сэр Эдмунд, вы верите в существование йети?

— Сэр Эдмунд, чем вы питаетесь?

— Сэр Эдмунд, как вы планируете восхождение на Макалу?

— Сэр Эдмунд...

Однако из пленки и голоса Эда Хиллари не суждено было создать единое целое. То и дело великолепное интервью при прослушивании или оказывалось вообще не записанным, или превращалось в серию икающих звуков. Джон ужасно расстраивался. Когда та же

<sup>14</sup> Г о м п а — ламаистская часовня; может входить в монастырский комплекс или стоять отдельно.

участь постигла запись церемонии в гомпе, Джон решил, что микрофоны не в порядке и нужно выписать новые. Чтобы сделать эту покупку, он решил вернуться в Индию со своим верным Айлой.

Эд согласился. Совершенно неожиданно Джон предстал перед нами в красных шортах и под зонтиком. Он зашагал в сторону Катманду. Выглядел Джон при этом ужасно одиноким и беззащитным. Хотя он и обещал вернуться, но больше мы его не видели.

Его должны были сопровождать два носильщика и, конечно, Айла. Однако наши шерпы и все деревенские жители были еще пьяны после церемонии в монастыре — той самой, что подорвала веру в гениев Джона и надежность записывающих устройств.

Поэтому, когда Джон отважно зашагал из лагеря с одним зонтиком, никто из шерпов за ним не последовал. Мы узнали об этом несколькими часами позже, ближе к вечеру. Я обратил внимание, что Айла все еще с нами, а посреди насквозь промокшей под дождем деревенской лужайки лежали три рюкзака Джона, причем в одном из них были его постель и одежда, в другом — палатка и еда, а в третьем — личная аптечка. Теперь Джон, должно быть, отошел далеко от деревни. Наверное, он сидел под деревом, с которого падали холодные капли, и ждал свои вещи.

Эду сообщили об этом, и он послал за Уркьеном, начальником наших шерпов. Уркьен был явно навеселе, но все любезно сделали вид, что не замечают этого. Ему приказали что-нибудь предпринять. Он икнул и исчез. Однако ничего не произошло.

Через час рюкзаки Джона все еще оставались на месте. Выглядели они еще более жалкими и промокшими. Со стороны гомпы доносился шум, но, кроме этого, не было никаких признаков жизни. Мы с Эдом решили выяснить, в чем дело. На полпути к монастырю мы столкнулись с Уркьеном. Он блаженно улыбался и был близок к медитации.

— Все, все хорошо! — сказал он нам, игриво толкая меня в грудь. — Носильщики немедленно выйдут.

Однако мы с Эдом решили пройти дальше. За монастырем стояла толпа народу — ламы, монахини, пьяные жители деревни. От толпы, пошатываясь, отделился человек. На него было страшно смотреть.

По лицу и одежде несчастного текла кровь. Не лицо, а белое месиво (очевидно, мозги), перемешанное с кровью. Эта жуткая фигура со стонами двигалась прямо на нас.

— Я умер, — сказал человек. — Он убил меня.

Толпа образовала стену вокруг этого кошмара. Мы оказались лицом к лицу с чем-то страшным и зловещим. Я спросил, что случилось. Никто не проронил ни слова. В круг, шатаясь, вошел Уркьен и, глупо хихикая, сказал, что раненый — сумасшедший и обращать на него внимания не следует.

Наконец люди заговорили, и мы узнали, что один из наших шерпов ударил человека бревном по голове.

— Он умирает, — монотонно твердили они.

Мы поинтересовались, кто это сделал. К тому времени все наши шерпы подошли к месту происшествия, однако все они хранили молчание, они хитрили. Взгляды их были отсутствующими. Уркьен глупо посмеивался. Толпа требовала справедливости. Она наступала на нас, угрожала. Раздались слова:

— Кровь за кровь!

Неожиданно возле окровавленного мужчины появился ребенок и, указывая пальцем на Уркьена, пронзительно закричал:

— Вот кто убил моего отца!

Толпа затихла, словно был произнесен какой-то жестокий приговор. Она ждала, эта стена тел, нетвердых рук и пустых глаз. Мальчик был очень маленький. Уркьен — огромный и сильный, как медведь. Толпа тяжело дышала сквозь сжатые зубы и напряглась. В какой-то момент я подумал, что Уркьен ударит мальчишку, но он только хихикал.

Мы увели раненого, его сына, Уркьена, наших шерпов назад в лагерь, на ходу бранясь с деревенскими. Мы добились даже того, чтобы Айла и два носильщика (все очень пьяные) потащили, спотыкаясь, рюкзаки Джона. Однако жители деревни на этом не успокоились. Они выделили красноречивого представителя, ламу, и он требовал правосудия, правосудия толпы, так как Уркьен не только убил человека, но и пролил кровь в монастыре.

— На ступенях гомпы кровь, и Уркьен должен смыть ее своей!

К счастью, нам удалось исправить неточность, допу-

ценную мальчиком, ламой и жителями деревни. Человек не был убит. Доктор Том Невисон как следует поработал над раной в тринадцать сантиметров на голове несчастного — «мозги» оказались пеплом, «лекарством» лам от кровотечения. Чтобы доказать свою правоту, мы показали жителям жертву нападения — он держался на ногах нетвердо, но был вполне весел. Этот человек, мы звали его «Разбитый», гостил два дня и две ночи.

— Его могут прикончить плохие люди из деревни, чтобы доставить вам неприятности, — сказал отшельник, мой приятель.

«Разбитый», его жена и дети занимали палатку рядом с моей, и я почти не спал — мне без конца мерещилось, что на них покушаются.

К концу второго дня наш калека уже мог нести на голове экспедиционную поклажу. Уркьен ходил трезвый, и вид у него был виноватый. Лама-обвинитель, которого все окрестили «Кровь на ступенях гомпы», пришел к нам просить работы и получил ее. Мир вокруг нас снова стал прекрасен. Но случай был довольно рискованный. Из-за подобных происшествий у нас могли отобрать разрешение на проведение экспедиции. К тому же вызванная таким образом враждебность населения могла сохраниться и по отношению к другим экспедициям.

Прошло некоторое время, прежде чем выяснились причины несчастья; может, шерпы были чересчур лояльны по отношению к Уркьену или слишком уж его побаивались. Я подозреваю последнее.

Дело было так. Два носильщика, которые должны были нести поклажу Джона, решили отметить то, что праздновали все остальные. Вскоре они напились. До тех пор пока Уркьен не получил от Эда нагоняй (когда я нашел брошенные Джоном рюкзаки), все шерпы дружно пьянствовали. Потом, по закону цепной реакции, так хорошо известному в армии, когда полковник ругает майора, майор — капитана, капитан — лейтенанта, лейтенант — старшего сержанта и дальше вниз по четко установленной служебной лестнице до последней ступеньки — кухонного мальчика или горниста, Уркьен передавал гнев Эда, добавляя изрядную долю своей собственной злости. Людей дергали, все кричали друг на друга. Один случайно попался Уркьену под горячую

руку. Тот толкнул несчастного и пнул ногой, а затем нанес страшный удар по черепу огромным поленом. Однако череп нашего калеки остался целым — свидетельство, что головы у шерпов крепкие. У любого другого человека она раскололась бы на части, как орех.

Айла проводил Джона до следующей деревни. К тому времени прибыли наконец два протрезвевших носильщика, и Айла благополучно вернулся назад. Два месяца ушли у Джона на перелеты из Калькутты в Катманду, на освобождение из таможни наших лыж и приемников. Наконец он получил новые магнитофоны и послал нам. Самому ему, однако, вскоре пришлось вернуться в Соединенные Штаты Америки.

## ГЛАВА III

### Шкуры и следы

#### Из моих сообщений и дневников

*1 октября. Бединг.* Все безумно волнуемся. И все это из-за одного дружелюбного отшельника из Бединга. Сегодня утром в неожиданно бурном проявлении любви к нам он взял меня за руку и, отведя в сторону от группы местных жителей, с которыми я беседовал о «снежном человеке», прошептал:

— В деревне есть шкура йети.

Через минуту нас окружили люди и прервали наш волнующий разговор. Это был один из самых мучительных моментов моей жизни.

Есть ли на самом деле в деревне шкура йети? Был ли лама-отшельник пьян? (Нечестивая мысль!) Произошло ли все это наяву, потому что лама даже при разговоре держался отчужденно и стремился поскорее уйти, а все мои попытки возобновить разговор наталкивались на непроницаемую улыбку и молчание. Я рассказал об этом Эду, он ликовал. Марлина и Ларри вызвали из наблюдательных лагерей. Хотя предполагалось, что переговоры содержатся в секрете — слишком большое возбуждение и интерес могут поставить под угрозу наш план купить шкуру, — кажется, все обо всем знают. Эд сказал, что к ночи вернется Джордж с камерами, чтобы



сфотографировать трофей. Но прежде надо заполнить шкуру.

*2 октября.* Сегодня утром в очередном порыве сентиментальности лама добавил несколько таинственных деталей ко вчерашнему сенсационному сообщению.

Шкура йети принадлежит монахине. Она живет в доме возле монастыря. Ее муж уехал, поэтому в его отсутствие она побоится сказать правду. Может, все-таки она даст нам посмотреть ее за деньги. Интересно, продаст она нам шкуру или нет.

При этом вопросе старик моментально превратился в сфинкса в ярко-красном одеянии, отрешенного, с улыбкой загадочной Моны Лизы, очевидно, оглохший от потрясения. Очередная глава странного приключения явно была закончена.

Сегодня днем я решил сходить в монастырь с Бхану Банерджи и Ангом Тембой, одним из наших посыльных-шерпов. Темба — обаятельный, низенький даже для шерпов, человек. Когда он волнуется, то нос его покрывается капельками пота, а смеется Темба каким-то трескучим смехом. Он по копну нечесаных волос погружен в тайну йети из Бединга. Ему обещано вознаграждение, если нам удастся заполучить шкуру этого существа.

Наше вторжение в монастырь похоже на налет. Оставшись с нами наедине, старый лама указал на владелицу шкуры, хрупкую монахиню средних лет. В ушах у нее серьги с бирюзой и кораллами. Каждое утро она ходит в импровизированную аптеку Тома Невисона по поводу синусита.

Анг Темба сразу ринулся в бой. Сначала монахиня притворилась удивленной и даже обиженной, а затем сказала, что никакой шкуры у нее нет, и она ничего о ней не знает. Мы с Бхану также вступили в сражение — стали умолять монахиню продать шкуру, а Анг Темба прямо назвал цену.

В самый ответственный момент вокруг нас собралась толпа, от которой никуда не денешься. Монахиня, перебирая четки, принялась читать молитвы и с отрешенным видом потихоньку удалилась. Так закончился третий акт нашей маленькой драмы.

*3 октября.* Сегодня мы узнали еще одну потрясающую новость. Некоторые ламы из монастыря явно что-то пронюхали о нашем интересе к шкуре йети. Надеюсь на

скорую прибыль, они без ведома монахини ворвались в наш лагерь и предложили взглянуть на шкуру за тысячу непальских рупий<sup>15</sup> (77 фунтов стерлингов).

Мы поспешно отправили Анга Тембу связаться с монахиней и убедить ее поскорее продать шкуру, пока ламы не совершат прегрешения, посягнув на ее собственность. Мы долго ждали. Наконец Анг Темба вернулся и сказал, что монахиня желает видеть меня одного.

Я пошел, повесив через плечо бинокль для маскировки, мимо домов лам из соперничающего лагеря за монастырь и вскоре оказался у маленького домика монахини. Когда я вошел во внутренний дворик и каменный забор оказался за моей спиной, Анг Темба (он шел сзади) закрыл за нами деревянные ворота, приперев их тяжелым бревном. Грабеж? В руках у меня была сумка с экспедиционными деньгами, и никакой надежды спрятать ее в складках своего платья.

Меня пригласили в дом. Там было темно, хоть глаз выколи. Комната оказалась полна невидимых ловушек и шепотков. Анг Темба и монахиня о чем-то оживленно разговаривали, причем часто употребляли слово «деньги».

Анг Темба наконец объяснил, что я могу увидеть шкуру за тысячу непальских рупий.

— Действительно ли это шкура йети? — спросил я.

— Конечно, это шкура йети, — настаивала монахиня.

— Могу ли я сразу ее купить? — поинтересовался я.

Стали торговаться. Оказалось, нет, но посмотреть на шкуру за пятьсот рупий (38 фунтов стерлингов) разрешили.

— Могу ли я сразу ее купить? — снова спросил я.

— Нет, но посмотреть на нее за двести рупий (15 фунтов стерлингов), и не меньше, возможно.

— Могу ли я сразу ее купить за двести пятьдесят рупий (19 фунтов стерлингов)?

— Нет.

— Триста рупий (23 фунта стерлингов), и не более.

Мы долго препирались. Наконец шкуру вынули из сундука. мех у нее был темный, с золотистым отливом, по плечам — полоса цвета слоновой кости. Это была шкура очень редкого тибетского голубого медведя.

---

<sup>15</sup> Непальская рупия — в то время курс был 7,6 рупии за доллар.

— Йети, йети, — упорствовала монахиня.

И вот Анг Темба уже складывает наши рупии в аккуратные пачки. Деньги заплачены, и мы укладываем шкуру в старый мешок из-под картофеля. Сверху добавляем несколько вареных картофелин. В изворотливости наша монахиня может сравниться лишь с ламами-конкурентами.

Когда мы проходили мимо монастыря, то увидели там пожилого старейшего ламу. Он улыбнулся нам своей загадочной улыбкой. Если ему что-то известно, то наш секрет находится в надежных руках.

10 октября. Через неделю после того, как сделка была осуществлена, ламы и жители Бединга пришли к нам и конфиденциально спросили, не хотим ли мы приобрести шкуру йети, принадлежащую одной из монахинь Бединга.

### Голубой гималайский медведь или йети?

Шкура, которую мы купили, — темная, с золотистым отливом. По плечам — полоса цвета слоновой кости с гривой более темной шерсти в центре, между лопаток животного. К сожалению, шкура не целая — нет ни задних, ни передних лап. Однако верхняя часть морды сохранилась, она золотистая, явно медвежья, хотя и без характерных торчащих медвежьих ушей. От глазниц до основания хвоста (его, правда, нет) — ровно сто пятьдесят два сантиметра. Ширина — чуть меньше девяноста сантиметров. Вне всякого сомнения, в руках у нас шкура голубого медведя.

Нашу шкуру местные жители и шерпы называли *Mighui*, *Dzuteh* и йети. Мы все еще точно не знаем, откуда она взялась, хотя монахиня утверждает, что шкура из округа монастыря Хор (Тибет), всего в нескольких километрах к северу от Бединга. Жители Бединга уверяют, что оттуда приходят зимой йети и рыщут по деревне.

Один шерп, которого я только что встретил и в чьей искренности у меня нет оснований сомневаться, рассказал, как несколько лет назад в его деревню (недалеко от Намче-Базара, шерпской «столицы» Солу-Кхумбу) при-

несли тушу йети. Те, кто снимал с нее шкуру, долго не могли отмыть руки.

— Меня чуть не вырвало от отвратительного запаха, — сказал он.

Через некоторое время владелец шкуры стал продавать ее по кусочкам, так как она считается сильнодействующим лекарством — панацеей от всех болезней. Мой собеседник тоже купил квадратик и до сих пор хранит его. Мы изучим этот кусочек шкуры, когда доберемся до той деревни.

Я попросил шерпа описать этот мех. Парень сказал, что он иссиня-черный, с красным отливом, а шерсть около двенадцати сантиметров длиной.

Интересно, что шерп упомянул об исходившем от животного смраде. Вероятнее всего, это голубой медведь. Большинство описаний йети включают такую деталь — острый, невыносимый запах. Шерп также вспомнил, что задние лапы животного были «как у медведя, только намного длиннее».

Сэр Эдмунд Хиллари рассказал, как в 1952 году в Гималаях, во время восхождения в районе Чо-Ойю, его шерпы нашли кусочек шкуры, покрытой жесткой черной шерстью.

— Йети, сахиб, йети, — возбужденно твердили шерпы.

Затем один из них выхватил этот клочок из его руки и покрутил им в воздухе:

— Плохая примета, сахиб, очень плохая.

Разглядывая мех, который мы только что купили, сэр Эдмунд решил, что клочок шкуры, который он видел в 1952 году, вполне мог принадлежать тому же животному.

Голубой медведь или йети? Или это одно и то же существо?

### **Извините, доброе утро!**

До того как мы покинули Бединг и отправились в более далекие и холодные места долины Ролвалинг, ламы пригласили нас в монастырь на небольшую церемонию. Хотелось думать, что это одновременно и прощание, и заключение мира. Нас встретил очень экспансивный джентльмен в меховой шапке. Он тепло пожал нам руки, поклонился каждому из нас и сказал:

— Извините, доброе утро!

Произошло это ранним холодным утром. На улице было еще темно.

В самой церемонии не было ничего особенного, но памятным это утро стало благодаря решению старейшего ламы показать в нашу честь монастырские реликвии. Сейчас буддийские реликвии (это чаще всего останки весьма почитаемого ламы или святого) крайне редко выставляются на обозрение. То, что нам показали реликвии этого маленького монастыря, — особая честь. Мы были настолько же тронуты, насколько ламы — довольны. Нам сказали, что реликвии принадлежали раньше Хору — монастырю, который находится на границе с Тибетом. Его разорили китайцы. Однажды безлунной ночью восемь лам из Хора бежали в Непал через перевал на высоте 5490 метров. Тогда они временно гостили в Бединге и надеялись каким-то образом изыскать средства на строительство собственного нового монастыря.

Реликвии, которые нам показали, принадлежали тибетскому святому, который основал этот монастырь; самая священная среди них — изящно высеченный кусок камня из «сердец» потомков ламы-основателя. Там был также зуб священной ячихи, из молока которой делали масло для монастырских лампад, и кость в форме божества, которую нашли у нее в мозгу. Кроме того, мы увидели чудесное изображение Будды, которое может поворачивать реки вспять и предотвращать землетрясения и другие бедствия.

На все эти реликвии наши экспедиционные шерпы смотрели с благоговением. Доказывая свою глубокую веру, они по очереди прикасались лбом к каждой из них.

Когда наконец мы собрались уходить, звуки мелодичных монастырских труб упорно пробивались сквозь постоянное бормотание молитв и экспансивный джентльмен в меховой шапке оказался тут как тут, чтобы попрощаться с нами.

— Извините, — сказал он, пожимая нам руки, — доброе утро!

### **Вверх по долине к Нанчаону**

3 октября в Бединге появилась французская экспедиция, направляющаяся к Чобуцзе. Она подошла как раз в то время, когда мы собирались оттуда уезжать. Впол-

не понятно, что Эд расстроился: ведь непальские власти дали французам разрешение пройти по «нашему» району. Пятеро мужчин, одна женщина и семьдесят шесть шерпов и носильщиков — достаточное число новых людей для района, который считается прибежищем йети. Если йети — умные антропоиды, каковыми их считают, то чем больше будет суесть в горах и долинах Ролвалинга, тем меньше вероятность увидеть хотя бы след этих удивительных существ.

Верховный лама Бединга уже заявил, что и пахнем и выглядим мы не так. Мы с готовностью с ним согласились. Правда, запах, надо сказать, с каждым днем «улучшался», но мы никак не могли справиться с нашими недостатками — нешерпским ростом, нешерпскими бородами, нешерпским снаряжением. С тех пор как Брюс штурмовал Эверест в твидовом пиджаке и брюках гольф, в альпинистских костюмах произошли коренные изменения. На нас были ярко-оранжевые пуховые куртки, клетчатые шерстяные рубашки, алые вязаные шлемы, бирюзовые, изумрудные и серые пуловеры. Ни один из йети не примет нас по ошибке за местных жителей. Что касается французов, они были одеты еще ярче.

4 октября мы отправились вверх по долине к деревне Нанчаон. Это был восхитительный десятикилометровый подъем по течению реки, которая постепенно превратилась в ручеек. Далее наш путь шел через лес, яркий от осенних оттенков и на высоте переходящий в кустарник. Ущелье сузилось, по дну его протекал ручей, а вдоль него вилась узенькая тропинка, по которой мы двигались.

Постепенно (сначала мы даже и не заметили этого) кустарник исчез, и мы оказались в царстве беспорядочных, размером с огромный дом, скал и грубой, побитой морозом травы. Многие скалы украшала красивая резьба (на них была вырезана молитва «Ом Мане Падме Хум»). Порой их завершали пирамиды из камней и молитвенных флагов. Одна из скал, как нам сказали, служила божествам столом для трапез. Она была огромная, с плоским верхом, и располагалась в таком прекрасном изгибе долины, что я вполне мог понять богов, которые избрали эту скалу для своих божественных пикников. Недалеко располагалась другая скала, похожая на перевернутый стаканчик для мороженого.

— Это окаменевшая шляпа гуру Римпоче, и в ней вы-

долбили пещеру для храма. Ламы, однако, больше там не живут. Двое, что там жили, умерли от ужасной болезни. Теперь там обитают духи, — сказал мне однажды Пасанг.

Нанчаон — летнее поселение шерпов, своего рода деревня-спутник Бединга, — который все покидают, когда первые снегопады предвещают зиму. Снег выпадает рано или, наоборот, поздно.

На этот раз снег выпал поздно, и в Нанчаоне еще кипела жизнь. Над нашим лагерем по склонам, что ведут к кольцу живописных пиков, непокоренных, неназванных, недоступных, все еще бродили стада яков и овец. Наиболее ослепительный среди них — Чобуцзе, с крутыми снежными желобами, вершину которого французы каким-то образом надеялись покорить (она не тронута и поныне). Не одни яки и овцы бродили по горам. Вслед за ними карабкались люди. Они собирали траву, ведь она растет до самой границы снеговой линии.

Джордж Лоу, Пат Барчэм, Майк Джилл и Том Невисон (они ходили на разведку за снеговую линию) продолжали сообщать о многочисленных следах на высоте около 5795 метров. В большинстве случаев это были следы яков, иногда — волков и гиеновых собак, а порой и снежного барса. Однако ни одного следа йети обнаружено не было, и это нас огорчало.

Жители Нанчаона и Бединга занимаются разведением яков. Они рассказывают, что яки часто поднимаются высоко и уходят так далеко, что либо гибнут в суровую зимнюю стужу, либо возвращаются в поисках крова лишь через несколько месяцев, когда от них остаются кожа да кости. Заблудившиеся яки часто преодолевают высокие перевалы, оставляя неуклюжие следы. Может, их и принимают за следы «снежного человека»?

«Вполне вероятно, — писал я в то время, — что лучшее, что смогут запечатлеть автоматические походные камеры, это удивленных домашних животных и хлопотливых жителей Нанчаона». Однако наблюдательные лагеря расположились на высоте 4880 метров на леднике Рипиму. Там в больших количествах обнаружили бокоплавов, а на высоте 5307 метров Ларри Свон увидел множество аттид. Для Ларри это почти так же волнующе, как найти йети. Если ему удалось бы найти за линией снега еще и ящерицу, его радость была бы полной. Больше

всего Ларри любит ящериц. На втором месте у него стоят лягушки.

В долине множество птиц: огромных блестящих воров, клушиц с грустными голосами, сизых и белых голубей, бойких удонов, фазанов, трясогузок и разных маленьких птичек, часто с ярким оперением и совсем не пугливых. За три недели, проведенные в Бединге и Нанчаоне, мы видели мало животных, но в долине и выше ее обитают мускусные олени, волки, голубой баран, иногда встречаются медведи. Сейчас у нас есть четыре малые рыжие панды — две из них ручные, мы их поймали в капканы.

Это прелестные существа, и мы содержали бы животных дома, если бы их можно было приручить. Бхану решил пустить одну панду к себе в спальный мешок. Мешок, конечно, просохнет, но запах останется навсегда.

## Врачи и знахари

Эд с характерной для него неожиданностью решением предложил двигаться дальше, к леднику Рипиму, куда опасаются ходить даже яки. Рипиму соединяется с ледником Менлунг. Именно там в 1951 году Эрик Шиптон увидел и сфотографировал ставшие теперь известными миру следы йети. Когда мы собирались в путь, стало известно, что французы нас опередили и уже идут на Рипиму. Это сразу вызвало и подозрения и раздражение. Что им там надо? Может, они следят за нами или хотят сами увидеть йети? На больших высотах раздражение приходит легко, и это первый заметный признак таинственного процесса детериорации, который начинается на высоте примерно 4880 метров.

Вскоре выяснилось, что французы всего-навсего пытались найти дорогу на Чобуцзе, а когда пришли к Рипиму, то уже не могли удержаться, чтобы не отправиться к водоразделу, расположенному на севере долины. Там начинался Тибет. А разве может Тибет не пробудить в человеке чувство романтики?

Одно происшествие сняло напряжение. Во французской экспедиции не оказалось врача, а шерп Анг Намгьял страдал от острой боли в пятке и, возможно, требовалось хирургическое вмешательство. Эд Хиллари



убедил французов оставить Анга с нами для наблюдения и лечения. Вскоре боль распространилась от левой пятки к голени, левому колену, позвоночнику. Боль сконцентрировалась в колене, там образовалась огромная опухоль, которая грозила прорваться сквозь бледную кожу несчастного. Том Невисон поставил диагноз — воздушная лихорадка.

По мере того как боль усиливалась, Анг Намгьял уже не мог спать и все больше верил, что скоро умрет. Наши шерпы, подозревая то же самое, посоветовались с ламами из местного монастыря и посмотрели гороскоп, который оказался очень плохим. Человек был обречен, и они имели глупость сказать ему об этом. Несчастный Анг Намгьял тут же отреагировал на это мрачное предсказание — он плакал, стонал, у него повысилась температура. Даже мы усомнились в возможности его выздоровления.

Итак, призвали знахарей и лам. Какая-то старая, сморщенная знахарка «осветила» наш лагерь песнопениями и окропила молоком. Чтобы облегчить боль больному, она выстирала одежду Анга в потоке, который течет у стен монастыря в Бединге. Однако улучшения не наступило. Вскоре в лагерь пожаловал лама, он тащил за собой овцу. Лама долго «уговаривал» злого духа, мучившего Анга, перейти в животное через надрез, сделанный священным ножом на шее овцы. Кроме волнений для нас, наших шерпов и страданий бедной овцы, никаких результатов это не дало. Анг Намгьял корчился в судорогах, мучился от боли и страха.

Затем последовал визит старого ламы, который «обладал» огромной силой исцеления. Он добрался до палатки Анга Намгьяла как раз в тот момент, когда наш врач выходил оттуда с таблетками, стетоскопом и шприцем в руках. После долгой молитвы старый лама вошел в палатку, взял Анга за опухшее колено искривленными пальцами и начал плевать. Овца все еще бляла на лугу, а старая знахарка все еще сидела в стороне, слегка раскачиваясь и не сводя глаз с палатки больного шерпа.

Вскоре после комплексного применения всех врачебных средств Анг Намгьял выздоровел. Однако никому не известно, чья это была заслуга — врача, знахарки или ламы.

## Среди неприступных гор

11 октября базовый лагерь перенесли из Нанчаона (он находился на высоте примерно 1270 метров) к Дудх-Покхри, или Молочному озеру, на высоту 4790 метров, на леднике Рипиму. Наш путь лежал через гигантскую морену, в сравнении с которой громады египетских пирамид показались бы ничтожными. Идти было приятно. Муссон прошел, и последние тучи оставались в плену в долине или были насажены на зубчатые острокопечные скалы далеко внизу. Мы поднимались к солнцу, и перед нами вставали громады новых горных вершин, многие из которых находились на территории Тибета. Джордж Лоу указал на группу гор, а затем на свою карту. На карте эти сверкающие вершины обозначены белым пятном.

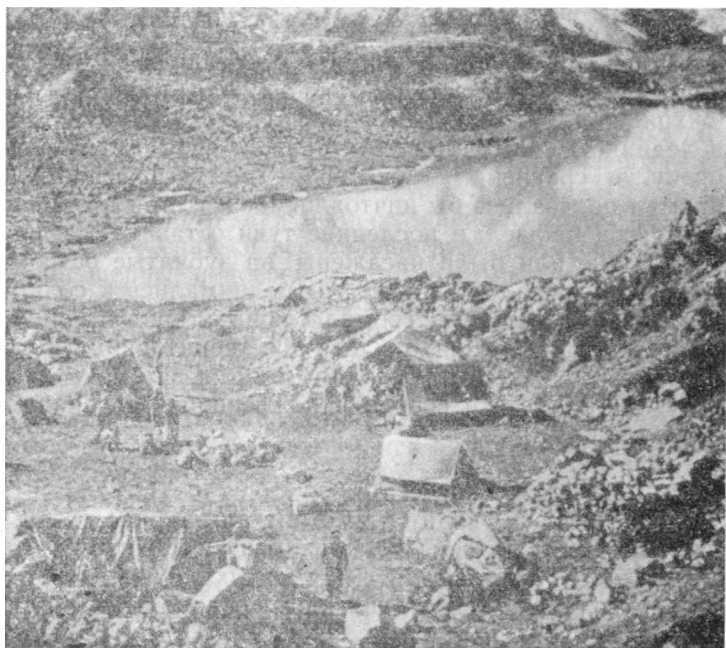
— На карте их нет, — сказал он. — Как бы мне хотелось подняться на них!

Когда человек сидит и смотрит на высокие горы и при этом чувствует себя маленьким и ничтожным — это проявление благоговения. Мы отдыхали на нагретых солнцем валунах, жевали шоколад и жадно пили лимонный сок.

Тут и там расступались серые валуны, обнажая блестящие ледовые трещины с острыми сосульками. В древнем льду, как в колыбели, покоились озера — некоторые, промерзшие до дна, похожи на изумруды, другие — темные и зловещие. Было слышно, как вода из них падает в бездну. Волнующим и столь же пугающим было чувство, что вокруг все движется, громоздится, перемалывается. словно первобытные силы, взметнувшиеся эти горы в небо, все еще живы и нас несут не ноги, а какая-то сверхъестественная сила.

И буддисты, и индуисты считают Дудх-Покхри священным. Предание гласит, будто Вишну купался в Молочном озере и отдыхал как раз на том месте, где теперь стоят наши палатки. В день нашего приезда несколько непальцев из деревни, которая расположена отсюда в пяти днях пути, три раза обошли священное озеро. Они курили благовония, оставили подношения из риса и цветов. После этого они пустились в обратный путь. Мы недолго удивлялись их поспешному уходу.

Дело в том, что с трех сторон озеро обступают три



Лагерь в долине Ролвалинг

крутых пика — Чобуцзе (6689 метров), Ландарцубугу (6701 метр) и Такарго (6786 метров). Как только солнце скрывается за Чобуцзе, а это происходит в середине дня, температура воздуха резко падает и становится очень холодно. Холод почти видим — колеблющаяся фосфоресцирующая голубизна похожа на туман, сквозь который пробивается солнце. Любой, кто окажется в таких условиях без крова и теплой одежды, может замерзнуть насмерть. А пока солнце грело, мы наслаждались почти тропической жарой и ходили по пояс голые.

Когда светило солнце, даже наши шерпы отправлялись к замерзающему озеру со своими надувными матрацами, как бы имитируя изображенное на них клеймо изготовителя в виде одетой в купальник красотки, которая плавала в бассейне на надувном матраце.

Мы предпочли «сауну», которую Том Невисон по-

строил из камней и прозрачной пленки. Когда мы смывали с себя слой грязи месячной давности в этом замысловатом сооружении, шерпы приходили на нас посмотреть. В эти минуты я больше всего сочувствовал золотым рыбкам в аквариумах.

Ни «сауна», ни относительный комфорт общей палатки с очагом, служившей кают-компанией, не могли ослабить энтузиазм Хиллари, для которого неуловимые йети и непокоренные снежные пики служили вызовом. Его надо было принимать постоянно и с полной отдачей. Еще до того как разбили базовый лагерь, он, Джордж Лоу, Питер Малгрив и Пат Барчэм начали подбирать людей для высотных наблюдательных лагерей — на высоте 4941 и 5307 метров над уровнем моря.

Марлин Перкинс установил автоматические камеры и сфотографировал перебранку удивленных воронов. Ларри Свон построил лабораторию, доктор Том Невисон — аптеку-солярий, а мы с Бхану Банерджи — контору, но попытки придать всем сооружениям стабильный вид оказались тщетными, ничто не помогало.

Эд заставил шерпов нести грузы дальше, вверх по леднику Рипиму, для установки еще одного лагеря на высоте 5490 метров до того, как мы сможем прочно здесь обосноваться.

Впервые я ощутил влияние высоты, когда мы поднялись на 5180 метров над уровнем моря. Все утро я шел легко, но неожиданно почувствовал головокружение и вынужден был присесть. В глазах у меня двоилось, даже троилось, а все предметы буквально взрывались и испарялись перед глазами, кроме собственных рук и ног. Последние, когда я смотрел на них, казались на расстоянии километра от туловища, не были даже частью меня и не поддавались контролю со стороны моего мозга. Они не подчинялись никаким командам, так что, когда я пытался двигаться, одна половина моего туловища уходила вперед, а другая с присоединенными к ней мозгами оставалась на месте.

Выход был только один — отступить, что я и сделал. Когда я снова попытался преодолеть пятитысячный барьер, то почувствовал себя уже лучше. Однако в лагерь на высоте 5490 метров я добрался еле волоча ноги. Слабая улыбка, которую я попытался изобразить, никого не обманула. Только Бхану чувствовал себя хуже,

чем я. Он, бедняга, на время потерял зрение. Его ужас легко передался и мне. Мы сидели на снегу, и щемящее чувство одиночества не покидало нас. Время, казалось, остановилось. Потом нас нашел сэр Эдмунд, и его решительные уверения, что все будет в порядке, как будто вернули зрение Бхану. Я до сих пор вспоминаю, как неожиданно Бхану стал спотыкаться и стонать:

— Дес! Боже мой, я ослеп!

### С пальцами на пятках

Сэр Эдмунд все никак не мог успокоиться. Поэтому, когда половина нашего состава с готовностью собиралась обосноваться на покрытом снегом леднике на высоте 5490 метров, вокруг которого возвышались одни из самых живописных гор, какие только можно видеть в Гималаях, он уже планировал установить еще один, на перевале Рипиму, на высоте более 5795 метров.

Эдмунд отправился туда 17 октября с Джорджем Лоу, Питером Малгревом и Томом Невисоном ставить лагерь. Майка Джилла и Пата Барчэма он оставил прокладывать путь по леднику к седловине, с которой открывался вид на ледник Менлунг и Тибет. Ларри Свон, Марлин Перкинс, Бхану Банерджи и я остались и должны были искать «следы йети».

15 октября, когда снег испарялся под ярким и горячим солнцем, мы нашли первые следы йети — отчетливую цепочку следов. С первого взгляда нам показалось, что это следы голый, широкой в подъеме, с плоским сводом и отставленным большим пальцем человеческой ноги размера 43 или даже 45. Мы находились на высоте около 5500 метров на леднике Рипиму, в амфитеатре неприступных пиков, внушающих страх, беспорядочного нагромождения льдов и глубоких сугробов. Медленный, полузамерзший поток пробивал себе путь по вновь открытой земле йети. Возле него следы обрывались, становясь на склоне бесформенными и смазанными, а потом совсем исчезли на крутом нагромождении скал, где среди сосуллек и брызг протекал ручеек.

— Наиболее близкое описание, которое я бы решил дать им, — «след босой человеческой ноги», — сказал Эд Хиллари после того, как тщательно рассмотрел

следы, — но это еще не означает, что они принадлежат йети. Я бы хотел получить гораздо более убедительные доказательства.

Сэр Эдмунд считал, что следы были оставлены на снегу несколько дней назад, и сказал, что заметил их еще вчера, когда устраивал в этом районе наблюдательный лагерь. Тогда Хиллари не обратил на них особого внимания, так как решил, что они принадлежат какому-то четвероногому, например снежному барсу, волку.

У других мнение было менее неопределенным. Питер Малгрев, настроенный явно скептически, считал, что это — его собственные следы. Он оставил их четыре дня назад, когда сопровождал Эда. Но сравнение следа одетой в ботинки собственной ступни со следом босой «ноги йети» поколебало его уверенность. Даже призвав на помощь самую богатую фантазию, нельзя было доказать, что наши тяжелые альпинистские ботинки на резиновой подошве могли оставить отпечатки пальцев и удлинённых пяток.

Некоторые следы казались мне человеческими, с одной вопиющей разницей: пальцы у них росли на пятках. В то же время именно эта отличительная черта использовалась при определении следов йети; ведь все местные легенды утверждали, что ступни у «снежного человека» повернуты задом наперед (деталь, указывающая скорее на обезьяну, чем на медведя как кандидата на роль йети).

Хорошо известно, что крупные обезьяны при ходьбе опираются на костяшки пальцев рук, так что сами пальцы у них обращены назад. Когда они идут, то отпечатки задних и передних конечностей часто совпадают, вводя тем самым в заблуждение несведущих, которым кажется, что ступни повернуты задом наперед.

Наши шерпы не сомневались, что следы принадлежали йети. Именно шерпы обнаружили их на дороге между лагерем у озера и наблюдательным лагерем на высоте 5490 метров. Они оставили груз и вернулись в базовый лагерь (он находился в пяти километрах), сильно взволнованные. Через несколько минут весь лагерь уже загорелся их энтузиазмом.

Если бы вдруг Эд Хиллари преобразился в свое многоголовое и многорукое воплощение, и тогда он не смог

бы отреагировать быстрее. Казалось, одновременно он потребовал, чтобы я разузнал о следах, Джорджу Лоу велел обвешаться до зубов камерами, Тома Невисона и Питера Малгрева попросил собраться и в случае необходимости быть готовыми к двухдневному переходу. Тем временем он вместе с Майком Джиллом, Патом Барчэмом и половиной шерпов был уже на полпути к склону горы. Ларри Свон, Бхану Банерджи, очень возбужденный Марлин Перкинс и я составляли тыл — с гипсом, блокнотами, рулетками и дополнительными фотоаппаратами. И еще у нас было ружье — так, на всякий случай.

Я всегда полагал, что волнение — сила, не знающая ни границ, ни преград. Как я ошибался! Я находился в состоянии такого возбуждения, что оно толкало меня вперед, как ракету, и чуть не загнал себя в гроб, пытаюсь преодолеть пять километров моренных отложений и скальных завалов к тому месту, где были обнаружены следы. Мои товарищи были тоже в таком же состоянии. Даже Марлин начал проклинать всех йети вообще и возмутителя нашего спокойствия в особенности, не успели мы пройти и трехсот метров.

Многие следы затоптали наши шерпы, но несколько хороших отдельных отпечатков сохранились. Мне даже удалось сделать гипсовый слепок с одного следа (двадцать восемь сантиметров в длину и тринадцать сантиметров в ширину), что было весьма трудно на ноздреватом снегу. К сожалению, когда слепок сушился на камне очага в палатке, он намертво пристал к камню.

Двумя днями позже на леднике Рипиму на высоте 5612 метров Ларри Свон наткнулся на другую цепочку следов. Вот что он рассказывал об этом:

— Только я взобрался на гору — навозная куча, как и все горы вокруг, но все-таки непокоренный пик, и нежился на солнышке, как вдруг — о боже! — прямо под собой увидел цепочку следов, да еще явно двуногого существа. Я так разволновался! Следов было около тридцати, и многие оставлены босыми человеческими ногами.

Как всегда случается в таких чрезвычайных обстоятельствах, Ларри не хватило духа, пленки и дневного света. Поэтому Марлину, Бхану и мне на следующий день пришлось тщательно изучать следы, причем запас-

тись для этого достаточным количеством фотопринадлежностей, рулеток и других приспособлений для выслеживания йети.

Несколько шерпов, которые шли впереди нас, наткнулись на следы чуть ниже тех, которые открыл Ларри, и над нашими головами послышался шум, топот ног, голоса. Аннулу, не просто шерп, но и личность, которая знает о йети столько же, сколько и о женщинах (сейчас он женат в третий раз и у него семеро детей), заявил, что следы принадлежат йети, и лучше этих нам ничего не найти. Остальные шерпы согласились с ним и показали, в каких местах двигалось животное на задних лапах, а где — на четырех или пробиралось боком по рыхлому глубокому снегу.

Для нас, увы, было очевидно, что это следы небольшого четвероногого существа. Они располагались близко друг от друга, так что иногда превращались в один большой след. Необычайно жгучее солнце словно подтверждало легенду о существовании йети — под его лучами маленькие следы сливались, образуя несравненно большие, чем первоначальные. Пока мы шли по следу, на теневой стороне снежного гребня была совершенно ясно видна «розочка» из мелких следов, а на солнце они сливались в огромную «ступню».

На пути вниз по склону следы или вновь превращались в «розочки», или становились похожими на маленькие слоновьи, о которых упоминал еще Шиптон. Когда следы располагались на одном уровне снежного покрова и под одним и тем же углом к солнцу, они довольно убедительно сохраняли очертания огромного следа «снежного человека». Любой, кому они попались бы на глаза, обязательно стал бы утверждать, что это следы гигантского двуногого существа: человекообразной горной гориллы или неуловимого «снежного человека». Подобные идеальные условия наблюдаются на пологих склонах и на вершинах перевалов, где и были в большинстве своем замечены «следы йети».

На следующий день (18 октября, в четверг) Джордж, Бхану и я обнаружили четкие следы, цепочку длиной в полкилометра или больше, идущую по буграм плотного снега. Они оказались довольно свежими, не более суточной давности. Мы все сочли, что они принадлежат животному, которое пыталось прокрасться к нам в ла-



герь прошлой ночью. Оно пыхтело и фыркало около палаток и обнюхивало пустые коробки из-под сардин.

Мы находились в глубине ледника Рипиму. Лед образовывал столь причудливые формы, что казалось, это был заколдованный много лет назад балет или разрушенный город, превращенный в стекло. Мы шли по тропинкам и улицам из блестящего алебаstra, видели площади и памятники, сводчатые галереи с колоннами и соборы из нефрита, сквозь которые пробегал ледяной огонь; они все покинутые, но их часто навещают ручейки, и там слышались стоны и звенящий смех льда. Он приковывал взор, этот мир чистой фантазии, но где в этом фантастическом пейзаже могли обитать йети? Даже шерпы не сумели ответить на такой вопрос, а ведь они населяют этот замерзший дикий уголок природы снежными драконами и горными львами и считают, что это духи льда вздыхают словно порывы ветра.

Пока мы шли по следу, высокогорное солнце сыграло с нами одну из своих обычных шуток — растопило снег, так что невинные следы небольшого животного слились, чтобы нас озадачить. Через несколько сот метров тот же самый след состоял уже из отпечатков от пяти до тридцати трех сантиметров в длину и от пяти до шестнадцати в ширину. Зачарованные, мы смотрели, как маленькие лапки превращались в гигантские, а следы когтей — в пальцы, как огромный «след йети» рождался из следов небольшого животного — не больше лисы. Скорее всего, это и была лиса!

Вот оно, объяснение легенды. Так рушился красивый миф. Не хотелось верить в это, хотя надо признать, что, видимо, так оно и есть.

Шерпы, ярые защитники легенд о йети, принимают следы лисы за следы йети, но ведь их могут оставить также и огромные высокогорные вóроны, и снежные барсы, и медведи, и волки.

И где бы мы ни находили следы, а теперь они стали встречаться часто, везде была та же самая история: те, которые, как уверяли шерпы, принадлежали йети, совершенно очевидно были оставлены небольшими четвероногими и превращены солнцем и воображением местных жителей в плод гималайской фантазии. Однако это не исключало возможности того, что йети могли оставлять свои следы.

## Вперед, к Толам Бау!

## Зима уже не просто угрожала

На леднике Рипиму становилось нестерпимо холодно. Наши группы дальней разведки шли навстречу новым трудностям. Более опасными были северные склоны, где скапливались большие массы снега, которые каждую минуту могли сорваться лавиной; к тому же холод пронизывал нас до костей.

Сэр Эдмунд и Джордж все утро, увязая по пояс, пробивались по снегу. Когда они вернулись, то жаловались на головную боль. Могло быть и хуже. Не успели они с трудом взобраться на высокую заснеженную седловину, с которой открывался прекрасный вид на Менлунг, северо-восточные склоны Гауришанкара, ледник Менлунг и его озера, как Джордж потерял свои солнцезащитные очки. Шерпская пословица гласит: «Вещь, потерянную в горах, надо искать далеко внизу». Очки Джорджа соскользнули вниз по ледяному утесу. Их следовало немедленно отыскать в этой огромной дикой пустыне ослепительно блестящего под солнцем снега, иначе Джорджу грозила снежная слепота<sup>16</sup>. Вот как об этом рассказал Эдмунд Хиллари:

— Мы связались веревкой и пошли искать очки, но на крутых склонах снег был очень рыхлым. Затем мы решили двинуться другим путем, но, когда пересекали довольно ровный участок, раздался непонятный звук, и весь снег вокруг как-то подозрительно осел. Мы решили, что с нас этого хватит.

Джордж кое-как защитил глаза от слепящего солнца. Богатая фантазия позволила мне представить, что для этой цели он использовал свою огромную бороду. Шерпы, оказавшись на слепящем снегу без солнцезащитных очков, закрывают глаза косами, оставляя только щелочку.

---

<sup>16</sup> Снежная слепота — временное снижение или утрата зрения в результате ожога глаз интенсивными ультрафиолетовыми лучами, отраженными от снега. Симптомы: покраснение, резкая боль, туман в глазах, светобоязнь.

Вот интересный пример того, как вполне безболезненно отмирают традиции. Мужчина-шерп быстро отказывается от длинных волос и кос, предпочитая их стрижке на западный манер. Однако эта стрижка и ее многочисленные варианты уже не могут защитить глаза от снежной слепоты. Поэтому солнцезащитные очки стали необходимостью. Можно возразить, что именно появление таких очков вытеснило ношение длинных волос; как бы то ни было, но вместе с промасленными косами исчезла разновидность мужских серег — от подвесок с бирюзой длиной десять сантиметров до больших колец, инкрустированных кораллами, бирюзой или и тем и другим сразу. Однажды я спросил шерпа, почему он хочет продать мне свои серьги:

— Разве ты не понимаешь, что это важная часть твоего облика, что вместе с ними выбрасывается за борт шерпская традиция?

Он ответил, что серьги без длинных волос выглядят смешно и глупо. Может, у меня по этому поводу другое мнение?

Так же отнесся один студент из Катманду к моему чрезмерному интересу к местной культуре. Я возмущался, что снесли несколько старинных домов в Катманду с их украшенными резьбой окнами, балконами и крышами, как у пагод. Я все больше распалялся по поводу необдуманной электрификации города, неоновых вывесок возле храмов, некрасивых электрических лампочек, которые голо светятся там, где прежде горели масляные лампы, постройки сверхмодных домов рядом с древними дворцами.

— Попробовали бы вы пожить в наших живописных старых домах, — сказал студент. — Стукнувшись головой о низкий потолок и свалившись вниз по темной лестнице, вы бы уже не говорили о пороках модернизации. И если я не ошибаюсь, вы, британцы, любите, чтобы в доме был удобный туалет. А в большинстве наших домов его нет и в помине.

## Высокогорный лосось

День 19 октября был памятен тем, что на высоте 5795 метров Питер Малгрев приготовил пирожки с рыбой. Начинкой служил канадский лосось из банки. Пи-

тер вовсе не претендовал на звание повара, однако пироги получились вкусные. Мы ели их, приправляя большим количеством грубых шуток. И тем не менее они внесли желанное изменение в диету, состоявшую из вареного картофеля, тушеного мяса, компота, чапати, меда и джема. Кроме того, пироги с рыбой повлияли на расписание рабочего дня экспедиции.

Никто так и не узнал, пироги, или высота, или то и другое вместе были причиной ужасной ночи для Эда, Джорджа, Тома Невисона и самого Питера. Так или иначе, ночные страдания ускорили решение Эда покинуть Рипиму. Искать следы на леднике Менлунг, пояснили мне, просто бессмысленно. Ветер, дувший с Тибетского плато, был острым и колючим, а выводящее из себя проваливание верхней корки снега, когда самая безобидная прогулка превращалась в бесполезное барахтание в снегу, вымотало нас вконец. Кроме того, если мы останемся на высоте 5795 метров, это может вынудить Питера снова проявить свои кулинарные способности.

Мы уходили в лагерь у озера, по пути обнаруживая все новые «следы йети». В одном месте наш путь лежал через разрушающийся склон, по которому постоянно сыпались камни. Сэр Эдмунд посоветовал нам перебежать это место, опираясь на ледорубы для поддержания равновесия. Правда, расстояние было не таким уж большим, но даже просто идти на высоте 5185 метров мучительно, а уж бежать — значит протыкать легкие тупым ножом — совершенно бесславное харакири<sup>17</sup>. К тому же земля осыпается под ногами.

Представьте себе, что вы бежите, а ноги у вас на метр увязают в мешанине из крикетных, футбольных мячей, мячей для гольфа, стеклянных шариков и песка. Вы все время в движении. Мы пускались в путь, когда поток камней и земли временно прекращался, и надеялись, что затишье будет достаточно долгим. Смотреть вверх и останавливаться было нельзя: сделать это означало поскользнуться, потерять равновесие и опрометчиво попасть в лавину собственного производства.

Наши шерпы, тяжело нагруженные, поколебавшись

---

<sup>17</sup> Х а р а к и р и (от япон. *хара* — «живот» и *кири* — «резать») — в Японии самоубийство вспарыванием живота.

с минуту, побежали. Нима Дорджи, повар, одолел уже полпути, когда склон над ним зашевелился и две отделившиеся скалы полетели вниз в клубах пыли. На мгновение показалось, что удача на Дхаулагири на этот раз покинула Ниму; он нес очень неудобный тюк с кухонными принадлежностями и корзинку с консервами и, казалось, не подозревал о грозящей опасности. Когда вокруг уже летели камни, он бросил корзинку и спрятался за ней. Чудом он остался невредим.

Пока остальные медлили с переходом, я проклинал легкомысленную судьбу, которая завела нас так далеко и в такие трудные места только для того, чтобы ударить камнем по голове. Черт возьми, почему это произошло именно сегодня, когда все так прекрасно и мы возвращались на безопасную высоту, где гораздо теплее? Какой дурацкий импульс толкнул меня ввязаться в это безумное приключение? Я вдруг возненавидел горы — все сразу — глупые, белые, равнодушные. Думали ли о нас сейчас Хиллари, наши далекие спонсоры или любители приключений, которые, сидя у себя дома в креслах, читая о нас, изредка испытывают волнение? Какого черта я должен рисковать своей шкурой в этом дурацком камнепаде?

В тот момент преграду преодолевал Марлин, и даже сзади он выглядел до смерти испуганным. Думал ли он о себе, о жене, о своей неизменной телевизионной аудитории, вообще о чем-нибудь? Идиот несчастный! Зачем он, в его возрасте, связался с этим балаганом? А что мне делать, если произойдет несчастный случай с Бхану, за которого я несу личную ответственность? Что скажу его родителям, чтобы утешить?

Вдруг кто-то легонько толкнул меня в спину. Обернувшись, я увидел Мингму, одного из моих посыльных. Он стоял совсем рядом и широко улыбался:

— Не беспокойтесь. Сегодня хороший день, ничего не случится.

После его слов в долину вернулись и покой, и красота. Меня согрели теплые лучи солнца, растопили страх и вернули позабытое чувство юмора. Марлин, карабкавшийся словно обезьяна, оказался наконец вне опасности и уже весело шутил с Нимой Дорджи.

— Пойдем, Мингма, — позвал я, — я переведу тебя.

Ни один камешек не упал, пока мы шли, ведь это

был хороший день. Но не для Ларри Свона. Он тяжело дышал, поэтому Эд посоветовал ему пересечь склон пониже, куда не доходили камнепады и где можно двигаться неторопливо, не перегружая легкие бегом. Ларри последовал совету Эда. К несчастью, когда он уже спускался по склону, на него устремилась лавина камней. Она неслась вниз, набирая силу и захватывая все новые обломки скал, и на ужасные несколько секунд скрыла Ларри в облаках пыли. Слава богу, он оказался в тот момент возле большого валуна и пересидел за ним камнепад. Это событие было для него сильнейшим потрясением.

### Призраки сахибов в крагах и войлочных шляпах

Близкое столкновение с опасностью вызвало воспоминания о происшествиях в горах. Так, Мингма рассказал о группе шерпов, которых смела лавина во время паломничества в Тибет:

— Ух — и они исчезли без следа. Мы верим, что, когда в лавинах погибает много народу, — это месть одного из божеств. То же самое происходит, когда людей с гор сбрасывает ветром и они навеки исчезают.

Я спросил его, всегда ли это связано с гневом богов и что он думает о шерпах или о сахибах, погибших в горах, чьи тела потом находят.

— Это просто *карма* — судьба, она может настичь тебя и в постели, и на картофельном поле, — ответил Мингма. — Если люди исчезают, то на земле остаются их души. Шерпов, о которых я рассказывал, потом часто видели — это была толпа теней на залитом луной снегу выше Ронгбука. На Эвересте есть также призраки двух сахибов, их часто видят ламы Ронгбукского монастыря. На них надеты краги и войлочные шляпы.

Я тут же вспомнил фотографию Мэллори и Ирвина. Ее сделали незадолго до того момента, когда их видели в последний раз, идущими к вершине Эвереста. На них были фетровые шляпы, твидовые пиджаки, брюки гольф и краги, словно они собирались поохотиться на куропадок.

— И давно видят призраки сахибов? — спросил я.

— Уже много лет. Задолго до того, как в наши деревни стали приходить экспедиции из Непала, — был ответ.

Непалом шерпы называют Долину Катманду. Как у большинства непальских племен, живущих вне Долины Катманду, у шерпов нет представления о целостности Непала. Для них каждая непальская народность обитает в отдельной стране: их страна — Солу-Кхумбу.

— Был один сахиб, который пошел на Эверест, — рассказал шерп. — Он отправился всего с двумя носильщиками, и все считали его сумасшедшим. Сначала думали, что он совершает паломничество и не уйдет намного дальше монастыря Ронгбук. Когда стало ясно, что он хочет покорить гору без надлежащего снаряжения и слутников, его убили.

Может, он имел в виду Вильсона, который пытался в одиночку покорить Эверест. Оказывается, шерпы по-своему вполне просто объяснили причину его гибели. Очевидно, носильщиками у Вильсона оказались тибетцы, поэтому их никто не знал. Конечно, это были не шерпы, и от них не требовалось, чтобы они подвергали себя чрезмерному риску.

Покорить такую вершину одному совершенно невозможно, об этом знают все. К тому же был «черный год», когда нельзя предпринимать ничего важного, — всегда закончится бедой. Эти тибетцы или боялись за свою жизнь, или были бандитами. Всем известно, что они убили сахиба и продали его вещи много времени спустя на базаре в Тингри.

Рассказ казался мне жестокой неправдой, если Вильсон, конечно, на свою беду не нанял двух «профессиональных» бандитов.

— Как же они могли убить сахиба? — поинтересовался я.

— Видимо, столкнули в пропасть, но, скорее всего, бросили на горе одного, — был ответ.

Однако не все согласны с этой версией. Некоторые ничего подобного не слышали. Были и такие, которые считали, что с Вильсоном все-таки были шерпы. Для шерпов рассказ выглядел достоверным из-за того, что время от времени можно видеть одинокий «призрак сахиба». Убитые, как и жертвы богов, становятся призраками.

Вернувшись в лагерь у озера, мы готовились покинуть долину Ролвалинг и идти в Солу-Кхумбу. Охота наша пока была удачной — вот только мы так и не увидели и не поймали йети. Нам удалось пожать богатый урожай местных легенд, в нашем распоряжении оказалась «шкура йети», и мы обнаружили достаточное количество следов «снежного человека».

В Солу-Кхумбу имелось важное доказательство существования йети: два древних скальпа, которые интриговали всех, кто их видел, или волосы с них, мумифицированная рука «снежного человека» и еще множество других «достоверных» свидетельств о йети.

Наши шерпы, почти все родом из Солу-Кхумбу, утверждали, что их высокие горы и лесистые долины будут куда более удобными для охоты на йети, чем долина Ролвалинг.

— Мы знаем все места, где видели йети, — доказывал Уркьен. — Познакомим вас с людьми, которые их видели.

— А сам Уркьен видел йети?

— Нет. Но слышал одного из них. Многим в Кхумджунге, в моем селении, знаком протяжный, пронзительный свист йети — так не кричит ни одно из известных животных.

— Что ты думаешь о наших шансах увидеть йети?

— Если вы будете пользоваться теперешними, грубыми, на мой взгляд, методами, то их мало. Наблюдательные лагеря — это, конечно, хорошо, но их нужно лучше изолировать. Там должно быть минимальное количество людей, самое большее — один сахиб и двое шерпов, и, обосновавшись в лагере, следует свести передвижения к минимуму.

Уркьен считал, что палатки можно использовать, только если они будут хорошо замаскированы. Гораздо лучше было бы занять шерпский дом или сангар, высокогорную летнюю хижину с прочными каменными стенами, но временной крышей из войлока или тонких досок — к таким строениям йети привыкли. Палатки вызовут подозрение у любого разумного животного, и оно либо будет обходить их стороной, либо вообще поспешит убраться восвояси. Если же нам потребуется выходить из убежищ, поверх экспедиционной одежды нужно надевать *бакхус* — большую накидку из шерсти



яка, которую носят мужчины-шерпы, и меховую шапку.

Я передал советы Уркьена Эду и Марлину. Оба согласились, что они вполне разумны и надо попробовать ими воспользоваться, как только мы доберемся до Солу-Кхумбу.

Как только мы прибудем в Солу-Кхумбу! Между нашим базовым лагерем и Солу-Кхумбу лежал перевал высотой 5790 метров — Таши Лапча, и мы шли к нему с опаской. На наших картах Таши Лапча значился открытым только в июле и августе — в разгар лета. Мы же собирались перейти его в конце октября. Шерпы по-разному оценивали погодные условия в это время года. Одни говорили, что снег будет «вот досюда», показывая до подмышек, другие предсказывали толщину снежного покрова в четыре сантиметра. Аннулу, который ко всем своим достоинствам считался еще и прорицателем, говорил осторожно:

— Если сейчас идет дождь, то ждите снега. Если на перевале снегопад, то переход будет очень трудным. Если снега не будет, значит, нам повезло, ведь теперь период снегопадов.

Эд пытался поддержать самых нерешительных из нас, уверяя, что даже яки и овцы часто переходят через этот перевал. Честно говоря, я никогда не сомневался в превосходстве яков или овец на крутых скалах.

## Посыльные

Было решено выслать гонцов с почтой за день до отправления из базового лагеря у озера. На старой жестянке из-под молока написали «почта» и укрепили ее у входа в палатку, где мы с Бхану жили. Все стали тут же писать с отчаянием людей, которые делают это в последний раз, или влюбленных.

Экспедицию мы начали с четырьмя посыльными. Это — Анг Темба из Намче-Базара, косоглазый, с вечно блестящим от пота носом (теперь он в ранге главного сыщика — ищет йети); бледный, туберкулезного вида юноша, женатый на сестре Анга Темба; Пасанг Кью и Дханару из Ролвалинга. Дханару — огромный, прыщавый простачок. Пасанг Кью — престарелый фавн, щеголяющий в дамской фетровой шляпе, и в его манере

носить свои обноски есть что-то от веселых двадцатых годов. Его брюки разрезаны по бокам от колена до бедер, а сзади у них что-то вроде клапана, словно на детском белье, что стало предметом многочисленных грубых насмешек шерпов.

Я никогда не видел, чтобы Пасанг Кью хотя бы слегка грустил. Иногда у него был отсутствующий взгляд, но чаще всего он задумчив, словно вот-вот поймет какую-то наполовину ему понятную шутку. По его собственному признанию, он «испорченный лама» — монах, который нарушил обет безбрачия и трезвенности. Пасанг Кью был счастлив в браке и имел троих детей.

Когда Анга Темба сочли слишком ценным охотником за йети, чтобы посылать гонцом в Катманду, его заменил Нима Тсеринг, еще один «испорченный лама» из деревни Нанчаон. Нима весь состоял из волос, ячьего войлока и ангельских улыбок. Он хранил старый тибетский обычай высовывать язык при приветствии. Обычай этот по достоинству не оценили, и Ниму считали сумасшедшим или, в лучшем случае, придурковатым.

Хорошему посыльному-шерпу нужно от шести до семи дней, чтобы покрыть расстояние в двести километров от Ролвалинга до Катманду, и от восьми до девяти дней, чтобы одолеть двести семьдесят километров от монастыря Тьянгбоче до непальской столицы. Рекорд — пять дней на переход Тьянгбоче — Катманду. Впечатляет это и в смысле расстояния, но прежде всего резкие перепады высот и трудный характер местности сделали эти переходы необычными и крайне интересными для наших физиологов. Катманду находится на высоте 1220 метров над уровнем моря, наши лагеря в Ролвалинге и Тьянгбоче — где-то между 3995 и 5185 метрами. Между нашими далекими лагерями и городом лежат высокие холодные перевалы и низко расположенные долины с тропическим климатом, поэтому гонцы подвергались резким перепадам высот дважды, а то и трижды в день.

Они брали с собой скудную пищу на переходы по безлюдным участкам пути, в основном питаясь в деревнях, где останавливались на отдых. Часто в их распоряжении оказывался лишь чанг. По мере увеличения высоты перехода от 550, 1100, 2200 до 4800 метров стала отчетливо проявляться перегрузка. После такого брос-

ка они покрылись прыщами, потеряли в весе. Переход был рекордным и по высоким показателям, и по своему безразсудству.

В матерчатой обуви и без специальной высокогорной одежды двое свежее испеченных гонцов — Рин Норбу и Лакхпа Тсеринг — перешли зловещий перевал Таши Лапча в середине января, когда температура там падает ниже нуля и морозные ветры в прямом смысле слова сдувают человека с перевала.

Никто не осмеливался переходить Таши Лапча в середине зимы, но из-за того, что иностранная экспедиция проложила путь через этот перевал, местные жители стали преодолевать его не только в те месяцы, когда он «открыт», но и в другое время года. Перевал славится своим коварством: лавины, снежные заносы, сильные ветры и смертельный холод.

— Нас чуть не сдуло ветром, — сказал мне Лакхпа, когда изрядно уставшие они вернулись после тяжкого испытания. — Все время дул ветер. Мы сильно замерзли. Нам казалось, что мы погибнем. К счастью, Рин Норбу вспомнил подходящие молитвы.

Эд это приключение объявил рекордным и был глубоко им потрясен:

— Очевидно, участники похода не понимали, что могли навсегда оставить там свои кости!

Двадцатидвухлетний Рин Норбу пришел к нам как охотник, устанавливающий капканы, он продал экспедиции двух ярко-рыжих малых панд и просил дать ему лекарство — его сильно беспокоила сломанная ступня. Он оказался здесь в тот момент, когда нам очень нужны были дополнительные посыльные. Норбу — высокий, красивый молодой человек, но не обладающий большой физической силой — так по крайней мере мы все до сих пор считали. По правде говоря, Эд, бросив быстрый взгляд на его баки и тщательно ухоженные усы, решил, что Норбу — сердцеед, и не пришел в восторг от того, что я нанял парня посыльным. Я же посчитал его сообразительность и желание купить пару туфель в Катманду лучшими качествами для посыльного; кроме того, в деревне Нанчаон большого выбора нет. Среди желающих наняться к нам на работу были еще вечно пьяный одноглазый лама и карлик с таким зобом, что казалось, будто шея у него обвешана тыквами.

Лакхпу мы наняли в Кхумджунге. Он похож на боксера, которого постоянно и сильно били по носу. Однажды он подошел ко мне и после обмена приветствиями попросил работу. Он умел готовить, немного читать по-тибетски и по-непальски и знал, что Лондон — столица Англии, а Новая Зеландия находится на другом краю света. Я спросил его, знает ли он, что земля круглая. Лакхпа отвечал неуверенно («может, круглая, может, плоская»), а вот Англия и Новая Зеландия, по его мнению, — не одно и то же, хотя сахибы все похожи друг на друга, как близнецы.

Он сказал, что ему двадцать один год, а мне дал шестьдесят лет. Эта нелестная оценка моего возраста могла бы вообще разрушить шансы Лакхпы получить работу.

Дело в том, что шерпы считают бородатых иностранцев древними стариками. У Эдмунда на груди седые волосы, поэтому шерпы думали, что ему тоже шестьдесят «или немногим больше, но человек он явно старый». Майк Джилл, самый молодой, двадцатитрехлетний участник экспедиции, казался им стариком, так как он блондин. В представлении шерпов он седой, а следовательно, очень старый, и это нас немного утешало.

Перед тем как отправиться в Катманду, Рин Норбу получил известие, что его дом в соседней долине сгорел. Возможно, в пламени погибла вся семья. Поэтому, уговорив сопротивляющегося Лакхпу с помощью неумеренных обещаний компенсировать лишний «крюк», Рин Норбу решил зайти к себе домой по пути в Катманду. Чтобы сделать это, надо было преодолеть перевал Таши Лапча.

К счастью, мороз сковал разрушенные скалы и нависающие ледовые карнизы, которые, падая, вызывают лавины, и создал мосты из плотного снега между скальными полками и над трещинами. Это им помогло. С собой у них было только по горсти муки; жажду они утоляли снегом. На перевале солнце согрело их. Если бы погода переменилась, а это происходит в Гималаях в считанные минуты, Рин Норбу и Лакхпа Тсеринг ни за что бы не выжили. Невероятно, но даже после тяжелого перехода через перевал и после того, как они провели день на пепелище дома Рина Норбу, им все-таки удалось завершить путь за девять дней. Семья Рина

Норбу счастливо избежала пламени, уничтожившего их дом, но имущество она потеряла все.

После всего лишь трехдневного отдыха два гонца снова оказались в пути, не подозревая, что заняли достойное место в истории альпинизма в Гималаях. Они не считали, что совершили что-то более значительное, чем «очень замерзли и немного испугались».

Каждую неделю мы посылали гонцов в Катманду с почтой и сводкой новостей. Они возвращались с долгожданными письмами, газетами и всякими разностями (посылками с конфетами, соленьями, орехами, жвачкой и лекарствами для закапывания в нос). За каждый переход они получали по 40 рупий (3 фунта стерлингов). За очень быстрый переход дополнительно им выдавали еще по 20 рупий (1 фунт 10 шиллингов). В месяц они зарабатывали по 192 рупии (14 фунтов 10 шиллингов). Некоторые считали это весьма щедрым вознаграждением.

— Вы их портите, — твердили мне со всех сторон.

Такова цена неведения и того, как мы им пользуемся. К концу экспедиции двое гонцов страдали от туберкулеза, и хотя не было никаких доказательств, что болезнь вызвана напряженными переходами, без сомнения, они усугубили тяжелое течение болезни. К счастью, оба парня выздоровели после лечения, которое обеспечила им экспедиция совместно с миссионерским госпиталем в Катманду. Современные методы лечения делают чудеса с людьми, которые никогда не имели дела с западной медициной.

## Китайские пиротехники

Связь между нашими основными партиями, а также между базовым и наблюдательными лагерями осуществлялась по радио. Маленькие оранжевые рации, которые часто нужно было подогревать на огне (одну из них нечаянно сжег чересчур старательный шерп), чтобы они работали, тщательно выбрал Хиллари. У Питера Малгрева, морского офицера, специалиста по радиосвязи, они работали в любых условиях, кроме одного — когда их глушили китайцы из Тибета.

В первый раз китайцы стали нашупывать нашу ча-

стоту 20 октября, но нам удалось связаться с Тянгбоче, где Норман Харди усиленно занимался проблемами, связанными с установкой «Серебряной хижины». 21 октября нас абсолютно заглушили. Как только в эфир поступал наш сигнал-вызов, в ответ неслась музыка, пение, китайская речь. Стараясь передать хотя бы несколько слов в промежутке, пока кто-то менял пластинку, мы ухитрились провести кое-как сеанс связи по утреннему расписанию. Дневные попытки подобного рода были безнадежны. Нас забивали посторонние звуки.

Зачем глушить такую невинную радиосвязь, как наша? Ведь в наших словах: «Передай Эду, что 14 шерпов спускаются вниз», «Марлину нужен второй спальный мешок», «Привет, старик, как дизентерия?» — не было ничего, что могло бы встревожить или расстроить китайцев. Может, они искренне полагали, что наша экспедиция состоит из агентов империализма, как неоднократно утверждал Пекин, и утренняя и вечерняя радиосвязь была жизненно важным обменом зашифрованной информацией о пограничном районе?

21 октября, когда мы сидели вечером у огня в нашей общей хижине и обсуждали этот вопрос, вошел взволнованный Эдмунд и позвал нас посмотреть на какое-то сияние. Предложение покинуть уютную, теплую хижину для того, чтобы увидеть сияние на небе, нам совсем не понравилось. Потребовалось некоторое время, прежде чем мы вышли на воздух. Я тоже выполз из хижины.

Стояла морозная ночь. Конечно, ничего вокруг не было видно. По словам Эдмунда, сначала он увидел «огни, мчащиеся по небу в северном направлении. Это было немного похоже на зарево или отражение очень яркого света за границей, в Тибете». Первым на зов Эда из палатки вышел Том Невисон и сказал, что видел яркий шар, похожий на спутник, который скрылся за пиком к западу от нас. Он думал, что светящийся предмет снова появится через некоторое время, но этого так и не произошло. Холод быстро погасил наш интерес. Мы решили, что Эду все это пригрезилось.

На следующее утро мы покинули лагерь у озера, чтобы начать трудный подъем на ледник Толам Бау по направлению к перевалу Таши Лапча. Путь был тяжелым, он пролегал через гигантские обломки скал и про-

ходил под моренными склонами, похожими на разрушенные зубчатые стены, с которых постоянно летели камни. Везде стояла пыль, она поднималась как раскаленный дым со склонов долины, скал, даже с самого ледника.

Мы будто вступили в жерло вулкана или неожиданно приземлились на другой планете, так далек был этот шумящий, пыльный, горячий мир от безмятежных высот над нами. Здесь было озеро, глубокое, лежащее в теле ледника, вместо воды в нем была бронза, а вместо глыб льда — башни из грязи. Там, где в него стекали грязевые потоки, оно шипело и булькало, и мы потревожили его еще больше, когда стали сталкивать в застывающую воду большие валуны, которые удавалось сдвинуть с места. Это был сумасшедший импульс, который психиатры объяснили бы как разрядку от нервного напряжения за многие недели, и это произошло совершенно спонтанно.

Вдруг все стали катить в озеро валуны и бросать камни. До сих пор у меня перед глазами стоит такая картина: Майк Джилл бьет ногами по огромному обломку скалы, при этом Хиллари держит его за шиворот, а Питер Малгрив и Том Невисон виснут у него на руках. Тут проявилась такая сторона личности сахибов, которую шерпы прежде не видели: может, сахибы так забавляются и дома или в этом есть более глубокий смысл?

На верху каждого перевала в районе расселения шерпов сложены пирамиды из камней, часто — ступы или молитвенные стены, предназначенные для того, чтобы умиловить божества и духов окрестных долин и горных пиков. Мы узнали, что мимо этих ступ и пирамид из камней надо проходить так, чтобы они оставались справа, и из-за этого нам часто приходилось делать обходы. Мы научились выкрикивать «Со, со», как это делают шерпы, когда кладут на перевале в качестве подношения камни или цветы.

Иногда духом, которому мы приносили жертвы, оказывался давно погибший разбойник или жестокий чиновник, который с течением времени приобрел очертания божества. Тратя массу энергии на катание валунов, мы словно совершали жертвоприношение озеру. В нем почти наверняка жили духи: оно выглядело до-

статочно зловеще и могло быть убежищем легендарных демонов и чудовищ, которые обитали в этих вечных снегах вместе со «снежным человеком».

В тот вечер мы остановились на ночевку у подножия грозных утесов Чобуцзе, и ледник грязным холмом все еще виднелся ниже нас. Это было не совсем хорошее место, но здесь имелась вода и много низкорослых кустов азалий для костра, что важно, так как в четыре часа солнце скрывается и становится холодно.

Мы толпились вокруг лагерного костра, когда в семь часов Пат Барчэм, который искал хворост, обратил наше внимание на зарево в небе. На этот раз сомнений не оставалось. Пока мы наблюдали, яркий круглый объект устремился вверх из-за стены гор, отделяющих нас от Тибета, стал метаться по небу, а затем взорвался и исчез высоко над нами. После него остался след в виде светящейся прозрачной полосы, которая висела в небе, постепенно исчезая, почти с полчаса.

В дневнике Эд Хиллари описал этот феномен следующим образом: «Что-то пронеслось по небу на востоке. Я поднял голову вовремя и увидел, как широкий волнистый след сначала мелькнул, а затем погас в небе, оставив после себя более бледную, но отчетливую дымку. Этот след тянулся вверх, а затем снова поворачивал в сторону Тибета, образуя в небе почти полный круг. Потом он исчез. Зрелище было потрясающее, и единственным объяснением мог быть запуск ракеты. Мы недоумевали: что хотят китайцы?»

Интересно, что же все-таки мы видели? Было ли это явление связано с вечерним заревом?

Может быть, это всего лишь китайская ракета, которую успешно запустили в ночное небо? В экспедиции оказалось два человека, прежде имевших дело с ракетами. Это были Том Невисон из военно-воздушного флота Соединенных Штатов Америки (он занимался физиологией человека в условиях космоса) и Питер Малгрёв из Королевского военно-морского флота Новой Зеландии, недавно прошедший курс подготовки по ракетной технике.

Том был готов поклясться своей репутацией, что мы видели ракету, к тому же достаточно мощную. Он предположил, что площадка для запуска находилась примерно в ста шестидесяти километрах к северо-восто-



ку от места нашего пребывания, то есть примерно в районе Лхасы. Питер Малгрев же считал, что мы оказались свидетелями довольно необычного явления природы, вот только не знал какого. Питер ставил под сомнение «ракетную» версию, но признавал, что не так хорошо знаком с запуском ракет, как Том, который поехал в экспедицию чуть ли не с мыса Канаверал. Для меня лично существенным показались зигзагообразный полет и взрыв высоко в небе, что напоминало фильмы о запуске ракет, которые я видел.

«Китайскую ракету» заметил в тот вечер и доктор Пью, руководитель нашей группы физиологов, с точки, отстоящей по крайней мере на шестьдесят километров к югу от нашего лагеря. Он решил, что это метеорит. Люди в Намче-Базаре приняли ее за комету с необычайно длинным хвостом, а лам из местного монастыря настолько поразило это зрелище, что они принялись читать специальные молитвы.

Возможно, тут имело место совпадение, но через день радиопомехи прекратились. Мощные китайские певцы замолчали, и наши шерпы вскоре даже заскучали — их весьма развлекали эти звенящие голоса.

## ГЛАВА V

### Кхумджунг

В течение трех дней мы стояли лагерем у подножия Таши Лапча, ожидая, пока подойдут носильщики из Солу-Кхумбу и переправят нас через перевал. Хотя все здоровые мужчины, женщины и дети в долине Ролвалинг были привлечены на службу нашей экспедицией, их не хватало для наших нужд — ни по численности, ни по физической силе. Нам редко приходилось встречать столь жалких людей, как в Ролвалинге. Причиной могли быть родственные браки, недостаток йода в воде, венерические болезни, недоедание или изоляция. По крайней мере пятьдесят процентов населения страдали от зобной болезни, многие были низкорослы, словно растения, которым не хватает питания для нормального

развития. Среди этих людей встречалось много слабоумных.

Однако все они хотели работать, и наша экспедиция была им словно ниспослана богом, поскольку давала возможность заработать деньги (обычно жители Ролва-линга обходились натуральным обменом), приобрести такие предметы роскоши, как консервные банки и бутылки, пустые упаковочные корзины, получить остатки пищи, иногда — старую одежду.

Забраться так далеко, как мы, и только с помощью местных, было нелегко. Уркьен прошел через Нанчаон и Бединг, где упрашивая, а где и запугивая людей, чтобы набрать достаточное количество носильщиков. Какая это была разношерстная компания, когда они прибыли к нам! Одна старуха казалась такой слабой, что едва могла передвигать ногами, не говоря уже о том, чтобы носить грузы. Однако она настаивала, чтобы ее взяли на работу, ведь в противном случае мы лишаем ее такой необходимой денежной помощи. Она не только взвалила на плечи обычный груз весом в двадцать два килограмма, но и добавила к нему еще несколько выброшенных коробок и пустых банок, так что высота ее поклажи примерно равнялась росту старухи. Другая женщина принесла с собой новорожденного и устроила ему колыбель в картонной коробке, которую пристроила сверху на свой груз.

Три молоденьких хорошеньких монахини из Бединга явно были центром внимания наших экспедиционных шерпов. Они давали им нести менее громоздкие и менее тяжелые грузы, выделили вязанные шлемы, защитные очки, перчатки и часть дефицитного шоколада и сигарет. Одна монахиня от природы была утонченной. Я с интересом наблюдал, как она пользуется кремом для загара — его предложил, конечно, один из шерпов. Делала она это умело, как и всякая модница.

Одна из женщин, которых привел Уркьен, неожиданно решила вернуться домой в Нанчаон. Оказывается, она оставила дома двух совсем крошечных детей. Мужа в это время дома тоже не было. Поэтому она дала детям по большому глотку чанга, чтобы они заснули (даже она не хотела употреблять грубое слово «опьянеть»), и оставила их одних в доме. Теперь, когда прошло семь часов, она была в панике. Уркьен заверил женщину, что ее

услуги потребуются часа на три-четыре, но, поскольку рабочей силы оказалось мало, он хотел, чтобы она пошла через перевал Таши Лапча, а ведь это несколько дней пути.

25 октября стали прибывать носильщики из Солу-Кхумбу. Со скал нам кто-то крикнул, и Пасанг Тенцинг, у которого замечательное зрение, начал перечислять:

— Двое мужчин и женщина. По-моему, там и Фу Дорджи из Кхумджунга; еще четверо мужчин. Да, я уверен, что это Фу Дорджи; три женщины. Эй, Айла! Вон идет жена твоего брата...

Когда мы наконец разглядели их на уступах скал в шестистах метрах над нами, они казались нам муравьями. И все же Пасанг оказался прав. Когда через час они выбрались из глубокого кулуара и наконец подошли достаточно близко к нам, чтобы можно было различить их лица, во главе группы действительно шел Фу Дорджи, ветеран Эвереста. Айла выкрикивал приветствия или добродушно шутил с женой своего брата. Во второй половине дня все шестьдесят «импортированных» шерпов обосновались в нашем лагере на леднике; большинство из них укрылись под скалами, почерневшими от бесчисленных костров.

Ниши под большими скалами, часто защищенные сложенными из камней стенами, служат прекрасным убежищем для путника в этих безлюдных, диких местах. Часто там хватает места для тридцати человек или более, которые располагаются вокруг нескольких костров. Однажды я провел ночь в подобном убежище, когда всего в нескольких сантиметрах над моей головой нависла многотонная скала. Было очень уютно, скала сохраняла тепло от костра, который горел здесь несколько часов назад. Неожиданно я постиг весь ужас клаустрофобии<sup>18</sup>. Вдруг произойдет землетрясение или от старости эта скала, которая служила шерпам убежищем с тех пор, как они стали приходить в Непал из Тибета несколько столетий назад, неожиданно упадет? Я никак не мог заснуть, но альтернативой возможному погребению была неминуемая смерть от холода. Я выбрал погребение в тепле.

---

<sup>18</sup> Клаустрофобия (от лат. *claustrum* — «барьер» и греч. *bos* — «страх») — боязнь ограниченного пространства.

## Там, где кричат вороны

Только что шестьдесят носильщиков без приключений пересекли Таши Лапча. Наши худшие опасения рассеялись. Шестьдесят пар шерпских башмаков должны были проторить надежный путь в снегу. Нас предупредили, что скальные полки впереди ненадежны, но в то же время если они выдержали поступь ста двадцати ног, то выдержат и нас.

Лично я почувствовал какое-то облегчение. Мне даже удалось сесть и написать коротенькую заметку, пока солнце еще освещало ледник, а двое гонцов, отправлявшихся в Катманду, принялись за плотный обед.

«Толам Бау, 26 октября 1960 года. Через гонца.

Марлин Перкинс и Джордж Лоу с четырьмя шерпами на полпути к крутому гребню, ведущему на перевал. Они провели в своем временном ненадежном лагере четыре дня, на полке размером не более ковра-самолета в надежде увидеть чудовищного „снежного человека“, но при этом не обнаружили никакого существа, хотя бы отдаленно напоминающего йети. Здесь, наверху, нет никого живого, кроме нас, да еще двух почти ручных вóронов, крик которых похож на звук клаксона старого автомобиля, остановившегося перед светофором, да нескольких печальных клушиц; они, кажется, обречены на жизнь без отдыха. Вороны пристали к нам в Бединге и с тех пор не покидали нас.

Никто из нас не осудил бы йети за то, что они обходят этот район стороной. Здесь нет ничего, кроме ледяной, отрешенной, зловещей красоты, нет даже выносливых упитанных пищев, которые считаются любимой пищей „снежного человека“. Воду в этих местах добывают из-под толстого слоя льда в ледниковых озерах. Она не содержит красных галлиц с вилкообразным хвостом, которых мы обнаружили и глотали вместе с водой на высотах, больших, чем эта. Но когда солнце согревает беспорядочные скопления скал, на леднике начинают роиться целые колонии каких-то неожиданных насекомых: чешуйницы обыкновенные таких размеров, что они могут испугать любую домашнюю хозяйку, мухи, черные пауки-аттиды и бабочки.

Сейчас мы у подножия грозного перевала Таши Лапча словно блохи возле пирамиды — Эд Хиллари, Питер

Малгрев, Бхану Банерджи, Майк Джилл, я и человек шесть шерпов. Том Невисон и Пат Барчэм самостоятельно ушли вперед через перевал в поисках йети и присоединятся к нам в нашем последнем базовом лагере в Тьянгбоче. Мы не видели, как они уходили. Мы могли только надеяться и верить, что они все-таки поднялись по этим разрушенным утесам, преодолели кулуары, пересекая ледовые участки, и сейчас благополучно перебрались на другую сторону перевала. Целая армия могла бы пройти по этому пути, не оставив следа, развернуться за нагромождениями скал и морен, во впадинах вокруг нас и остаться незамеченной. Ее передвижения никто бы не услышал за шумом, стоном и треском, которыми наполнены эти беспокойные скалы и льды.

Глядя вверх на утесы и ледопады на пути к перевалу, мы завидуем Тому и Пату: ведь их мучения уже позади. И будто для того, чтобы усилить наши неизбежные трудности, камнепады грохочут по утесу, который мы должны штурмовать,—это такая наглядная демонстрация, что ее нельзя не принять во внимание; ледопад (единственный альтернативный маршрут) взрывается и стихает, оставляя тревожное чувство. Эд и Пат попробовали преодолеть его, но не смогли и объявили ледопад слишком опасным, хотя, по мне, он выглядит менее грозно, чем утесы.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что путь по утесам опасен, это наше первое реальное препятствие, особенно там, где тропа входит в глубокий кулуар. Совершенно ясно, что там единственно проходимая полка сужается до ширины человеческой ступни, не больше.

Чтобы усугубить наше положение, снежные лавины и камнепады сходят по этому кулуару с удручающей частотой. Джордж Лоу посоветовал нам лезть, положив руки на голову, чтобы защитить ее от падающей сверху мерзости.

Таких людей, как я, в подобных ситуациях, если вообще человек должен в них ввязываться, беспокоит лишь то, что мы преодолеваем их на четвереньках. Сэр Эдмунд пообещал нам навесить веревку на опасных участках, и Майк Джилл, „прекрасный скалолаз“ по оценке Хиллари, сегодня рано утром ушел с Фу Дорджи, главой носильщиков из Солу-Кхумбу, чтобы натянуть веревку в этом лишающем присутствия духа кулуаре. Хотел бы

я быть таким же веселым и уверенным, как Майк. Питер Малгрив и Бхану Банерджи вскоре последовали за ними во главе тридцати носильщиков; по крайней мере у одного из них груз был тяжелее его самого. Джордж Лоу, который накликал беду в кулуаре, и Марлин Перкинс, расположившийся на скале выше, устроили натурные съемки, снимая драму трудного подъема. Возможно, мы доживем до показа фильма.

Завтра с остальными тридцатью шерпами из Намче-Базара и двадцатью пятью с нашей старой базы в Бединге и еще несколькими шерпами из экспедиции, которые были с нами (как говорит Хиллари, это будет самый большой переход через Таши Лапча), мы предстанем перед пропастями и перевалом. А долина Ролвалинг погружится в зимний сон.

Мне хотелось бы думать, что вороны будут без нас скучать».

## Таши Лапча

Эд Хиллари, который первым из европейцев перешел через Таши Лапча (1951 год), считает, что это, возможно, самый прекрасный и самый трудный перевал в мире. По одну сторону находятся крутые скальные уступы, по которым грохочут лавины, а путь представляет собой серию рушащихся скальных уступов, по другую — ледопады.

Мы достигли верха перевала 28 октября без особых происшествий — только трудно было дышать, и иногда сдавали нервы. А потом, словно чтобы нарочно умиротворить наши проклятия, там, на самом верху этого невозможного перевала, оказалось стадо овец и стадо яков, которые переходили его со слепым безразличием. Некоторые заплатили дань рабской преданности человеку: мы видели, как отставших животных оставляли умирать в снегу; в панике, собирая остатки сил, они мычали и блеяли, когда мы проходили мимо. Мне сказали, что заботиться о нескольких слабых животных невыгодно.

Два стада сопровождали шесть пастухов. Каждый имел тяжелый груз. О том, чтобы нести измученных животных, не могло быть и речи; к тому же при переходе важна скорость. Если вдруг разыграется буря, то мож-



На пути к перевалу Таши Лапча

но потерять все стадо. Нас удивляло, что яков и овец вообще можно вести через перевал. Яков, очевидно, проводят через такие препятствия, как осыпающиеся скальные полки и кулуары, по одному, перетаскивая за рога и хвост.

Позади остался огромный ледник Толам Бау, на котором мы провели пятнадцать часов, включая ночевку, где мы мерзли в наших двойных спальных мешках, мало ели из-за отсутствия аппетита на высоте и почти не двигались. Носильщики-шерпы спали на льду, накрыв-

шись брезентом и подстелив одеяла из шерсти яков; их совсем не смущали неудобства. Для защиты от холода шерпы пользовались экспедиционным снаряжением: палатками, надувными матрацами, спальными мешками. Эти блага распространялись и на нескольких избранных женщин.

Впереди лежали долины и живописные горы Солу-Кхумбу, истинной земли шерпов; прямо перед нами возвышалась гора, вся из снега и льда, как хорошо взбитая меренга. Эд Хиллари сидел на высшей точке перевала, его шевелюра развевалась по ветру, в бороде застряли сосульки. Мы считали его человеком сдержанным, поэтому приступ внезапной ностальгии, который охватил его, нас несколько озадачил. Он признался, что действительно испытывал острое чувство «возвращения домой», ко всему тому, что дорого всем влюбленным в Гималаи и шерпам. Настроение Эда передалось остальным. Скоро мы все наслаждались пьянящей атмосферой Солу-Кхумбу, шумно возились, словно школьники, забыв о голоде и усталости, об изнуряющем пути к перевалу.

Едва мы начали спуск, как столкнулись с бедой. Чтобы обойти непроходимый ледопад, мы должны были ползком спуститься вниз по длинному предательскому желобу к трехсотметровому склону в виде непрочной осыпи. Только мы двинулись вниз (Хиллари прокладывал нам путь), как высоко над нами раздался грохот и гул, а через несколько секунд мимо нас пронеслась лавина камней. В это время я остановился на середине желоба, чтобы сделать снимок. Ниже стояли Эд Хиллари и несколько шерпов, выше — Джордж Лоу. Вдруг я услышал:

— Берегись!

Это кричал Джордж Лоу. Я распростерся на дне желоба, держа руки над головой; маленький камень ударил с глухим стуком в мой рюкзак; другие, некоторые размером с чемодан, кувыркаясь, пролетали мимо. Не знаю, как долго длился этот кошмар — несколько минут или, может, всего несколько секунд, — ведь у страха глаза велики.

Еще более жуткой показалась тишина, наступившая после камнепада. Вокруг кружилась пыль. Я пытался вновь пережить весь ужас происшедшего. Живы ли шерпы и Хиллари? Снизу не доносилось ни звука. Что слу-



чилось с Джорджем? Где Марлин Перкинс и Майк Джилл с их шерпами? Они оставались позади меня, но оттуда не слышно было ни звука...

Вдруг, словно в ответ на мои опасения, откуда-то сверху долетел крик, и из-за края утеса, возвышавшегося за нами, пролетела корзинка, из которой выпадали консервные банки и какие-то непонятные предметы; они с грохотом разбивались о скалы внизу. Все, кто это видел, подумали, что за корзинкой покажется тело. Но его не последовало. Скалы, обрушившиеся над нашими носильщиками, которые остались наверху, смели одну из корзин, а носильщик, к счастью, не пострадал. В корзинке был один из наших драгоценных приемников, который превратился в коробку с металлоломом. Пришлось его бросить.

Мы поздравили друг друга с тем, что так легко отделались, и двинулись дальше по каменистой осыпи. И тут на нашу долю выпало новое испытание — еще один, более мощный взрыв; еще один вопль «Берегись!» и новая лавина камней. Мы остались живы, но героизма в нас уже не было; спуск мы заканчивали, не отрывая глаз от высот над нами, и сердца наши гулко стучали не только из-за того, что мы были на такой высоте... Страхи наши усилила стоявшая внизу осыпи каменная пирамида, которую венчал деревянный крест. Памятью о какой трагедии была она?

Марлин Перкинс и Майк Джилл наблюдали за драмой сверху. Я полагаю, они спускались по кулуару осторожно — ведь они были предупреждены об опасности таким впечатляющим образом. Казалось, единственное, что в тот момент беспокоило Марлина, — это отсутствие под рукой камеры, чтобы запечатлеть опасности путешествий в Гималаях для телезрителей Чикаго.

Остальной спуск был легким и приятным, через шерпские деревни и невспаханные картофельные поля, бурные реки, леса карликовых рододендронов, можжевельника и сосен. Какое счастье снова увидеть траву и цветы после долгих недель снега и бесплодных морен! У меня вдруг появилось сильное желание поваляться на траве, как это делают звери, захотелось нарвать цветов и листьев, собрать их в кучу и нырнуть туда с головой. Я мечтал искупаться в первом же ручье, но холод быстро пресек мои желания.

Над нами возвышались величественные пики — Амадаблам, Тамсерку, Кангтега («Седло яка») и Макалу, с ее гигантской и грозной даже на расстоянии скалистой вершиной, темной среди сверкающих пиков, такой же мрачной и пророческой, как черная вуаль при белых свадебных процессиях.

**«Благотворительность» —  
еще одно название доллара**

Норман Харди ждал нас в Тхами, первой крупной деревеньке по эту сторону перевала. В монастыре чествовали важного ламу-воплощенца из Тибета, и мы решили принять участие в празднике. Шерпы горели желанием отдать дань уважения ламе и отслужить благодарственный молебен за наш благополучный переход через Таши Лапча. Для нас монастырь, с его новыми молитвенными флагами, словно расцвеченный к параду, был очень привлекателен после недель, проведенных в одиночестве в Ролвалинге.

Воплощенец, известный под именем Гхулшинг Римпоче, сидел у главного алтаря монастыря, возле золоченого жертвенника. Перед ним в два ряда по старшинству расположились ламы, а все остальное пространство было заполнено шерпами и тибетскими беженцами со всего Солу-Кхумбу.

Нам предложили чай, именно чай в западном стиле, так как шерпы знали о нашем отвращении к тибетскому варианту чая, похожему на суп.

Сначала казалось, что у ламы-воплощенца день молчания, потому что на длинные и часто возбужденные объяснения причин нашего присутствия, которые давали ламы и шерпы, воплощенец отвечал молчанием. Он сидел в позе лотоса для медитации и улыбался.

Вдруг лама подозвал переводчика и поинтересовался, сможет ли он поехать в Америку.

— Можете, — заверил я.

— Сколько это будет стоить? — поинтересовался лама.

Я ответил.

— Платить придется в долларах? — спросил лама.

— По-моему, нет. Расплачиваться можно и индийскими рупиями.

— Но ведь доллары необходимы для путешествия за границу? — настаивал лама.

— Конечно, — признался я, — доллары весьма полезны.

— Как их достать? У вас есть? — был вопрос.

Том Невисон вспомнил, что у него, кажется, оставалось несколько центов, и стал лихорадочно рыться в потрепанном кошельке.

— Есть ли среди вас американцы? — спросил лама.

Я указал на Тома и Марлина, и тут все внимание сосредоточилось на них.

— Доллары.

Он хотел знать, могут ли Том и Марлин достать доллары.

Тут Марлин показал себя прекрасным дипломатом. Оказывается, американский народ очень хочет знать, как выглядит Римпоче. Знакомство с человеком подогревает интерес благотворителей, а «благотворительность» — это другое название доллара. Можно ли сфотографировать Римпоче?

Мы прошли на залитый солнцем двор, где поспешно сооружался трон, и воплощенец позировал с большим достоинством перед дюжиной фотоаппаратов. Он настоял на том, чтобы надеть очки в золотой оправе, которые он приобрел в Калькутте, но были ли они ему необходимы или просто считались приличествующими его положению, мы так и не узнали. Он также пожелал, чтобы его сняли одной из наших кинокамер, и мы доставили ему это удовольствие.

Во дворе, где позировал Римпоче, из камня и земли была сооружена большая, по форме похожая на улей печь. В ней, как нам сказали, через несколько дней будут кремировать останки другого воплощенного ламы. Они поинтересовались, не хотели бы и мы присутствовать на этой церемонии.

По словам наших шерпов, главный лама монастыря Ронгбук в Тибете умер семнадцать лет назад, и, согласно традициям, тело его забальзамировали и заключили в ступу из меди, украшенную золотом и драгоценными камнями. Теперь его тело перенесли в Непал, и его с почестями похоронят. После кремации пепел будут хранить до того дня, пока не построят новую ступу.

Двумя днями позже мы были в Кхумджунге, шерпской деревне, откуда родом большинство наших шерпов. Нам устроили великолепный прием: все жители деревни вышли нас встречать, каждая семья приглашала к себе на угощение и танцы. Мы не могли отказать нашим гостеприимным хозяевам и вскоре стали похожи на завсегдатаев баров. На каждой вечеринке, где исполнялись традиционные тибетские и шерпские танцы с притопами, старожил деревни в меховой шапке, голубоглазый и очень подвижный, оказывался неоспоримым чемпионом. Кхуньо Чумби — так его звали — утверждал, что был победителем среди танцоров в Лхасе — титул, который завоевывается безостановочным двенадцатичасовым танцем.

В тот бледно-лиловый час, когда мы подходили к нему, Кхумджунг был удивительно красив. Изящный миниатюрный ландшафт — рельефные скалы и карликовые сосны, увитые стелющимися лишайниками. Над деревней высилась застывшая пирамида из скал и льда, там живет Кхумбила, божество шерпов Солу-Кхумбу. Из-за своей религиозной значимости этот пик должен всегда оставаться непокоренным. За ним — Эверест и стена Лхотцзе-Нуптцзе, сдвинутых очень близко, и Амадаблам, величественный в своем одиночестве. Молитвенные флаги развевались на крыше каждого дома, и из-за этого массивные дома казались воздушными и словно дрожали от холода; это впечатление усиливали огромные лохматые яки, которые бродили между домами, черные мастифы с мраморно-голубыми глазами натягивали тяжелые цепи, овцы толпились возле порогов, и дети — нашествие грязных херувимов — резвились на улице.

Над деревней, прямо под самой остроконечной скальной башней Кхумбилы, расположился маленький монастырь, где семь дней в году разыгрывают действо с убийством «снежного человека» и чудесным приобретением самой драгоценной реликвии монастыря — скальпа «снежного человека». Мы прибыли в Кхумджунг 30 октября и, горя нетерпением осмотреть «скальп йети», на следующий же день отправились в монастырь. Он был пуст, а когда мы все-таки попали внутрь, то не увидели

и следов скальпа. Днем мы узнали, что жители Кхумджунга охраняли свое необыкновенное сокровище с большим, чем обычно, рвением.

При показе скальпа должны присутствовать трое старейшин деревни. К ящику, в котором хранится реликвия, каждый из них обязан приложить свою собственную печать. Ее снова убирают туда после показа. Этот ящик хранится у монахини, старой, сморщенной старухи. Трое старейшин могут заниматься своими делами — например, пасти яков, пойти в гости в соседнюю деревню или пить чанг в любом из ста пятидесяти домов деревни, — собрать их вместе почти невозможно. Древняя монахиня всегда дома; уйди она куда-нибудь, и увидеть скальп будет уже нельзя.

Чтобы собрать старейшин в монастыре, нам потребовалось добрых часа три. Когда нам все-таки удалось это сделать, скальп вынесли из дома монахини, и по очереди все трое старейшин надели его. Затем скальп натянул себе на голову Хиллари (при этом он был похож на застенчивого Робинзона Крузо), а потом его дали примерить и нам с Марлином Перкинсом.

Всем нам, несмотря на длинные нечесанные волосы, скальп оказался велик на размер или больше. Это был таинственный предмет, куполообразный и покрытый редкой черной и красновато-коричневой щетиной, очевидно очень старый. По всем признакам — это скальп крупного антропоида, самый вероятный претендент — «горная горилла». От основания до острой макушки скальп имел двадцать сантиметров и семь в поперечнике; длина овального основания — двадцать пять сантиметров. Толщина жесткой почерневшей шкуры была от пяти до трех миллиметров, длина окружности основания — семьдесят сантиметров.

Когда-то скальп, должно быть, покрывали жесткие волосы, но от застарелой парши они вылезли, остались лишь косматые участки над глазами и ушами и вдоль отчетливого, чуть приподнятого валика гривы, идущего посередине. По краям скальпа проделаны отверстия, чтобы можно было прикрепить парчовую оборку и завязки — это делают во время церемоний в честь его приобретения. То, что старый скальп используют в религиозных обрядах и к нему прикасаются верующие, привело к тому, что он ломается и трескается. Если, как ут-

верждает традиция, ему двести лет или более, то он удивительно хорошо сохранился.

Настоящий ли он? Большинство из нас в этом сомневались, хотя мы не заметили, чтобы он был где-то соединен, сшит или каким-либо образом скреплен.

Трое старейшин деревни утверждали, что долины вокруг Кхумджунга некогда были густо заселены йети. Это обстоятельство не беспокоило шерпов до тех пор, пока йети не стали людоедами. Поэтому однажды, двести с лишним лет назад, когда «снежный человек» убил и съел отца с сыном и дочерью, шерпы, населяющие эти долины, решили, что йети следует уничтожить. Но как это сделать?

Йети сильные, они в явном большинстве, к тому же вкусили человеческой крови. Один ученый лама по имени Ролва Дорджи придумал, прямо скажем, не очень-то благочестивый план, если учесть, что лама никогда не имеет права отнимать жизнь у живого существа. Он приказал принести большие бочки с чангом на место, откуда их могли видеть йети; жители деревни инсценировали выпивку и драку, а потом попадали на землю, притворившись убитыми. В этой «битве» они использовали деревянные мечи, а когда в сумерках покинули поле сражения, на котором пролежали целый день, то предусмотрительно оставили там настоящие, остро отточенные мечи и чанг.

К несчастью для йети, они умеют прекрасно подражать. С наступлением ночи они спустились со скалистых гор, откуда открывался прекрасный вид на драку шерпов, выпили чанг и, опьянев, стали резать друг друга. К утру в живых остался лишь один ослабевший йети. Его прикончил сам лама Ролва Дорджи и с триумфом принес тело убитого в монастырь, в Тхамы. Лет через пятьдесят жители долин заспорили, кому на самом деле принадлежит скальп йети. Победителями оказались жители Кхумджунга — они ограбили монастырь и унесли скальп с собой. Остальное, очевидно, раздали по другим монастырям. Постепенно эти останки растащили посетители.

Вот так знаменитая реликвия попала в Кхумджунг, где пребывает и по сей день. Единственная деталь в этой истории неправдоподобна (ее можно услышать в нескольких отдаленных друг от друга долинах) — будто шерпы



**Скальп и скелет кисти йети**

только делали вид, что пьют чанг. Я уверен, к вечеру они напились бы до бесчувствия, и если бы в те времена их стремление к мирному сосуществованию было столь же сильным, как сейчас, то йети пили бы вместе с людьми и с тех пор жили бы счастливо. Похожий скальп имеется в монастыре Пангбоче, в деревне в тринадцати километрах от Кхумджунга, по пути к Эвересту. Но если в Кхумджунге скальп хранят из суеверия, то в Пангбоче эту реликвию считают священной, поэтому его совершенно невозможно купить или получить на время. Если бы мы захотели взять один из скальпов (а нам действительно хотелось), то делать это надо было в Кхумджунге.

История появления скальпа йети в Пангбоче менее убедительна, чем кхумджунгская. Она гласит, будто некий лама Сейва Дорджи, основатель монастыря, предавался медитации на горе, возвышающейся над деревней Пангбоче. Обычно йети приносил ламе еду и питье, и так продолжалось долгие годы. Однажды за молитвами лама почувствовал голод и сообразил, что йети уже много дней не кормил его. Лама кинулся искать своего благодетеля и нашел в пещере мертвым.

Сейва Дорджи принес скальп «снежного человека» в монастырь, где он и находится по сей день. Эта реликвия хранится вместе со священными останками самого ламы — глазами, языком, кишками — в позолоченном, украшенном драгоценными камнями ларце.

Предметом гордости монастыря в Пангбоче является также «рука (кисть) йети», которую эксперты (из тех, кто видел фотографии и кусочек кожи) считают человеческой или наполовину человеческой. Фактически это скелет кисти; массивные, явно вытянутые фаланги скрещены, а ладонь частично покрыта коричневой жесткой кожей. Возможно, какие-то кости и не человеческие, но основная часть кисти, без сомнения, человеческая. Эта большая, но тонкая кисть принадлежала, возможно, женщине, а еще вероятнее — молодому ламе. Многие участники нашей экспедиции не раз замечали, что у важных лам, которых мы встречали, пальцы тонкие.

Довольно часто бывает, что рука, сердце, или череп умершего ламы хранится в монастыре как реликвия. Из черепов делают церемониальные чаши, из берцовых костей — трубы. Что могло бы сразу вызвать сомнение относительно подлинности скальпов, хранящихся в Кхумджунге и Пангбоче, — так это тот факт, что они без черепов. Черепам «снежного человека» придавали бы куда большее значение. Они, без сомнения, стали бы предметом истинно религиозного почитания, тогда как скальпы — просто талисманы, приносящие удачу.

Вполне возможно, что кисть из Пангбоче могла начать свое таинственное существование как реликвия, будучи отделенной от других останков ламы Сейвы Дорджи.

## ГЛАВА VI

### Нам предлагают скелет «снежного человека»

Оглядываясь назад, можно сказать, что наш приезд в Кхумджунг явился поворотным пунктом — мы отказались от непредвзятого отношения к легенде о «снеж-



ном человеке» и откровенно перестали в нее верить. На то у нас была причина.

Когда мы спускались с Таши Лапча, в одной маленькой деревушке нам повстречались две женщины. Они сказали, что всего месяц назад на склоне близлежащего холма были обнаружены останки йети. Весть о находке дошла до непальского контрольного пункта в Намче-Базаре (он находится километрах в трех ниже Кхумджунга).

Капитан, начальник контрольного пункта, тут же приказал, чтобы ему доставили останки йети. Прикрываясь указом правительства, провозглашающим всех йети и их останки собственностью короля, капитан быстро присвоил их. Меня это известие сильно взволновало. Ведь нам, не нашедшим живого йети, могло попасть в руки наиболее убедительное доказательство существования «снежного человека» — его скелет. Не теряя времени даром, мы отправились к капитану контрольного пункта, тем более что он находился на нашем пути, а мы должны были обязательно сообщить капитану о своем прибытии в Солу-Кхумбу.

Капитан подтвердил, что у него есть целый скелет йети и несколько волос и все это тщательно сохранено для нас, так как капитан был уверен, что мы захотим купить скелет и волосы йети. Мы заверили его, что с удовольствием сделаем такую покупку, но сначала надо взглянуть на «товар». В гостиную торжественно внесли большой старый мешок, и его содержимое осторожно выложили на пол. Скелет принадлежал собаке, большой собаке; возможно, тибетскому мастифу, — у нас по этому поводу не могло быть никаких сомнений.

Во всяком случае, перед нами лежали кости и шерсть животного, которое местные жители готовы были назвать йети. Мы решили сфотографировать эти останки и попросили у капитана разрешения.

Он категорически отказал нам в просьбе, сказав, что ему непонятно, зачем мы хотим фотографировать останки, если считаем, что они не принадлежат йети. В то же время, если мы находим их достаточно важными, чтобы сфотографировать, значит, их стоит и купить.

Мы отказались, и кости с преувеличенной предосторожностью снова спрятали в мешок. Мы готовы были биться об заклад — «останки йети» завтра же можно

будет легко найти на одной из многочисленных деревенских свалок.

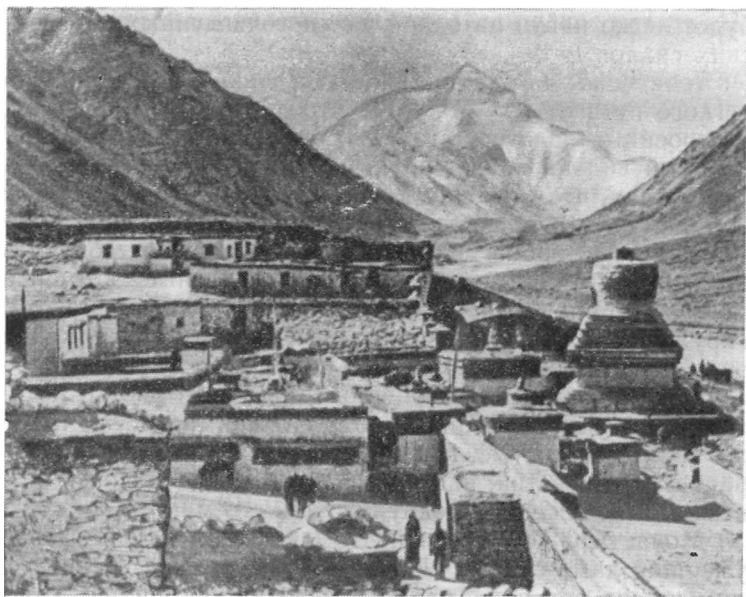
Тьянгбоче находится на расстоянии дня довольно легкого пути от Кхумджунга. Это деревня и монастырь, построенные на отроге горы. Отсюда открывается прекрасный вид на величайшую вершину мира — Эверест. Утверждая, что это одно из самых очаровательных мест в мире, — совершенное в своей красоте при любом настроении, в любое время дня, — я рискую говорить штампами. В облачный день многоярусные крыши и мощные стены монастыря кажутся волшебным замком, окруженным тайной; в солнечную, ясную погоду, какой она может быть только на большой высоте, Тьянгбоче — словно волшебный драгоценный камень в цветке лотоса — большие пики окружают его как лепестки, такие же нежные и чистые. Нигде больше я не испытал такого радостного чувства, как в Тьянгбоче. Здесь человек возвысил, а не осквернил окружающий его мир.

Монастырь построен на том камне, откуда давно умерший лама-святой, поскользнувшись, упал. Посетителям до сих пор показывают отпечатки его ног на скале. *Тьнгба* на языке шерпов значит «пятки», *джей* — «отпечаток». *Тьнгба джей* — буквально «отпечаток пяток».

Такое красивое поселение, конечно, дает благодатную почву для легенд и сказок. Этим мифам была придана правдоподобность и исключительность благодаря посещениям иностранных журналистов, которые наделили монастырь особой «тайной йети». Очевидно, много лет подряд «снежные люди» спускались после суровой зимы в перелесок около монастыря, где их видели местные ламы.

Бытуют и общеизвестные подробности: будто йети пугаются звуков труб и барабанов и убегают с территории монастыря, крадут деревенских красавиц, и от этих «союзов» рождаются дети. Вне всякого сомнения, этих детей в приступе праведного гнева деревенские жители убивали или они умерли, бедняжки, естественной смертью «всего несколько лет назад».

Существует история, которую записал один журналист, недавно побывавший в Тьянгбоче. В ней рассказывается о том, как на глазах у лам йети убил человека возле монастыря. Произошло это за два дня до приезда сюда журналиста. Повествование было полно подробно-



Монастырь Тьянгбоче

стей — робость шерпа, дикая ярость «снежного человека», а также печальный и красочный обряд кремации, заснятый на пленку.

Естественно, нам захотелось узнать поподробнее об этой истории. Ведь рассказ обладал таким качеством, как достоверность.

Мы были очень разочарованы, когда узнали от верховного ламы монастыря Тьянгбоче, что в день нашего приезда было разыграно представление: убийство с участием «снежного человека». Его организовали заинтересованные местные жители, в основном носильщики, для своих сахибов. Молодой лама явно смутился, когда мы заинтересовались подробностями «убийства».

— Мы не имеем к этому никакого отношения, — сказал лама. — Просто умер человек, и его кремировали. В этом нет ничего необычного: всех людей, которые умирают в этом районе, кремируют здесь, в монастыре. Я уверен, что человек не был убит ни йети, ни медвс-

дем, ни каким-либо другим животным. Я слышал, было сделано много фотографий обряда кремации.

Мы спросили, видел ли верховный лама или кто-то из его лам йети. Может, это произошло зимой, когда, как говорят, они резвятся недалеко от монастыря?

Лама сказал, что за других ему отвечать трудно, но сам он ничего подобного не встречал. Два старых ламы (они помогали строить монастырь шестьдесят лет назад и живут здесь с того самого времени) тоже уверены, что никогда не видели, чтобы йети приходили в Тьянгбоче, но утверждали, будто много лет назад...

Вот и получалось, что каждый, о ком говорили, что он видел «снежного человека» в окрестностях Тьянгбоче, старался выпутаться из наших пристрастных вопросов, утверждая, что йети будто бы видели их предки, а сейчас можно только услышать незнакомый, высокий, плачущий голос, похожий на крик клушицы.

Марлин Перкинс уверял, что эти таинственные звуки издает снежный барс. Мы надеялись, что, когда первые зимние снегопады приведут этих высокогорных животных вниз, на доступные высоты (Тьянгбоче находится на высоте 3995 метров над уровнем моря), мы сможем записать и классифицировать голоса йети. Конечно, сделать это нам не удалось. Ни разу за много месяцев, проведенных в окрестностях Тьянгбоче и в самой деревне, мы так и не услышали ничего хотя бы приблизительно похожего на крик йети.

## **А если это серау?**

Теперь все наше внимание сконцентрировалось на скальпах из Кхумджунга и Пангбоче, хотя после многочисленных их осмотров мы все более утверждались в мнении, что это подделки, искусно изготовленные из шкуры животного. Какое это животное, оставалось только гадать, но мы уверены, что скальпы берут начало от церемониальных головных уборов и где-то на протяжении своей длинной истории переплетаются с местной легендой о «снежном человеке».

Обработка сведений, собранных предыдущими экспедициями, анализ шерсти с кхумджунгского и пангбочского скальпов — в США и Великобритании она была про-

верена на сыворотку грызунов, коровы, ленивца, гималайского бурого с серовато-голубоватым оттенком медаведя, обезьяны, лошади, козы, гориллы, свиньи, панды и человека — ничего не доказали. Широкая область предшествующих исследований оставила нам слишком мало пищи для воображения, и мы продолжали недоумевать относительно происхождения скальпов, если бы не неожиданное и счастливое совпадение.

На следующее утро после того, как мы исследовали кхумджунгский скальп, наш «специальный детектив», который искал шкуры и другие части йети, шерп Анг Темба заставил Марлина Перкинса, Бхану Банерджи и меня (мы жили в одной палатке) выскочить на мороз. Анг Темба сообщил, что нашел еще одну шкуру йети и несколько «других вещей». Действительно, у него оказалась прекрасная шкура голубого медведя, целая, с четырьмя лапами и гривой, и он расстелил ее перед нашими сонными глазами. Это была самая светлая шкура из всех, которые мы видели, такая светлая, что местами казалась платиновой. Люди, утверждавшие, что видели йети, говорили, будто они белые, серые, бурые, рыжие, черные.

Мы уже успокоились после пережитого волнения, связанного с этим важным приобретением, но тут Анг Темба спросил, не нужна ли нам еще одна, обыкновенная шкура. Пока он ее разворачивал, мы поняли, что это именно тот сырьевой материал, из которого был сделан «скальп йети» в местном монастыре: темная грива по всей длине крупного тела, грубый рыже-черный волос, твердая толстая шкура. Под увеличительным стеклом волоски этой шкуры казались совершенно одинаковыми с волосками со скальпа в Кхумджунге. Как мы выяснили позднее, в действительности шкура принадлежала серау.

Среди «других вещей», которые сегодня утром принес нам Анг Темба, оказалось несколько весьма «мистических» предметов: «рог лошади» («извержение молнии», буквально «удар молнии»), окаменевший пенис ламы и «человечий хвост»; в основном это были просто камешки. Когда я сказал, что все это подделки, Анг Темба очень расстроился. Ламы — обладатели «человечьего хвоста» — считали, что он стоит по крайней мере тысячу рупий (77 фунтов стерлингов).

Этой ночью я записал в дневнике: «Почти наверняка скальпы из Кхумджунга и Пангбоче — „близнецы“. Они сделаны из шкуры серау по одной болванке: и форма, и цвет, и размеры идентичны — две конические шапки, заметно потертые на макушке, покрытые красновато-коричневой и черной щетиной; посредине грива, по краям дырки, подозрительно похожие на следы от гвоздей, которые удерживали „скальп“ на болванке».

Мы решили сделать два скальпа сами и пожертвовали для этого одну из трех шкур серау, которые нам удалось приобрести. Тем самым мы хотели доказать, что скальпы самодельные, даже если наша догадка относительно материала неверна. Для этого мы попросили ничего не подозревавшего ламу сделать две болванки из свежесрубленного соснового ствола.

При помощи грубого местного инструмента старик сделал конические болванки очень искусно и быстро. Нам показалось вполне вероятным, что именно он изготовил болванки для скальпов. Результаты оказались превосходными. После четырехдневной работы в нашем распоряжении имелись два «скальпа» антропоидов, отличавшиеся от скальпов из Кхумджунга и Пангбоче только новизной да густотой меха.

По совету Анга Тембы мы обработали довольно старые шкуры, вымочив их в горячей воде с грязью, а потом отбили для придания им мягкости. Лучше было бы использовать свежую шкуру серау, но все попытки приобрести таковую кончились неудачей.

Мы послали на исследование волоски и с наших подделок и с «подлинных» «скальпов йети» доктору Осману Хиллу из Лондонского зоологического общества, без указания на происхождение этих предметов. Делали мы это с волнением. Если два образца признают идентичными, значит, скальпы — подделка, и тем самым будет опровергнут важный аргумент в пользу йети. Без подобного доказательства скальпы из Кхумджунга и Пангбоче оставались бы весомым подтверждением существования йети. Мы подозревали, что скальпы — подделка, но твердой уверенности в этом не было; без тщательной проверки экспертами трудно судить о предмете. Поэтому нам было просто необходимо вывезти из страны один из скальпов на экспертизу. Даже если бы нам удалось улестить или дать взятку старейшинам Кхум-

джунга, предстояло еще сразиться со старой непреклонной мегерой.

Вдруг на Кхумджунг или шерпов свалится какое-нибудь несчастье, когда скальп будут демонстрировать за границей? Нас обвинили бы в этом, и счастливо сложившиеся отношения между шерпами и сахибами оказались бы под угрозой.

### Мальчик должен умереть

Первым, кого я встретил в Кхумджунге, был Кхуньо Чумби — лучший танцор деревни. Он сказал, что у него есть останки йети. Чумби считал, что меня это должно заинтересовать. Дома он достал из сундука корзину и вынул из нее банку. В ней лежал тщательно завернутый предмет. Это был коготь. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он взят с задней левой лапы тибетского голубого медведя.

Пока мы торговались (потому что останки, естественно, имели цену), Чумби сказал, что за несколько месяцев до нашего приезда двое его детей видели йети, когда пасли яков, принадлежащих семье.

— Там, — сказал Чумби, указывая в сторону склона Тамсерку, узкой снежной горы высотой 6405 метров, возвышающейся над Кхумджунгом, — дети играли вдвоем. Вдруг это существо вышло из кустов рододендрона и остановилось, наблюдая за действиями детей. Сначала ребята подумали, что это монахиня, так существо было похоже на человека, а бурая окраска напоминала цвет одежды монахинь. Поэтому им показалось, что монахиня собирает хворост. Они даже крикнули «Ани!» (по-шерпски — «монахиня»). Тогда йети (кто же еще мог быть!) медленно повернулся и пошел назад к кустам. Дети испугались и побежали домой. Мы очень беспокоимся, потому что люди, которые видели йети, умирают вскоре после встречи с ним.

Я расспросил детей — мальчика лет четырнадцати с серьезными глазами и восьмилетнюю девочку. Они отвечали, что действительно видели йети; их описания были очень точны и, я думаю, достоверны. Не сомневаюсь, они видели медведя, возможно, редкого тибетского голубого медведя, или какого-то незнакомого зверя.

Через много месяцев я снова побывал в Кхумджунге. В эту встречу сын Кхуньо Чумби был серьезно болен — он умирал от пневмонии. Его тяжелое, затрудненное дыхание так наполняло дымный сумрак хижины Кхуньо Чумби, что казалось, дышит сам дом. Мальчик лежал возле окна, закутанный в одеяла. Глаза у него запали, скулы едва не разрывали желтоватую кожу. Я спросил Чумби, почему он не послал к нам за помощью. Ведь он знал, что с нами врачи и, конечно, они тотчас же приехали бы.

— Это бесполезно, — сказал он. — Мальчик умрет.

В припадке гнева я готов был кинуться на него с кулаками:

— Какого черта должен умирать этот мальчик?

— Он видел йети, — твердил отец мальчугана.

Чумби сказал, что уже обращался к ламам с просьбой помочь его мальчику, поскольку лечение болезней входило в их «компетенцию», но они даже не предложили помощи.

Все это говорилось при мальчике, наверное, уже в сотый раз. Он хныкал, но в остальном принимал приговор своего отца и лам со стоическим спокойствием.

Я делал все возможное, чтобы убедить мальчика, что он выздоровеет. Затем, проклиная вслух всех и вся, заставил домашних приготовить бульон из мяса яка, овощи и яйца. К счастью, у меня с собой был флакон с разными таблетками, и среди витаминов, обеззараживающих средств, снотворных, противодизентерийных таблеток, я выудил четыре таблетки хлормицитина.

На какое-то мгновение я заколебался. Вдруг таблетки окажутся для измученного болезнью мальчика смертельными? Но рискнуть стоило. К тому же родители ребенка не сомневались в летальном исходе, вне зависимости от того, какая помощь будет оказана их сыну. Я велел принимать по таблетке каждые два часа, с супом или молоком, и первую дозу дал больному сам.

К вечеру мальчику стало намного лучше: пульс стал ровнее, дыхание спокойнее. Я ушел с чувством глубокого облегчения. Однако еще до восхода солнца меня разбудили и попросили срочно прийти. У сына Чумби началось обильное кровотечение из носа.

— Это продолжается около часа, — сказала мать. Она держала возле лица сына медную чашку. То, как



быстро наполнялся сосуд, вызывало тревогу: ребенок мог умереть от потери крови.

— Да бесполезно все это, — твердил Чумби. — Он видел йети и теперь должен умереть.

В отчаянии я отправил человека в лагерь (он находился в десяти километрах) за врачом; при этом я понимал, что помощь может опоздать. Чумби послал за ламами. И тут жену Чумби осенило: она схватила кусок навоза, обожгла его на огне и горячим приложила к носу сына. Вскоре кровотечение прекратилось. Через два дня мальчик встал с постели, и Чумби снова засомневался в силе проклятий йети.

## Сердитый бог

Вопрос о том, можно ли на время взять скальп из Кхумджунга, я сначала обсудил с Кхунью Чумби. Может быть, он и был потрясен такой мыслью, но виду не подал. Напротив, Кхунью казался даже сильно заинтригованным и обещал мне помощь. В то же время он заверил, что это будет очень трудная, почти невозможная сделка. Одна такая попытка уже была предпринята, но она едва не кончилась восстанием. Боги, которые охраняют скальп (человеческий или еще чей-либо), могут сильно рассердиться.

Я послал письмо Эду (он уехал наблюдать за строительством нашей «Серебряной хижины»):

*«Не хотели бы вы приобрести рыжую шапку Пата? Предприятие может оказаться дорогостоящим».*

«Пат Барчэм» — так мы условно называли йети; «рыжая шапка Пата» означала скальп.

*«Весьма заинтересован. Действуйте»*, — был ответ. После этого начались переговоры.

Мы поодиночке «обрабатывали» старейшин Кхумджунга и Кхунде, деревни, прилегающей к Кхумджунгу и имеющей с ним общий монастырь. Каждый опасался за реакцию остальных, но за плату готов был расстаться с реликвией.

Самое сильное сопротивление оказал «мэр» Кхунде, глава обеих деревень. Это был богатый, суеверный и знающий цену своему положению человек; в данном случае он выступал как хранитель благополучия мест-

ных жителей. Он сказал, что отсутствие скальпа (пусть даже самое непродолжительное) может вызвать в Кхумджунге эпидемию чумы, землетрясение, неурожай, падеж скота, наслать губительные лавины с высот Кхумбила.

Однако я настаивал, подкрепляя свою просьбу обещаниями значительных сумм на обновление монастыря. Разве старейшинам Кхумджунга не известно о нашем намерении построить в деревне школу? В ответ на этот дружеский жест мы просили разрешения взять на время скальп йети. Всего на три месяца, может быть, даже на два. Если нельзя, то хотя бы на шесть недель, но не меньше. Мы пообещали обращаться с ним очень осторожно, а Хиллари и я будем лично его сопровождать. Трудно было объяснить старейшинам, какие огромные расстояния придется нам преодолеть, чтобы доставить скальп в США, Францию или Великобританию; к тому же они и не старались понять нас.

— Или шесть недель, или вы вообще не увидите скальп, — твердили старейшины.

Пришлось согласиться, но при этом мы полностью отдавали себе отчет, что наше предприятие станет возможным лишь в том случае, если отсюда и назад в Кхумджунг нас доставит вертолет. В среднем, чтобы пройти путь от Кхумджунга до Катманду, требуется от четырнадцати до семнадцати дней. Если на исследование скальпа в Чикаго, Париже и Лондоне выделить минимальное время, то, по нашим подсчетам, получалось, что он должен находиться вне страны по крайней мере четыре недели. Мы могли бы проделать путь в одну сторону пешком, но идти и туда и обратно — об этом не могло быть и речи. И тем не менее мы решительно сказали «да».

Наконец, когда нам уже, казалось, удалось уговорить шерпов, появился Кхуньо Чумби и сообщил, что какой-то бог гневается.

— Интересно, какой? — удивились мы.

— Да тут один, — сказал Кхуньо и подмигнул обоим глазами.

— Как же все-таки успокоить божество? — спросили мы.

— Конечно, успокоить можно, только это будет стоить пятьсот рупий (38 фунтов стерлингов).

— А не согласится ли бог на меньшую сумму? — снова спросили мы.

— Что вы, гнев его велик! — был ответ.

Мы вручили пятьсот рупий с искренней надеждой, что остальные боги не придут в ярость от наших намерений хотя бы на время взять скальп йети.

И тут нас стали преследовать ночные кошмары: вроде бы мы уже заполучили скальп, но сидим без средств и никак не можем его куда-нибудь отправить; умоляем кредиторов и друзей помочь нам, но остаемся без ответа; наконец, с трудом все-таки выбираемся из Кхумджунга, но никак не можем вернуться назад. Ужасные сны оканчивались так: Кхумбила, могущественный бог шерпов, разрушал Кхумджунг и Кхунде в одном миге порыве божественного гнева, а наши шерпы бросали нас вниз, в пропасть.

Эд принял кое-какие меры предосторожности. Он разослал нашим спонсорам телеграммы, извещающие об удаче. В одной из них говорилось, что это может стоить им четыре авиабилета вокруг света плюс другие расходы в Гималаях. Ни у нас, ни в экспедиционной казне не оказалось достаточно денег, чтобы заплатить предусмотренную договором сумму на обновление монастыря в Кхумджунге. Другую отчаянную телеграмму мы послали в штаб Всемирной энциклопедии. Однако нас беспокоило, что произойдет, если деньги не придут вовремя или их не вышлют вообще. В стране шерпов необычайно важно не «потерять лицо». Если мы не сможем выполнить условия соглашения после всей шумихи и суматохи, которую мы подняли за последние несколько дней, на нас обрушатся проклятия. Мы даже стали надеяться, что сделка будет задержана божественным гневом, но этого не случилось. 18 ноября нас призвали в монастырь на церемонию вручения.

Беднягу Эда мучило отсутствие и вестей и гонцов из Америки. Наш счет в банке Катманду был крайне невелик. К тому же могли ли мы рисковать всем ради охоты на йети как раз тогда, когда была достигнута критическая ступень в подготовке к физиологическим исследованиям? Мнения резко разделились. Некоторое время наши физиологи и приверженцы охоты на йети сурово посматривали друг на друга.

## Наши шерпы в качестве заложников

Вручение скальпа, отложенное на двадцать четыре часа из-за нашего банкротства, состоялось 19 ноября, когда, к огромному облегчению, прибыли гонцы с необходимой суммой. Церемония была шумной, ей часто угрожали и суеверия и «гнев» местных божеств. В конце концов дружелюбие шерпов перевесило их недоверие, и деревенские старейшины вручили сэру Эдмунду скальп через старую монахиню, которая походила на кривляющуюся горбунью.

Статьи соглашения были написаны на шерпском, непальском и английском языках. Мы пришли, вооруженные собственным текстом, отпечатанным на лучшей бумаге, какую мы только смогли достать, и украшенным сургучными печатями. Оно гласило:

*«Соглашение между научной и альпинистской экспедицией 1960—1961 годов под руководством Хиллари и старейшинами деревень Кхунде и Кхумджунг.*

*Его Величество король Непала и его правительство дают разрешение Гималайской научной и альпинистской экспедиции 1960—1961 годов под руководством сэра Эдмунда Хиллари временно вывезти в Америку и Европу скальп йети, принадлежащий деревням Кхунде и Кхумджунг.*

*Как известно жителям этих деревень, переговоры проходили в последние недели между нашими представителями сэром Эдмундом Хиллари, Десмондом Дойгом и Марлином Перкинсом, с одной стороны, и Гнаной Чумби, старейшиной деревни Кхунде, и Кхуньо Чумби, Дорджи Мундо и Нимой Таши, старейшинами Кхумджунга, — с другой.*

*Во время переговоров были затронуты следующие пункты, с которыми обе стороны согласились:*

*1. Скальп йети, принадлежащий деревням Кхунде и Кхумджунг, будет выдан научной и альпинистской экспедиции под руководством сэра Эдмунда Хиллари с целью изучения его экспертами в Европе и Америке.*

*2. Скальп передан на шесть недель; две недели — на перевозку в Катманду и обратно и месяц для изучения за границей.*

*3. Перечисленные выше участники экспедиции будут*

ответственны за благополучное возвращение скальпа в условленное время.

4. Проявляя добрую волю, мы готовы выполнить следующие условия и требования старейшин Кхунде и Кхумджунга:

а) один из старейшин деревни будет сопровождать скальп, куда бы его ни повезли в Америке или Европе, и все расходы, связанные с его передвижением, полностью оплатит экспедиция;

б) монастырю в Кхумджунге в дар передаются восемь тысяч непальских рупий на его обновление;

в) сэр Эдмунд Хиллари и участники экспедиции обратятся с просьбой к спонсорам, альпинистским обществам и ко всем людям доброй воли с призывом построить и поддержать материально школу для жителей деревень Кхунде и Кхумджунг.

Мы, нижеподписавшиеся, хотим, чтобы жители обеих деревень поняли, что сэр Эдмунд Хиллари и все участники экспедиции считают, что жители Кхунде и Кхумджунга проявили щедрость, предоставив свою драгоценную реликвию участникам экспедиции, и считают это жестом истинной дружбы между шерпским народом и народами мира. Мы просим старейшин Кхунде и Кхумджунга также закрепить договор печатями.

Подписано в девятнадцатый день ноября тысяча девятьсот шестидесятого года в деревне Кхумджунг, Непал».

Документ подписали Хиллари, Перкинс и я; сирдар Дава Тенцинг, Уркьен и Аннулу приложили свои печати в качестве свидетелей.

Никогда старый, разрушающийся монастырь Кхумджунга, во дворе которого происходила церемония, не видывал ничего подобного. Царил счастливый, слегка пьяный хаос. Пока шли споры и переговоры, во дворе стоял шум. Ламы застыли в молитве. Порой, словно жужжание пчел, до нас доносились их голоса. Мы наслаждались такими моментами затишья.

Члены экспедиции попросили продлить срок, на который нам одолжили скальп. Шерпы не понимали, почему. Где же наш волшебный вертолет? Может, мы уже отказались от данного слова? Почему бы не отвезти скальп в Катманду и вернуть назад через месяц, изучив его за это время? Разве западные ученые недостаточно

умны? Стоит ли им вообще одалживать скальп? Другие экспедиции тоже предлагали внушительные суммы, но им отказали, хотя они просили скальп всего лишь на месяц.

Нам удалось уломать двух упрямых деревенских старейшин, и — вот триумф наших методов акклиматизации — в разреженной атмосфере Кхумджунга мы переговорили даже самых болтливых.

Однако подлинными героями дня стали три наших экспедиционных шерпа — сирдар Дава Тенцинг, Уркьен и Аннулу. В письменном соглашении они упоминались как свидетели, поэтому старейшины решили взять их вместе с имуществом в качестве заложников. Если мы не вернем скальп в условленное время, через выговоренные с трудом шесть недель, вся собственность шерпов будет конфискована в пользу деревни и монастыря.

К их чести и в доказательство дружбы, трое шерпов (им не было смысла заниматься чем-либо еще, если есть работа, за которую платят) без колебания поставили под соглашением свои подписи. Они смутились, когда мы стали выражать им свою благодарность.

Кончилась церемония, начался праздник. Старый обычай требовал веселья, и шерпы его получили. Мы заснули там, где выпили последнюю чашу, и, черт возьми, я так и не мог припомнить, что со мной было дальше.

## Странные подарки для королевы

Эд решил, что в путешествиях по миру скальп должны сопровождать четверо: Марлин Перкинс — зоолог, Кхуньо Чумби — хранитель реликвии, я — переводчик и нянька для Чумби — и, конечно, сам Эд. Это, кстати, соответствовало нашему соглашению.

Выбор Чумби в качестве представителя шерпов был очень удачным. Сорокавосемилетний Кхуньо Чумби — типичный шерп. У него ярко выраженные монголоидные черты, волосы заплетены в косы, в ушах — серьги с бирюзой, на ногах — вышитые войлочные сапоги. Его ярко-красные одеяния придают ему важный вид. Он хранитель деревенских документов, актов и древних указов

некогда всемогущих премьер-министров Рана<sup>19</sup>, требующих послушания шерпов Кхумджунга, которые до тех пор ориентировались на Тибет и далай-ламу в спорных вопросах закона и правопорядка.

Когда Кхуньо Чумби узнал, что его выбрали сопровождать скальп йети в Америку и Европу, он стал готовиться к путешествию — это было похоже на то, что он проделал перед визитом в Лхасу: Чумби послал за четырьмя брикетами тибетского чая и заказал новые войлочные сапоги. Он не знал, стоит ли ему брать с собой обычные для путешественников запасы: высушенную на солнце тушу овцы, мешок с ячменной мукой и хотя бы одну деревянную бутыл с чангом. Мы уговорили его оставить все это, но он настоял на том, чтобы взять серебряную тибетскую чашку для чая и тибетский ковер, да еще прихватил несколько меховых шапок, ожерелья из кораллов и бирюзы (мы подозревали, что некоторые украшения он взял у жены).

Конечно, он повезет подарки для королевы Елизаветы, президента Д. Эйзенхауэра и короля Непала. По западным стандартам это довольно странные подарки — мешки с цзампой<sup>20</sup> грубого помола, священные картины на свитках с изображениями буддийских святых и мистического гуру Падмасамбхавы, плитки тибетского чая и высушенные ячи хвосты. Все это, как объяснял Кхуньо Чумби, традиционные подарки для важных лиц, и он скорее поедет голым, но не без подарков. Он хорошо знал, что у королевы Елизаветы есть муж и три сына, и очень беспокоился о количестве чая и цзампы, которые вез с собой.

— Они, наверное, каждый день получают много подарков, — успокаивал себя Чумби.

Кхуньо Чумби показал мне эти подарки по дороге из Кхумджунга в Катманду. Свитки, тибетский чай и хвосты яков были завернуты в превосходную непальскую бумагу кустарного производства, цзампа хранилась в мешке из домотканого холста.

Я представил, как будут выглядеть эти подношения среди великолепия королевских дворцов: сначала удив-

---

<sup>19</sup> Рана — феодальный род Рана, фактически узурпировавший власть в Непале с 1846 по 1951 г.

<sup>20</sup> Ц з а м п а — национальное блюдо тибетцев: слегка обжаренная ячменная мука грубого помола.

ленно поднятые брови, вопросительные взгляды, а затем, возможно, восхищение дарами, такими неожиданными и необычными.

Чумби не сомневался, что будет принят королевой и президентом — ведь он старейшина деревни и проделал далекий и рискованный путь, пересек моря по ту сторону земли. Да и как может быть иначе — все великие люди добры, не правда ли?

Я молил бога, чтобы наш мир протокольных барьеров и четко определенных социальных границ оказался добр к этому наивному селянину из Кхумджунга. Как объяснить, что тибетский чай обычно пьют с солью и ячьим жиром, а цампа — главная пища шерпов, и если вам предложили цампу — это знак гостеприимства и дружбы; хвостами яков, украшенными серебряными ручками, отгоняют мух, а в представлении Кхуньо Чумби на земле нет ни одного обитаемого места, где бы не было мух.

### Благоприятный день

25 ноября сэр Эдмунд, Кхуньо Чумби, Джордж Лоу, Пат Барчэм, «скальп йети» и я покинули Кхумджунг. Старая колдунья провозгласила этот день благоприятным. В монастыре собрались старейшины деревни. Произошел обмен обязательствами. К скальпу приложили печати все, у кого они только имелись. Присутствующие потребили огромное количество чанга. Наконец-то самую загадочную реликвию опустили в одну из наших походных сумок, и мы — на пути в Катманду.

Наши носильщики-шерпы соответствовали той удивительной истории, в которой участвовали. Здесь совершенно случайно оказались Сен Тенцинг, шерп (вместе с Эриком Шиптоном он открывал знаменитые ныне менлунгские следы йети), два знахаря, два ламы, художник, сапожник и портной. Во время торопливого броска почти в триста километров художник нашел время, чтобы заполнить записную книжку рисунками волшебных животных и йети. Знахарь рассказал, как один могущественный предок дотянулся до Луны и опустил ее в долину, по которой мы проходили, чтобы осветить. Отпечатки пальцев можно увидеть на Луне и по сей день.



Сапожник оказался человеком дела — он сразу решил, что походная обувь Хиллари требует срочного ремонта. Пришлось ему объяснить, что сэру Эдмунду было нечего больше надеть, кроме теннисных туфель маленького размера, в которых прорезали дыры для пальцев. Я имел прекрасную возможность поговорить с Сеном Тенцингом, общительным шерпом старой закалки, похожим на пирата. Когда я напомнил ему о случаях с йети, о которых он рассказывал Шиптону и на приеме в английском посольстве в Катманду в 1951 году, старик посмотрел на меня, словно извиняясь. Я так и не понял, подтверждает он свои рассказы или отрицает. У меня создалось впечатление, что он либо чувствовал себя виноватым за преувеличение, либо больше не хотел снова и снова рассказывать об этом. Однако, как и все старые шерпы, он твердо верил в существование йети.

## ГЛАВА VII

### Кхуньо Чумби путешествует по свету

Вертолет, на котором мы рассчитывали улететь, в Непал не прибыл. К тому же не было точно известно, стоит ли вообще его ждать, поэтому мы решили добираться до Катманду пешком, в надежде на то, что, когда вернемся, вертолет уже прибудет и сможет доставить нас назад в Кхумджунг. Мы шли очень быстро и проделали пятнадцатидневный путь из Кхумджунга в Катманду за девять дней.

Во время одного из изнурительных переходов Кхуньо Чумби угощал нас рассказами о тибетском короле, у которого было двадцать семь жен. Как король знакомился с каждой из жен, сватался и женился, было само по себе отдельной историей. Чтобы показаться каждой доброй женщине с лучшей стороны, король отрезал по кусочку от своего тела. Он лишился глаз и совершал над собой разные другие кровавые операции. Король спас свою голову, которую мог бы отрезать, и, надо полагать, жизнь благодаря двадцать седьмой жене, которая оказалась переодетой богиней. Она вернула изуродованное тело в первоначальное состояние, наделила вновь моло-

дой силой. С тех пор король и его жены жили припеваючи. Счастливый конец истории жизни короля наступил в тот момент, когда мы достигли вершины хребта, на который взбирались много часов.

Кхуньо Чумби сказал, что это была сказка для путешественников, предназначенная для того, чтобы отвлечь путника от дороги, и в зависимости от длины пути у тибетского короля может быть от шести до шестидесяти жен. С тех пор мы измеряли все наши переходы в женах.

В Катманду нас ожидали деньги, билеты на самолет и теплое приглашение в Америку. Здесь состоялась также аудиенция у короля Махендры Бикрама Шаха. В маленькой королевской приемной с двумя чучелами тигров у противоположных стен (они столкнулись бы головами, если бы не огромный канделябр между ними) мы демонстрировали «скальп йети» королю. Махендра Бикрам Шах понес скальп во внутренние покои, чтобы показать его королеве (она была простужена).

Кхуньо Чумби, сопровождавшего Хиллари, Перкинса и меня во дворец, соответствующим образом подготовили к этому событию лекцией о королях и правилах хорошего тона. Поэтому я был в ужасе, когда Чумби, указывая на короля, громким шепотом поинтересовался, кто это такой.

Он также допустил неловкость на приеме у премьер-министра Непала, мистера Б. П. Коиралы.

— Кто этот худой человек? — спросил Чумби.

— Тише, это премьер-министр, — объяснили ему.

— А что это такое? — снова задал вопрос Чумби.

— Он — глава правительства, — сказали ему.

— Значит, он король? — последовал новый вопрос.

К счастью, у мистера Коиралы было прекрасное чувство юмора. Мы наслаждались его обществом и чаем. К шерпам он относился с большой симпатией.

Через несколько дней, в Чикаго, мы узнали, что правительство Коиралы распущено, а сам он находится под арестом. Кхуньо Чумби, как только мы сообщили ему эту новость, все сразу понял.

— В одной стране не может быть двух королей, — заявил он.

Скажите, разве он не прелесть!

Чумби прежде летал на «дакоте» (пятидесятиминутный перелет от Патны до Катманду). Правда, никогда

прежде он не бывал за морем, и путешествие это сулило много таинственного.

Для шерпов вселенная — плоскость, омываемая морем, за которым вздымается пламя — бесконечный эфир. Известный им мир — Лхо, остров на юге, имеющий счастливую репутацию, — населен благочестивыми и богобоязненными людьми. Центральный остров — восьмیارусная гора. Над ней возвышается храм. Четыре яруса этого «мира» находятся над водой, четыре — подводные, и живут там *най-джин*, полулюди-полубоги. Божественный храм — обитель Гьалтцека Риши, могущественных богов севера, юга, востока и запада. Прямо над этим миром — тридцать три неба, и на них обитают многочисленные буддийские божества махаяны<sup>21</sup>.

На севере находится квадратный остров Чанг-Да-Миньян. Его населяют нечестивцы и сплетники. На востоке — Шар-Ли-Па-Фо — ромбовидный остров с людьми, некогда жившими в богатстве и роскоши на земле. Им показали их место в загробном мире задолго до смерти. Увиденное настолько их удручило, что с тех пор они живут в горе и бедности.

На западе — Нуб-Паланг-Чхе, мир неверующих и скупцов. За свои грехи они обречены на вечные страдания.

Море между этими землями так огромно, что никто не может пересечь его; сделать это можно только в момент смерти.

Однако мы все-таки летели над морем и, несомненно, приземлились в другом мире. Чумби запечатлел это чудесное приключение на открытке компании Пан-Ам и, судя по форме суши, которую он зарисовал, когда самолет шел на посадку в Бангкоке, кажется, решил, что мы добрались до Шар-Ли-Па-Фо, восточной земли. Видя, как старик все больше задумывается по мере того, как в иллюминаторе стал виден Таиланд, я подумал, не сомневается ли он в том, что нам удастся покинуть этот страшный остров, где люди обречены на жуткие видения. По нему, правда, это было незаметно.

Конечно, он мог молиться, чтобы мы приземлились

---

<sup>21</sup> Махаяна — одно из направлений в буддизме, вариантом которого является тибетский ламанзм.

на острове У-Ри-Гьялхумби, очарованной земле полубес-  
смертных, или даже залетели на одно из тридцати трех  
небес вечного блаженства. В конце концов он знал, что  
мы находимся на высоте большей, чем Эверест, а для  
шерпов, которые живут среди священных гор, это выс-  
шая обитель богов.

К тому времени, как мы достигли Гонолулу, Чумби  
стал уже бывалым путешественником, признающим су-  
ществование морей, континентов и сферического земно-  
го шара. Чумби также пришлось столкнуться с такого  
рода истеричками, которые при виде эстрадного певца  
падают в обморок и срывают одежду с популярных ки-  
нозвезд.

Едва мы вошли в комнату отдыха аэропорта Гонолу-  
лу, чтобы выпить прохладительных напитков, отдохнуть  
и дать неизбежные интервью представителям прессы и  
телевидения, как одна яркая блондинка бросилась на шею  
Чумби и громко закричала. Она уверяла его, что он са-  
мый прекрасный, волнующий, восхитительный, самый  
красивый, чудесный и она должна его поцеловать. Она  
кинулась его обнимать и требовала, чтобы муж сфото-  
графировал ее вместе с Чумби.

Голубые глаза Чумби вылезли из орбит, скользнули  
вниз по ярко-красной одежде, вернулись на место и за-  
сияли. Он понял — перед ним одно из тридцати трех  
чудес.

Дамочку охватил очередной приступ щедрости. Она  
сняла серьги, ожерелье и отдала их Чумби. Тот быстро  
поковырял подарки ногтем большого пальца, чтобы убе-  
диться, не подделка ли это, затем широко улыбнулся и  
спрятал драгоценности в глубины своей просторной  
одежды.

— Папуля, — щебетала дамочка, глядя то на мужа,  
то на Чумби. — Нет ли у тебя чего-нибудь, чтобы пода-  
рить ему? О боже, какой же он красивый! Шерп — же-  
натый человек? Что он думает об Америке? Ему нравят-  
ся американцы?

— Ну конечно, — заявил Чумби. — Американцы  
мне очень нравятся.

Супруг ретивой дамочки тут же выудил из кармана  
зажигалку и вручил ее шерпу. Он расстался также с дол-  
ларовой бумажкой и серебром, за что Чумби преподнес  
ему две тибетские монеты.

— Вот это да! — ликовала счастливая дамочка.

Наш уход не позволил ей расстаться с большим количеством вещей. Однако вместе с мужем она проследовала за нами до трапа самолета. Там Чумби, с похвальной быстротой перенимавший необычные западные манеры, стиснул ее в объятиях, достойных йети. Дамочка громко завизжала.

## На Чумби ни одной блохи

Популярность Чумби заставила нас с сэром Эдмундом призадуматься, что делать с новыми сапогами шерпа. Конечно, сапоги прекрасные и сделаны из войлока, расшитого красным и зеленым цветами, до колена и с веселыми ленточками. К сожалению, кожа у них внутри не обработана, и по мере того, как потели ноги Чумби, сапоги издавали все более неприятный запах.

Издали от них пахло свалявшейся шерстью, жиром яков, дымом и выгоревшей травой. Мы были избавлены от запаха чеснока, потому что Чумби считал его «нечистым» (тот, кто ест чеснок, не смеет даже надеяться встретить йети). Однако вблизи, на расстоянии объятий и поцелуев, запах сапог Чумби был непереносим. Мы никак не могли допустить, чтобы наш идол потерял всю свою привлекательность из-за какой-то необработанной кожи.

На помощь нам пришел сильный дезодорант. Однажды ночью Чумби проснулся и увидел, что я опрыскиваю под одеялом его ноги, а от его сапог поднимается дезодорирующий туман. Он посмотрел на меня так, словно обвинял в колдовстве.

Мы уже поняли, что с Чумби не следует пускаться в длительные объяснения. Перед тем как отправиться в путь, нам пришлось провести акцию избавления от паразитов. Во время походов мы все подхватывали или вшей, или блох, или клещей, или всех сразу. Это оказалось еще одним обстоятельством, с которым нам приходилось мириться наряду с бородами, грязью, отсутствием комфорта, холодом. Однако на нас было меньше паразитов, чем на шерпах, благодаря различным инсектицидам, предусмотрительно включенным в экспедиционную аптечку.

Не желая рисковать и в то же время ранить самолюбие Чумби, однажды за ужином Эд и я заговорили о паразитах; я достал картонную коробку с инсектицидом, похвалил его эффективность и предложил всем им воспользоваться. Эд протянул руку к картонке, достал полную горсть инсектицида и стал втирать его в волосы и посыпать одежду. Я последовал его примеру. Чумби был глубоко потрясен происходящим.

— Что! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что мы все вшивые!?

Чумби решительно отказался последовать нашему примеру.

Если душные американские квартиры и юркие такси доставляли нам беспокойство, то растущая популярность Чумби никогда не была в опасности. Начиная с 11 декабря, с момента нашего приезда в Чикаго, и до отъезда из Нью-Йорка в Париж 19 декабря старейшина далекого Кхумджунга наслаждался триумфальным шествием.

В одной из громадных «пещер» Мерчандайз Март Плаза в Чикаго, где наши спонсоры, Всемирная энциклопедия, держали небольшую армию женщин за одинаковыми пишущими машинками, Чумби был встречен овацией в девятьсот женских сил. Когда он проходил мимо них, его сапфировые глаза блеснули, а со всех сторон градом сыпались серьги, ожерелья, разные елочные игрушки, шариковые ручки и даже бронзовый горшок для цветов с каким-то колючим растением.

Чумби очень понравилась одна из секретарш Джона Дейнхарта. Это была очаровательная брюнетка. Как выяснилось, она хранила вырезки из газет о нашей экспедиции. Привыкший к обязательным подаркам, Чумби поверил, когда я в шутку сказал, что девушку ему тоже подарили. (Он тут же потерял интерес к вырезкам, которые делали его более знаменитым, чем «скальп йети» или даже сам Хиллари; там были такие заголовки, как «Кому нужен снежный человек?», «Чумби в городе!», «В Чикаго слышали странный крик йети», «Шерп идет за покупками»).

Как ни желанен был этот подарок, он мог вызвать осложнения — ведь дома осталась полногрудая миссис Чумби; стройным ножкам на высоких каблучках и в тоненьких чулочках никогда не одолеть около трехсот километров от Катманду до Кхумджунга; и вообще,

птичка была слишком нежной, чтобы держать ее в мрачном каменном доме на земле шерпов. Возможно, эти доводы наряду со щедростью старого Чумби побудили его поделить девушку со мной.

— Мне кажется, она подойдет нам обоим, — прошептал он.

К счастью, никто, кроме нас с ним, в Мерчандайз Март Плаза не знал непали.

### **«Пожалуйста, скажите королеве...»**

Проводить время с Чумби в эти безумные суматошные дни в Америке, Париже, Лондоне было редким ощущением! Однажды утром мы заказали завтрак в номер. В дверь постучали, и Чумби, в одних подштанниках (он только что вышел из ванной), с длинными волосами, распущенными по плечам, и опущенными усами, открыл официанту дверь. Несчастный парень, видимо, решил, что побеспокоил бородатую леди.

Чумби ошарашил какую-то даму, подойдя к ней и пощупав материал, из которого было сшито ее платье, в том месте, где оно больше всего натянуто. Чумби считал, что бог соорудил небоскребы. Он смотрел себя по телевизору в семь утра и удивлялся, почему его не показывали в то же время на следующее утро. Чумби имитировал крик йети для репортеров и телезрителей. Он молился в каждой машине, лифте, самолете, чтобы умиловить местных богов. Однажды утром в «Экзекьютив Хаус», в Чикаго, джентльмен с розеткой в лацкане пиджака спросил Чумби, в каком съезде он участвует.

В Париже, когда профессор Милло из Музея антропологии сказал, что скальп — подделка, и усомнился в существовании йети, Чумби заявил:

— У нас в Непале нет ни жирафов, ни кенгуру, поэтому мы ничего о них не знаем. Во Франции нет йети, и я жалею о вашем неведении. Интересно, зачем на улицах ваших городов столько голых каменных людей? Конечно, это боги, но почему они такие бедные — у них нет даже одежды?

О высказываниях Чумби в ночном клубе я лучше умолчу.

В Лондоне Чумби оказался на высоте. 23 декабря

его пригласили в Букингемский дворец, чтобы он мог преподнести свои подарки. К сожалению, не королеве, которая в то время была в Сандрингхэме, а королевскому конюшему, представлявшему ее. Произошло это в один из хмурых лондонских дней, когда небо, улицы и дома, деревья и люди словно состояли из тумана и казалось, будто они вот-вот растают и исчезнут под лучами солнца. Даже солнце, пробивающееся сквозь тучи, казалось серым.

Когда мы проходили по аллее Мэлл в Сент-Джеймский парк мимо величественной гвардейской кавалерии, Чумби поразили размеры лошадей. Это были самые большие лошади, которых он видел в своей жизни.

Во дворце нас приняли в отдаленных покоях, так что нам пришлось преодолеть целые километры коридоров, заставленных тяжелой мебелью и завешанных картинами. На Чумби это произвело впечатление, однако конюший его разочаровал. Представитель королевы не должен носить такой заурядной одежды, как пиджачный костюм. Чтобы передавать приказы Ее величества, нужны драгоценные камни и горностаи.

— Ее величество приказала мне принять вас и поблагодарить ваш народ и вас лично за щедрый дар и передать наилучшие пожелания. Ее величество весьма тронута, — сказал конюший.

— Как здоровье королевских детей? — поинтересовался Чумби.

— Благодарю, мистер Чумби, они здоровы.

— Пожалуйста, передайте королеве, я не очень сожалею, что мы не встретились, — сказал Чумби.

Королевского конюшего такие слова весьма озадачили.

— Не сожалею потому, — пояснил Чумби, — что и у королевы и у меня есть много тысяч жизней, которые нам непременно предстоит прожить. В одной из них мы обязательно с ней встретимся. Пожалуйста, скажите королеве, что она великая женщина, ведь сегодня она сделала меня очень счастливым.

Надеюсь, что королеве передали эти слова вместе с мешками ячменной муки, хвостами яков, раскрашенными свитками и плитками чая, которые Чумби привез ей из Кхумджунга.

25 декабря я имел удовольствие пригласить Чумби



к себе домой в Кент и устроить ему первое в жизни рождество. Я показал ему рождественскую елку, Деда Мороза, щедро угостил, что сразу же заставило его вспомнить Новый год в Тибете. Дед Мороз — это Мей Тцеринг, старик, приносящий счастье. Рождественская елка напомнила ему Торму<sup>22</sup>. Он как-то вдруг засмутился, забеспокоился, что приехал без подарка, и вынул из кошелька все оставшиеся там тибетские монеты. Моей матери он подарил одну из самых своих драгоценных вещей — маленькую фотографию далай-ламы (непальцы обычно носят ее вместо брошки).

Мы уже было собрались приступить к рождественскому обеду, но Чумби вдруг стал читать длинную-предлинную молитву. При этом он то и дело раскладывал по комнате жертвоприношения — орехи, сладости, хлеб, вино. Мои племянники и племянницы сначала были потрясены, но, оправившись, с трудом сдерживали нетерпение. На остальных молитва произвела глубокое впечатление.

### Скальпы изучают...

Однако не все свое время мы посвящали Чумби. Нам следовало либо доказать, либо опровергнуть подлинность находок. В Чикаго, Париже и Лондоне ученые проводили исследования, которые должны были вынести приговор нашим реликвиям и гипотезам.

В наш стремительный вояж в Америку мы прихватили с собой три шкуры голубого медведя (одна из них целая, с четырьмя лапами и головой), одну шкуру гималайского черного медведя, шкуры гималайской лисы и волка, две шкуры серау, фальшивые, сделанные нами «скальпы снежного человека», и, конечно, «скаल्प йети» из Кхумджунга.

К сожалению, в Чикаго состоялась лишь одна совместная конференция ученых и журналистов, где тон задавал Чумби — он воспроизводил крик йети, а нас засыпали вопросами о том, что рассказывали шерпы о «снежном человеке». Думаю, ученые приехали на конферен-

---

<sup>22</sup> Торма — сделанная из теста и масла коническая фигурка; жертвуется верующими в ламаистские храмы.

цию с предубеждением, что скальп — подделка. В результате они не были особенно заинтересованы в том, чтобы точно установить его происхождение. Они согласились с нашим мнением, что на скальп использовали шкуру серау, хотя до этого в Америке эксперты, изучив волосы с того же скальпа, утверждали, будто они принадлежат либо свинье, либо какому-то неизвестному животному.

Наши реликвии придирчиво изучались в Чикагском музее естественной истории доктором Остином А. Рэндом, главным хранителем отдела зоологии, и профессором Филиппом Гершковичем, хранителем отдела млекопитающих. В их распоряжении не было ни одного экземпляра голубого гималайского медведя (*Ursus arctos pruinosus*), и ученые музея утверждали, что привезенные нами шкуры животных принадлежат гималайскому рыжему медведю (*Ursus arctos isabellinus*). Мы дружно выступили против этого заявления по весьма веской причине. Рыжий медведь обитает в Гималаях, часто встречается в Кашмире и Пенджабе и довольно редко — в Непале. Шерпы обычно знают только черного медведя (*Selenactors thibetanus*) и лазающего по деревьям медведя-губача (*Melursus ursinus*). Не помню, чтобы хотя бы один шерп рассказал мне, что видел рыжего медведя; многие не верят, что такое животное существует, — вот аргумент за то, что рыжего медведя могут принимать за йети.

Знаменателен тот факт, что у шерпов нет названия для рыжего медведя. Большой черный медведь называется у них *тхом*, а маленький медведь-губач — *синг-тхом*. Тибетского голубого медведя они знают как *дремо* (это также тибетское название) или *дзу-тех* (произносится *чу-тей*) — это одно из имен «снежного человека».

Известно, что тибетский голубой медведь обитает в восточных районах Тибета; как говорят сами тибетцы, чаще всего его можно увидеть в горах Амдо. Зоологи, с которыми я обсуждал проблему голубого медведя, твердо уверены, что последний в Гималаях не обитает. Если же и встречается, это само по себе важное открытие, и можно простить шерпам, что они принимают за йети животное, столь мало похожее на медведя, или, вернее, создают вокруг этого зверя легенду о «снежном человеке».

Профессор Гершковец согласился, что шкура голубого медведя подлинная. Он сказал, что подумывает о специальной выставке наших реликвий йети — шкур голубого медведя с прикрепленной к ним табличкой «йети» или «снежный человек». Он был прав, поскольку все шерпы, видевшие шкуры голубого медведя, которые нам удалось достать, тут же добавляли, что они принадлежат *DZU-TEH*.

### **...и объявляют подделкой**

В понедельник, 19 декабря, мы вылетели в Париж, и уже через несколько часов после нашего прибытия скальп стал объектом научного изучения в Музее антропологии. Эксперты подготовили образцы волос гориллы, шимпанзе, орангутана и гималайского лангура. Здесь было также много человеческих волос и устрашающий экспонат — высушенная голова человека.

Древний скальп из Кхумджунга даже и приблизительно не соответствовал заранее выдвинутым гипотезам. По сравнению с жесткой рыжей щетиной волосы человека и шерсть крупных обезьян казались шелковыми; жесткая шкура была в несколько раз толще мумифицированной человеческой кожи. Думаю, ученые были в равной мере и озадачены и заинтригованы, хотя они занялись разгадкой тайны скальпа совсем недавно.

При исследовании реликвии присутствовали: профессор Валуа, почетный директор Музея антропологии; его настоящий директор, профессор Мило; доктор Оливье, профессор антропологии в Сорбонне; профессор Леман из Музея естественной истории; профессор Секалди из следственного отдела управления полиции Парижа, занимающийся экспертизой волос; Франсис Петер, ассистент кафедры млекопитающих Музея естественной истории.

Среди экспертов был также аббат П. Борде из Католического института в Париже, который в 1954 году видел и фотографировал «следы йети» в районе Макалу и считался авторитетом по вопросу о существовании йети.

Образцы волос и тканей взяли для более тщательного изучения в Париже, хотя в общем все признали скальп подделкой, вероятно изготовленной из шкуры серау.

Среди тех, кто исследовал скальп в Париже, был профессор Бернард Хэвлеманс, автор занимательной книги «По следам неизвестных животных». В главе, посвященной «Не такому уж отвратительному снежному человеку», профессор Б. Хэвлеманс писал: «Таким образом, необычная форма так называемых скальпов йети лучше, чем можно было предполагать, подтверждает мой вывод, что йети следует определять только по следам».

Даже после изучения скальпа профессор Хэвлеманс не хотел отказаться от столь тщательно нарисованного портрета йети — да и к чему? Йети оказался превосходной «рекламой» для его книги.

До нашего приезда в Париж со скальпом профессор Мило высказывал свое мнение относительно «следов йети», после того как они были сфотографированы и показаны ему. В письме к М. Чарльзу Ронсаку из «Опера Мунди», французского агентства новостей, распространявшего наши сообщения, он писал: «Не ожидая выводов моих коллег, которые я передам Вам сразу же по получении, посылаю Вам свои собственные гипотезы. Я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы передали их сэру Эдмунду Хиллари:

1. Никаких серьезных выводов относительно следов на снегу сделать нельзя. Опыт, который я приобрел в джунглях Африки и Мадагаскара, где я ходил по следам многих диких животных, подсказывает мне, что на очень мягкой почве возможны сбивающие с толку деформации следов и размеры их могут увеличиваться до неправдоподобной величины. На снегу такое явление наверняка выражалось в еще большей степени.

2. Кисть, вне всякого сомнения, принадлежит человеку. Было бы необходимо изучить ее или, по меньшей мере, иметь отличную фотографию, сделанную с небольшого расстояния, чтобы без риска можно было определить, нет ли здесь некоторых костей, взятых от другой кисти. Однако вся структура типична для человека».

### **«Не везет бедному йети!»**

Эксперты в Лондоне очень внимательно рассмотрели «скальп йети». У нас имелась договоренность с доктором У. К. Османом Хиллом из Королевского зоологиче-

ского общества, выдающимся специалистом по приматам, и он пригласил внушительное число ученых, чтобы оценить наши находки. Кенсингтонский музей естественной истории, где мы собрались, считался до сих пор единственным музеем за пределами России, обладающим коллекцией шкур голубого медведя.

Шкуры, которые привезли с собой мы, незамедлительно идентифицировали как шкуры голубого медведя, хотя к одной, с золотистым отливом, целой, с четырьмя лапами, сначала отнеслись с сомнением. Музей взял на себя труд изготовить скальп из шкуры коровы по точным размерам скальпов из Кхумджунга и Пангбоче. Для любой модницы такая шляпа была бы желанным приобретением.

Ученые пришли к единодушному мнению:

а) скальпы из Кхумджунга и Пангбоче являются подделками;

б) возможно, сделаны из шкуры серау;

в) видимо, скальпы старые; их возраст таков, как утверждают местные жители (от двухсот до трехсот лет).

Доктор Осман Хилл показал нам микрофотографии среза волосков, взятых со скальпов из Кхумджунга и Пангбоче, и со скальпов, сделанных нами из шкуры серау. Он не знал, кому принадлежат волосы — мы не уточняли их происхождение. Доктор Хилл был убежден, что все образцы взяты с животных одного вида.

Чумби прореагировал довольно бурно на заключение западных экспертов о существовании йети. Он сказал:

— Я обещаю вам, что, вернувшись в Солу-Кхумбу, обязательно найду для вас йети. Я должен это сделать. Раз вам и Бурра Сахибу<sup>23</sup> пришлось пойти на такие мытарства и расходы, чтобы доказать, что «снежный человек» есть, то мы, шерпы, должны помочь. Мы не можем допустить, чтобы вам не верили.

## Возвращение в Кхумджунг

Те шесть недель, которые выделили нам старейшины Кхумджунга и Кхунде, почти истекли. Даже если мы от-

---

<sup>23</sup> Так шерпы уважительно называли Э. Хиллари.



**Старейшина Кхумджунга приветствует Хиллари, возвратившего «скальп йети»**

правились бы в путь пешком сразу же по прибытии в Катманду, у нас не было бы никакой надежды добраться до Кхумджунга вовремя и доказать трем шерпским старейшинам, что их собственность окончательно не пропала. Теперь нас мог спасти только вертолет. К счастью, из Катманду пришло письмо. В нем сообщалось, что долгожданный вертолет наконец в Непале и его можно заказать для спецрейса.

Мы арендовали вертолет за два дня до истечения срока. Погода была нелетной, и опытный пилот-швейцарец сомневался относительно успешности полета. Мы взлетели, когда солнце то и дело пряталось за тучи. Вертолет переваливал через хребты, прокладывая себе путь среди облаков. За час мы одолели расстояние, которое обычно проходят за двенадцать дней, и оказались над землей шерпов. Тут погода нас окончательно подвела: снеговые облака скрыли Кхумджунг и, по мере того как тучи сгущались, наше уютное суденышко стало тревожно вибрировать. У нас не оставалось другого выхода, как повернуть в Катманду.

На следующий день мы предприняли новую попытку. Стояла ясная погода, и наш вертолет смело лавировал среди величественных пиков в окрестностях Кхумджунга, словно стрекоза среди небоскребов Манхэттена.

Все жители Кхумджунга, рискуя быть обезглавленными вращающимися винтами вертолета, вышли нас встречать. Если вообще есть чудеса, то это было настоящее чудо: прямо с неба в Кхумджунг медленно спустился вертолет и из него торжественно вынесли магический скальп.

Местные жители встретили вертолет с благоговением. Люди приближались к нему со склоненными головами и высунутыми языками, с подношениями — церемониальными шарфами. Только бдительность пилота спасла вертолет: он не исчез под грудой камней, гальки — подношениями восхищенных жителей.

Налицо оказался и еще один результат «кругосветного путешествия» Кхуньо Чумби. В январе 1961 года королева Елизавета вместе с герцогом Эдинбургским нанесли государственный визит в Непал. Герцога пригласили в наш научный базовый лагерь в Мингбо, у подножия Амадаблама. Он должен был прилететь на вертолете, однако герцогу пришлось «крайне неохотно» отказаться от этого путешествия, так как в программу визита это мероприятие включено не было и времени на поездку в Мингбо у него не оказалось.

Королева выразила желание встретиться с Кхуньо Чумби и лично поблагодарить его за подарки, которые он передал ей в Лондоне; миссис Чумби также получила приглашение ее величества. Старик уже вернулся в Кхумджунг, когда ему об этом сообщили, и у него как раз было достаточно времени, чтобы успеть добраться пешком до Катманду к приезду королевы и герцога. Когда мы посылали Кхуньо просьбу поторопиться в Катманду, никто из нас не знал, что сорокапятилетняя жена Чумби на девятом месяце беременности.

Без колебаний чета отправилась почти за триста километров в Катманду вместе с несколькими экспедиционными шерпами. В четырех днях пути от Катманду во время привала жена Чумби на обочине дороги спокойно произвела на свет четвертого сына.

— Мне так хотелось вас увидеть, — сказала госпожа Чумби королеве, когда обе женщины встретились на приеме в британском посольстве в Катманду. — Поэтому я не стала дожидаться родов и отправилась в путь вместе с мужчинами. Произошло это всего лишь пять дней назад.

Ребенка называли Филиппом Тобчей Чумби, в честь герцога.

Пытаясь сдержать слово, данное нам в Лондоне, Чумби отправился на поиски более веского доказательства существования йети. Вскоре он принес «руку снежного человека».

Косматая рыжая конечность, которую пристально рассматривали королева и герцог, без сомнения, принадлежала голубому медведю.

## ГЛАВА VIII

### Шерпы

Чтобы понять причины, породившие легенду о «снежном человеке» в той форме, в какой она существует в Непале, необходимо кое-что знать о шерпах.

Шерпы — представители монголоидной расы. Утверждают, что они несколько веков назад пришли в Непал из Миньяка в Кхаме (Восточный Тибет): *шар* на языке шерпов значит «восток», *па* — «люди». Таким образом, *шерпы* — «люди с Востока».

Существует восемнадцать различных шерпских племен, у каждого из них свои традиции и обычаи, многие говорят на разных диалектах. Язык шерпов очень похож на тибетский и использует тибетский алфавит, так что шерпам и тибетцам понять друг друга легко. Мужчины и женщины носят такие же одежды, как и тибетцы.

Некогда жесткий племенной закон запрещал браки между представителями некоторых племен. Сейчас этот обычай уходит в прошлое. Брак между людьми одного племени все еще не разрешается. Это ограничение необходимо, так как имеют место случаи, когда у шерпов наблюдаются признаки вырождения из-за браков между родственниками.

Неверно называть шерпов аморальными, правильно было бы сказать, что у них отсутствуют сексуальные запреты. Никого не удивляют сожителство до брака или внебрачные дети, а супружеская неверность не считается здесь безнравственной или веским основанием для развода. Сохранилось и многомужество — во многом потому, что оно способствует сохранению собственности



в одних руках, к тому же обеспечивает наличие мужчин в доме — ведь они могут длительное время отсутствовать. У одного из наших шерпов-гонцов было две семьи. Одна — в его родной деревне, другая — в Катманду. Молодой мужчина не делал из этого никакого секрета. Его деревенская супруга даже приветствовала существование соперницы в Катманду, так как благодаря ей муж не прибегал к услугам проституток. И женятся и разводятся шерпы довольно легко.

Для этой цели родители должны выразить согласие на женитьбу, обменявшись кувшинами с чангом. После этого молодая пара считается помолвленной, и это важнее свадьбы. Она — лишь повод для пышной церемонии и праздника. При разводе виновная сторона выплачивает штраф. Если обе стороны считают, что хорошо провели время вместе, то расстаются друзьями. Судьба детей при разводе родителей решается так же легко и просто: девочки остаются с матерью, мальчики — с отцом, если только родители по своему усмотрению не решат этот вопрос как-нибудь по-другому.

Ранняя история шерпов не освещена в письменных памятниках и мало изучена, но традиция упоминает тибетского вождя из района Кхам. Многочисленные предсказания прорицателей побудили его вести свой народ на юг. Этот вождь не оставил после себя имени, только титул — *Тхакпа Тхо* — «Великий вождь» (*Тхо* — «тот, кто над всеми»).

Сначала якобы эта гигантская миграция приостановилась где-то в районе Тингри в Южном Тибете, в шестидесяти пяти километрах от нынешней тибетско-непальской границы, но позднее люди снова двинулись на юг, через перевал Нанг-Па, который находится над Намче-Базаром, и осели в плодородных долинах Северо-Восточного Непала. Это произошло около пятисот лет назад, хотя многие шерпы настаивают на цифре тысяча восемь лет.

Вероятно, кочевые племена шерпов были вытеснены из Кхама воинствующими народами, которые сейчас там живут, или, возможно, жителями Восточного Тибета (они попали на юг, подгоняемые вторжением монгольских орд). На своем пути в Непал шерпы не встречали сопротивления. Долины, в которых они обосновались, были тогда по большей части незаселенными.



Палатка тибетского беженца  
в Тхаме

Есть и более правдоподобная теория. Если предположить, что шерпы мигрировали первоначально из Кхамы (в современном Кхаме и по сей день сохраняются следы этих племен), то получается, что они попеременно жили в Южном Тибете и в Северном Непале. Шерпы Кхумбу и района Дудх-Коси, в том числе долины Ролвалинг, до сих пор остаются полукочевыми племенами, у них есть временные поселения (на высоте от 4570 до 4880 метров) и постоянные (ниже 4270 метров). Могло быть так, что шерпы проводили лето в Тибете, а зиму — в Непале, занимаясь торговлей, скотоводством и немного земледелием на расчищенных от лесов участках.

Затем появился картофель. Как только шерпы узнали о нем, они осели окончательно. Картофель — главная сельскохозяйственная культура шерпов в высокогорье и наряду с ячменной и пшеничной мукой составляет их основной продукт питания.

Сегодня шерпов можно встретить во многих районах, где они раньше не жили: в Кхумбу — комплексе долин, расположенных прямо к югу от Эвереста; в Солу — районе, расположенном чуть южнее Кхумбу; в долине

Дудх-Коси, к западу от Солу-Кхумбу; в Кулунге под Макалу, восточнее Солу-Кхумбу, и в Лангтанге и Хелму, на севере от Катманду. Однако сердцем страны шерпов является Кхумбу, и перевал Нанг-Па остается главным местом перехода через горы в пути на старую родину. В Кхумбу набирают обычно почти всех экспедиционных носильщиков. В нашей экспедиции были два шерпа из Солу, которые страдали от высоты так же, как и я. Один шерп из Кхумбу, как выяснили наши ученые, обладал такой же работоспособностью на высоте 5790 метров, как обычный человек на уровне моря.

Хотя шерпы главным образом земледельцы и скотоводы, их относительно высокий уровень жизни — результат давних прочных торговых отношений между Непалом и Тибетом. Им самим почти нечем торговать: зерно, бумага местного изготовления, скот, масло. Однако, выступая в качестве посредников, они привозили керосин, ткани, красители и промышленные товары из Катманду и меняли их на тибетскую соль и шерсть. Поскольку в Непале нет своих залежей соли, торговля тибетской солью считалась весьма выгодным делом.

После восстания 1958 года в Лхасе, когда далай-лама бежал из Тибета, граница между Непалом и Тибетом была китайцами закрыта, и выгодная торговля между двумя странами, которая шла через Солу-Кхумбу, резко сократилась. Рано еще предсказывать, как это повлияет на экономику шерпов. Растущее число иностранных экспедиций в непальские Гималаи частично это компенсирует, но прекращение такой торговли почти наверняка приведет к большим социальным и политическим изменениям, которые могут заставить шерпов самых северных районов искать новые места для проживания и работы еще ниже, на юге, или вновь обратить свои интересы на север.

Деревни шерпов редко бывают плотно заселенными. Дома стоят на полях владельцев. Здесь нет ни магазинов, ни общественных зданий, кроме монастырей и часовен, которые служат общественными центрами. Самой первой шерпской деревней, в которой ведется строительство, является Намче-Базар, часто ее называют столицей шерпов. Там дома стоят ярусами. Кхумджунг, где живет большинство наших шерпов, — более крупная, с хаотически построенными домами деревня;

в Кхумджунге и его деревне-спутнике Кхунде около двухсот домов.

Типичный шерпский дом — основательное сооружение: два этажа, белые, грубо оштукатуренные стены, остроконечные крыши, крытые дранкой или черепицей, земляной или деревянный пол. Дома часто имеют общую стену — в таких «смежных» двух-трех секциях живут семьи родственников. На первом этаже, без окон, похожем на пещеру, держат скот. Здесь же находятся сельскохозяйственный инвентарь, дрова и корм для скота. Пробраться через первый этаж (а это неизбежно, так как иначе наверх не пройти) почти невозможно.

Сопят и шевелятся в темноте животные; можно споткнуться о спящего яка или наткнуться на острые рога барана. Пол под ногами мягкий и зыбкий из-за лежащих на нем листьев и корма, лестница крутая, отполированная временем, и ее не видно. Каждый раз молишь бога, чтобы с цепи не спустили сторожевого тибетского мастифа. Лучше всего, конечно, убедиться, что его нет, а не подставлять ноги, ягодицы и горло яростным укусам этих собак.

Верхний этаж дома отведен под жилые помещения; чаще всего комната одна, но иногда две или даже три, не считая чуланчика, который в случае необходимости служит уборной. На деревенских уборщиках возложена обязанность поддерживать на улицах относительную чистоту, так как туалет здесь под открытым небом. Из-за близкого соседства Кхумбила, одного из самых важных богов гор Солу-Кхумбу, доступ в деревни Кхумбу уборщикам запрещен. Как удается поддерживать чистоту, не представляю. Шерпы никогда не разводили свиней, так как считали этих животных нечистыми. Они стараются даже не прикасаться к свиньям, но «за первой же горой» (за пределами родной долины) свинину едят с удовольствием.

Центр семейной жизни шерпов — открытый очаг — *txap* (*thap*). Он расположен в углу большой жилой комнаты, возле лестницы. Рядом постель хозяина; тут же женщины готовят и нянчат детей, а мужчины судачат и пьют. Возле тхапа собирается вся семья, тут едят. У главного окна (все окна расположены по фасаду) — стол и низкие сиденья. У очага принимают гостей.

Мебель простая, но внушительная; резные полки

вдоль трех глухих стен заставлены медной и латунной утварью. В огромных деревянных сундуках хранится одежда и семейные ценности; угол комнаты устроен как алтарь, там стоят изображения божеств на фоне разукрашенных свитков; постоянно горят лампы. Среди «украшений» дома стоит упомянуть копченые туши яков и овец, которые свисают с крыши.

Религиозные убеждения шерпов не позволяют им убивать животных, поэтому раз в год приглашают мясников из Тибета, чтобы забить несколько яков и овец. Говорят, что шерпы предпочитают сушеное мясо с душиком свежему. Многие наши шерпы не будут есть мясо только что убитого животного. Они всегда настаивают на том, чтобы подождать день, пока душа животного обретет мир. Будучи буддистами, шерпы верят в перевоплощение душ, и лишить душу животного возможности перевоплотиться — грех, достойный сожаления.

Отличительная особенность шерпского дома — *кар* (*kar*) — столб из цельного дерева в центре строения. Кар сравнивают с мужем, кормильцем семьи, поддерживающим весь дом. Кар почитают, делают ему подношения — пищу, церемониальные шарфы, символы плодородия и священные тексты, отпечатанные методом ксилографии на местной бумаге. Длинная горизонтальная балка, лежащая на каре, называется *карджу* (*karju*) и считается женщиной.

У шерпского дома одна входная дверь, и она редко закрывается. Весь день люди входят и выходят, и каждый приход — маленький праздник. Подают чанг или чай, и неважно, чем в данный момент занято семейство, все дела бросают или временно откладывают до тех пор, пока гостя примут и удобно устроят. И начинаются пересуды или рассказываются сказки и анекдоты. Не смущаясь, женщины кормят младенцев грудью либо дают им предварительно пережеванную пищу. Довольно часто шерпские женщины кормят детей грудью лет до трех-четырех.

Поскольку в домах отсутствуют дымоходы, они почти постоянно наполнены дымом, и вокруг все, кроме блестящей медной утвари, черного цвета. Сталактиты копти свисают с потолка, заслон над очагом кажется сделанным из черного меха. В результате шерпы часто страдают конъюнктивитами и кашлем. При этом они

считают, что дым обладает целебными свойствами и прогоняет все болезни.

Престиж измеряется числом принадлежащих шерпу домов и яков. У Кхуньо Чумби, например, восемнадцать домов — многие из них временные летние хижины, но тем не менее это собственность — и шестьдесят два яка — *пака*, *дзухмо*, *дзонки* и *кирко*. Все эти странные названия относятся к яку-быку.

Помню, мне однажды сказали:

— Пожалуйста, не говорите «сыр из ячьего молока», ведь яки — это быки.

Ячиху называют «накой». *Дзухмо* — это гибрид яка с непальскими коровами, *дзонки* — бесплодные быки от такого же скрещивания, они прекрасные вьючные животные. *Кирко* — это скрещенный цолунг с накой, *цолунг* — одна из пород быков, которые живут в менее высокогорных районах. Оказывается, у каждой породы, получающейся в результате дальнейшего скрещивания, есть свое название, например *дзимо* и *дзимси дзум*, косматые *тулмо* и *памо*.

Шерпы проводят много времени, присматривая за яками, наками и всем остальным скотом, так как он дорого стоит, а масло пользуется огромным спросом — его жгут в жертвенных лампадах в монастырях и простых домах. Масло, часто прогорклое, является важной составной частью популярного тибетского чая. Растущая отрасль — производство сыра на экспорт, начатое благодаря технической помощи Швейцарии и внушительным фондам, предоставленным правительством Новой Зеландии.

Кроме изготовления фигурок божеств, резьбы по камню, стенной росписи и живописи на свитках, чем занимаются немногие ламы и отдельные лица, ремесла у шерпов почти не развиты. Их умение ткать не сравнить с искусством соседей из Тибета, Индии и Бутана; архитектуру шерпов, оставляющую впечатление основательности, нельзя назвать настоящим искусством. Красивые серебряные чаши для питья, ювелирные украшения из серебра и камня, яркий войлок и парча, которые можно встретить на земле шерпов, почти полностью импортируются из Тибета, Индии и даже из Китая.

В Кхумджунге живет семья художника, они пишут в национальном тибетском стиле, у них прекрасный

дом — свидетельство того, сколь большим спросом пользуются их работы. Я встретил в Джунгбеси, большой монастырской деревне в Солу, художника-любителя, хромого ламу, которому приходилось преодолевать большие расстояния, чтобы делать настенные росписи в монастырях по всему Солу-Кхумбу.

Один из моих гонцов-шерпов был прекрасным художником. С небольшой подсказкой он нарисовал рождественскую открытку, на которой изобразил рождество Христа на тибетский манер. Он заполнял все блокноты, какие попадались ему под руку, очаровательными зарисовками селений, легендарных зверей, удивительных цветов и людей. Всему этому он обучился в монастыре.

Резьба по камню здесь все еще процветает. Вдоль дорог и вблизи деревень шерпы украшают скалы резьбой. Они изготавливают каменные плитки с религиозными текстами и фигурки, которые предлагают в придорожных храмах. Однако в основном искусство тонкой резьбы по камню вымерло. Когда я пытался заказать что-нибудь, мне неизменно отвечали: мастер умер, и его искусство вместе с ним. Однако есть много мастеров, которые еще могут вырезать на камне тибетскую молитву «Ом Мане Падме Хум» самыми разными и очень красивыми стилями.

Во всем Солу-Кхумбу не более дюжины полицейских, и здесь они — явление сравнительно недавнее. Закон и порядок поддерживают деревенские старейшины, избираемые жителями каждой деревни. В случае необходимости созывается деревенская сходка, как это произошло в Кхумджунге, когда нужно было решить, давать ли нам на время «скальп йети», а позднее — как лучше использовать деньги, которые мы подарили монастырю. Мы с интересом узнали, что пятьдесят процентов денег пошло в рост под большие проценты и в течение первого месяца монастырь получил более двухсот рупий (15 фунтов стерлингов) дохода. Первоначальная прибыль была истрачена на масло для монастырских лампад, которые зажигали, очевидно, в нашу честь, но нам удалось убедить старейшин, что в дальнейшем прибыль можно использовать на дела более полезные.

Денежные займы — большой бизнес у шерпов, так как под рукой не всегда есть наличные деньги. Проценты очень высоки, даже двадцать пять не считаются

высокими. Это во многом объясняет популярность альпинистских экспедиций, которые платят наличными, причем значительно больше, чем шерп может заработать в любом другом месте. В нашей экспедиции, например, было очень мало шерпов, которые ежемесячно брали бы все причитающиеся им деньги. Они копили их и в конечном счете покинули экспедицию со значительными сбережениями. Эти деньги они наверняка вложили в займы, скот, землю, торговлю и ювелирные изделия — именно в таком порядке.

Все шерпы без исключения — буддисты секты карьяпа<sup>24</sup>.

Религиозные отправления и обряды так же естественны для шерпов, как выращивание картофеля и разведение яков, и центрами культуры и образования служат монастыри; самый крупный из них — Тьянгбоче, духовный центр страны шерпов и резиденция первого шерпского ламы-перевоплощенца. Тьянгбоче Гомпа, как правильно называется этот монастырь, построен всего сорок лет назад старым отшельником из Кхумджунга Гулуламой на средства, предоставленные всеми деревнями Кхумбу. Рабочая сила была бесплатной.

Дава Тенцинг, начальник наших шерпов, вспоминает, как они носили камни для монастыря и помогали его строить:

— Люди шли отовсюду: мужчины и женщины, некоторые брали с собой детей. Мы так хотели построить гомпу, что работа продолжалась в любую погоду, часто ночью, и за шесть месяцев все было готово, даже настенная роспись.

Это тем более замечательно, что монастырь Тьянгбоче построен на отроге горы, за много миль от ближайших деревень. Добровольной рабочей силой, людям, чьиими руками он был построен, приходилось преодолевать большие расстояния и самим себя содержать. Через десять лет после того, как монастырь был так самоотверженно построен, его разрушило землетрясение. Старый лама — основатель погиб (он в это время молился в главной часовне), и тело его кремировали на руинах монастыря в присутствии сотен скорбящих. В тот же

---

<sup>24</sup> Карьяпа, сакьяпа, ньигмапа, гелукпа — наиболее влиятельные секты ламаизма





Э. Хиллари с будущим ламой

день были начаты работы по восстановлению монастыря, и новое, гораздо большее сооружение стоит теперь памятником щедрости и неумирающей вере шерпов Солу-Кхумбу.

Теперешнего молодого настоятеля Тьянгбоче «нашли» в Намче-Базаре двадцать четыре года назад. Когда он был еще ребенком, то говорил о прежнем доме и друзьях в гомпе Тьянгбоче. Его привезли в монастырь, и он «узнавал» места и вещи, которых никогда прежде не видел. Ламы монастыря были глубоко потрясены поведением ребенка; он мог быть перевоплощением духа старого настоятеля. С согласия родителей мальчика подвергли всем испытаниям, которые нужно пройти, чтобы стать важным ламой-первоплощенцем: его тело осмотрели — оно должно было быть без изъянов и пятен. Затем его попросили выбрать из нескольких предметов те, которые принадлежали его «прежнему телу». Он с успехом это проделал, и его с большими церемониями ввели в монастырь. В возрасте пятнадцати лет его послали в Ронгбук, тибетский монастырь на северной сто-

роне Эвереста, чтобы продолжить обучение, а в 1956 году он вернулся и занял свое место главы монастыря.

Молодой настоятель пользуется большим уважением всех шерпов Солу-Кхумбу. Нам он показался довольно неглупым человеком, который глубоко интересуется событиями в мире и стремится больше узнать о других религиях.

Гораздо старше монастырь в Пангбохе, ему около трехсот лет; это последнее постоянное поселение шерпов на пути к району Эвереста. Построен монастырь Сейвой Дорджи, ламой, который добыл «скальп йети», хранящийся в монастыре уже четырнадцать поколений. Четырнадцатый перевоплощенец ламы, двухлетний мальчик, был привезен в Тьянгбохе из Тибета в 1960 году. Его еще должны «ввести» в монастырь Пангбохе.

Буддизм шерпов имеет глубокие связи с религией бон — формой анимизма, в которой существовали колдовство, ведовство и кровавые ритуальные жертвоприношения, а каждая пещера, лес, долина и вершина горы были населены страшными демонами и богами. Когда в шерпские долины пришел буддизм (я отказываюсь от исторических фактов в пользу местных верований), он явился с летающими святыми (и даже едзящими на тиграх) и проявлялся иногда самым чудесным образом. Будда разделил небо с целым сонмом богов и богинь, многие из которых заимствованы из Индии, а некоторые — просто повышенные в ранге местные духи и демоны религии бон. Религия бон и буддизм стали практически неразличимыми; ламы «взяли на вооружение» методы колдунов, а последние позаимствовали у лам парадные украшения. Мифам и сказкам придали авторитет религии; их одобрили и записали в священные тексты.

На тропе длиной километра в три между Тьянгбохе и деревней Пангбохе есть полдюжины мест, связанных с религиозными преданиями: камень, на котором сидел великий тантристский святой, гуру Римпоче — там остался отпечаток; скала, на которой играла его собака (обычно показывают ее следы); место, где он спал и, замерзнув, укрылся скалой как покрывалом — она и теперь там, скрученная, смятая и тонкая, словно одеяло; пещера, где он пребывал в медитации столь долго, что на поверхности скалы осталось его изображение.

В Ролвалинге находятся окаменевшая шапка святого и стол, за которым иногда совершают трапезу боги. С перевалом, где тропа петляет между валунами, связана история о том, как святой пришел сюда в волшебной шапке. Она была такая большая, что застряла между скалами. Святой рассердился и улетел назад по пути, которым он пришел пешком, и долина по ту сторону перевала до сих пор считается лишенной благословения бога.

Монастырские настенные росписи замечательно иллюстрируют тот яркий и многокрасочный мир фантазии, в котором рождаются шерпы. Чтобы стать ламой, шерпу необходимо научиться распознавать демонов и благосклонных богов. Обычно шерп искренне верит в них. Они для него реальные существа. Есть очень распространенный сюжет настенной росписи. Там изображены тибетские животные. Такие фрески имеются почти в каждом монастыре. Среди этих животных легко узнать яков, барсов, медведей, волков и верблюдов. Среди них — фантастические создания, полулюди-полуптицы, драконы, крылатые львы и «снежный человек». Я слышал рассказы о снежных львах и драконах, которых шерпы описывали с той же искренностью, что и «снежного человека».

Однажды несколько шерпов, с которыми я путешествовал, показали мне гнездо орла. Они сказали, что редко, очень редко из его яйца может вылупиться маленькое, похожее на собачку существо. Владеть им — значит управлять своей собственной судьбой. Такую же историю рассказывали и про малую панду. Вылупившись из яйца орлов, она быстро съедает своих родителей и, набравшись орлиной силы, уходит в лес.

Мне поведали о душах женщин, которые бродят по ночам, о ведьмах и о том, что духи вселяются и в мужчин и говорят голосами давно умерших людей или божеств. На горе возле нашего зимнего базового лагеря жило божество, у которого был табун лошадей-призраков. Время от времени в Пангбоче можно было услышать стук их копыт, и на твердых скалах, а иногда на снегу отчетливо виднелись их следы.

Все это — легенды, но существуют и необычные тантристские и ламаистские обряды, известные шерпам, по сравнению с которыми даже мифы кажутся бесцветны-

ми. Все — и шерпы и тибетцы — знают о могучих духах. Их можно вызвать из тибетских монастырей, чтобы они охраняли людей и дома. Духи живут в гротескных масках и настолько заряжены сверхъестественной энергией, что их надо приковывать цепями. Иногда дух оказывается сильнее «хозяина», и оставлять его в доме опасно. Таких духов нельзя уничтожать, а следует вернуть в монастырь и приковать. Ламы лишают их силы с помощью магических заклинаний.

Существуют также *лунг-па* — ламы, которые посредством медитации достигают такой степени чистоты, что становятся невесомыми и могут путешествовать быстро, как ветер. Шерпы уверены, что они наделены способностью облететь район главных тибетских монастырей — а это путь в шесть тысяч пятьсот километров — за восемь дней. Они верят в левитацию. Перевоплощение — основа шерпской философии, причем оно касается не только смертных, но и всех предметов, одушевленных и неодушевленных.

Взгляните на «снежного человека» на фоне этих сверхъестественных верований, и тогда само существование его станет вполне объяснимым: привидение, которым можно пугать детей, полузверь-получеловек, чудовище с монастырских фресок, которое появляется там, где сплавлены страх и незнакомые явления. Если панда может вылупиться из яйца орла, почему йети не может появиться из зуба медведя?

## ГЛАВА IX

### Рассказы о йети

Благодаря серьезному научному вниманию, которое ученые обратили на гималайского «снежного человека», это существо вышло из области чистой фантазии и получило статус волнующей вероятности — неизвестного редкого антропоида (*Gigantopithecus*), который все еще на свободе, панды или орангутана, как латимерия<sup>25</sup>

---

<sup>25</sup> Латимерия — редко встречающаяся рыба, впервые пойманная в 1938 году в Индийском океане и относящаяся к группе кистеперых, которые считались вымершими в меловом периоде. По аналогии авторы называют «снежного человека» «латимерией вечных снегов».

вечных снегов, борющаяся против вымирания в отдаленных районах Гималаев.

Ученые проявили к нему интерес, так как легенду о «снежном человеке» подтверждали свидетельства: обезьяноподобное существо, которое видели не только жители Гималаев, но и путешественники с Запада; огромные следы на снегу; странный свистящий крик, который трудно даже определить. Что бы ни думали о легенде, как бы ее ни объясняли, в высоких Гималаях определенно есть что-то такое, что вызывает к жизни образ лохматого рыжего чудовища с остроконечной или квадратной головой, обычно передвигающегося на двух ногах, свирепого или очень робкого и оставляющего за собой следы — помет, убитых, недоеденную пищу и загадочные отпечатки лап.

Я много путешествовал в Гималаях и не в одном районе и стране сталкивался со свидетельствами о йети из первых рук: в Бутане, Сиккиме, Непале.

— Вы не сможете увидеть *мигхиуса* (*Mighyus*), — сказал его высочество сэр Таши Намгьял, махараджа Сиккима, когда я однажды обсуждал с ним проблему йети. — Они абсолютно невидимы.

И все-таки махараджа, который психически здоров и к тому же художник, очевидно, видел «снежного человека». Он нарисовал йети, получеловека-полуобезьяну, который идет над гималайскими снежными пиками, унося с собой женщину.

По преданию, Сикким некогда терпел бедствия от йети, и существует множество рассказов о том, как местные жители дурачили йети, принуждали их к самосожжению, заставляли есть отравленную пищу и натравливали друг на друга.

Однажды во дворце, когда разговор зашел о «снежном человеке», наследный принц Палден Тхондуп Намгьял, умный и утонченный человек, потряс меня:

— Хотите поговорить с человеком, который лично столкнулся с йети? Вот он, спрашивайте.

В это время личный слуга принца, горец с гранатовым лицом обносил нас напитками. Похоже, он не был склонен к иллюзиям. На него и на его товарища всего года два назад километрах в двадцати от столицы напал йети. В высоких, продуваемых ветром пиках и гранитных хребтах, составляющих границу Сиккима с Тибе-

том, молодые люди убили оленя. По древней сиккимской традиции они должны были тотчас же принести в жертву духу-покровителю охоты (мигхиус, или йети) копыта и внутренности животного; но они хотели поохотиться еще до наступления ночи, поэтому отложили этот обряд до темноты.

Только они вышли на охоту, как «над ними загремели камни, послышался шум шагов, и воздух вдруг наполнился смрадом. Без сомнения, это были йети».

Затем началось нападение. С удивительной точностью в них полетели камни и куски дерева; в это время невидимые создания подняли такой свист и крик, что казалось, будто их сотни. Люди бежали, оставив убитого оленя, не останавливаясь, до Гангтока.

У моего собеседника не было и тени сомнения, что он повстречался с йети. Он так объяснял события:

— Должно быть, мы рассердили йети, не сделав вовремя жертвоприношения.

Вот что делает рассказы о йети такими убедительными — небрежная и прозаичная манера повествования.

### Дзу-тех, мих-тех и рыжие медведи

Тут необходимо кратко суммировать наши знания о «снежном человеке». Как известно, шерпы различают три вида этих созданий: *дзу-тех* — большое лохматое коричневое животное, которое питается мясом (встречается на высотах около 4560 метров); дикое, обезьяноподобное *мих-тех* (оно ест людей), окрас его рыжий или черный, конусообразная голова и вывернутые назад ступни (встречается на высотах около 4870 метров); *тхелма* — небольшое рыжее животное, живущее в густых лесах ниже линии снега.

Тхелма — почти наверняка обезьяна, скорее всего гиббон; если это так, тогда непонятно, почему считают, что гиббоны выше долины реки Брахмапутры не встречаются, хотя их много в джунглях Ассама и Северной Бирмы. Я не имею в виду гималайского лангура. Этот зверь слишком хорошо знаком шерпам, ведь у них прекрасное зрение, и они не могут ошибиться, если увидят лангура даже на большом расстоянии. Тхелма соответствует *пьяр-тхему* в Сиккиме, Бутане и Юго-Восточном

Тибете; это — «маленький человек», который кричит в джунглях и оставляет на земле аккуратные связки из прутьев и листы. *Пьяр* — значит «висеть». «Висящий или лазающий по деревьям медведь» — это, видимо, маленький медведь-губач (*Melursus ursinus*). Я сам видел, как он бежал по горизонтальной ветке, словно обезьяна, на задних лапах и балансировал передними. Этот маленький медведь быстро исчезает из гималайских лесов.

Мих-тех — настоящий «снежный человек», разумный антропид Гималаев. Но существует ли он на самом деле? До тех пор пока нам не удалось доказать, что скальпы из Кхумджунга и Пангбоче — подделка, они оставались завораживающим доказательством существования мих-тех.

Подтверждением этому служили и следы на снегу, принадлежащие, как теперь известно, столь мелким животным, как лисы, и еще, по нашему мнению, снежным барсам, якам, воронам и медведям. Исключая возможность, что йети тоже оставляют эти знаменитые следы, посмотрим, какие медведи бродят на высоте 5500—5600 метров, где, как говорят шерпы, они не водятся.

Мы предполагали, что это голубой гималайский медведь, хотя на его месте мог оказаться и чаще встречающийся рыжий гималайский (*Ursus Arctos Isabellinus*). Легенды, свидетельствующие о существовании мих-тех, следует отнести к области фантазии; они полностью несостоятельны.

Однако откуда у людей такая убежденность в существовании обезьяноподобного чудовища? Ведь они ничего не знают о крупных обезьянах. Почему шерпы, когда им показывают фотографии «кандидатов» на роль «снежного человека», неизменно указывают на снимки именно горилл, шимпанзе или орангутанов, утверждая, что перед ними — мих-тех?

Ответ частично следует искать в индуистском влиянии на буддийскую религию махаяны, инстинктивном признании обезьян родственными примитивным людям, и, более прозаическое объяснение, — в особенностях наиболее очевидного «претендента» на звание йети — голубого медведя.

Индийцы, хотя и живут далеко от Гималаев и от легенды о «снежном человеке», верят, что Гималаи — оби-

тель бессмертных; наиболее известный из них — Вибхишана, брат Раваны (почитаемого демона из индуистского эпоса «Рамаяна»). Вибхишана получил бессмертие от Брахмы. Считается, что он удалился в Гималаи вместе с такими героями «Рамаяны» и «Махабхараты», как Асватама и Хануман, обожествленный в индуизме царь обезьян, союзник Рамы в его борьбе с демоном Раваной. Вместе с Хануманом, считают некоторые, ушли стаи обезьян, которые помогли спасти Ситу, жену Рамы, с острова Цейлон, куда ее унес Равана.

Согласно индуистским пуранам, Вибхишана родился в век *Трета*, когда люди были гораздо крупнее, чем теперь (ростом в двадцать одну ладонь, а одна ладонь — это сорок пять сантиметров). Ступни у них соответственно были больше, чем у теперешних людей. Индийцы верят, что следы именно этих бессмертных можно видеть на больших высотах в Гималаях. Сами бессмертные невидимы для всех, кроме глубоко религиозных людей и тех, которые достигают высокой степени совершенства путем медитации на больших высотах.

Важно, что индуизм, повлиявший на махаянистское направление буддизма, существует наряду с анимистскими духами, а корни этой веры давно забыты.

## Теперь представим дремо

Все собранные нами свидетельства о дзу-тех указывают, что это тибетский голубой медведь.

Мое сообщение, опубликованное в «Калькутта Стейтсмен» в августе 1958 года, когда я вернулся из поездки по малоисследованному Бутану со шкурой голубого медведя, содержит следующие подробности:

«Представьте себе дремо (*Ursus Lagomyarius of Trjevalski*) — медведя пищухоеда. Когда он стоит на задних лапах, то его рост составляет от восьмидесяти до двухсот пятнадцати сантиметров, возможно, и больше. Шкура у него коричнево-золотистого цвета с голубоватым отливом; шерсть по качеству напоминает нейлон; по плечам — полоса цвета слоновой кости. Шерсть длиной тринадцать сантиметров, шкура толщиной больше сантиметра, а над лопатками — большой загривок из темной шерсти.



Добавьте имеющиеся научные данные к многочисленным выводам, сделанным по одной шкуре *Ursus Arclos Pruinosis Blyth*. Район его обитания — отдаленные горы Кхама, Амдо, Северо-Восточного Китая, где встречается большая панда. Х. Илвес, который обнаружил шкуру (теперь она находится в Британском музее), утверждает, что нашел ее „далеко от тех районов, которые доступны европейцам“. *Ursus Arclos Pruinosis Blyth* никто не видел живым, кроме тибетцев, которые отваживаются охотиться на него с кремневым ружьем и мечом. Ничего достоверно не известно об его образе жизни. На Западе и в Индии его знают по пяти или шести шкурам, черепам, костям, найденным в Тибете и теперь хранящимся в Британском музее либо в частных коллекциях в Великобритании.

Имя ему дал в 1853 году Эдвард Блит, первый куратор Азиатского общества, из-за голубоватого оттенка меха, чтобы отличить от его близкого родственника, часто встречающегося гималайского рыжего медведя. Хотя Блит и открыл его, в Азиатском обществе образца никогда не было. Насколько известно, и в Индии их тоже нет.

Немногие существующие шкуры (их зарегистрировано шесть) были собраны англичанами, которые путешествовали по Тибету, Лхасе, Амдо, Цайдаму и Западному Кансо. Самая недавняя находка относится к 1928 году и принадлежит Чарлзу Беллу. Однако оставим голубого медведя. И снова обратимся к дремо. В Тибете одни считают его реальностью, другие — вымыслом. Тибетцы ценят мех дремо за красоту и тепло, которое он дает. Я встречал двух тибетских служащих, которые помнили (подчеркиваю — *помнили*), что у них дома есть одна или две шкуры. Из их рассказов я понял, что шкуры приобретены давно и считаются крайне редкими, а теперь встречаются все реже и реже. Это дает возможность предположить, что особи вымирают.

Жена тибетского чиновника, с которой я недавно говорил, сказала, что она действительно видела живого дремо. Он принадлежит панчен-ламе<sup>26</sup> и привлекает

---

<sup>26</sup> Панчен-лама — титул одного из высших духовных лиц в Тибете, являющегося вместе с далай-ламой главой ламаистской церкви.

большое внимание к его частному зоопарку в Шигацзе. Дремо передвигается на задних лапах, морда у него похожа одновременно на медвежью и на обезьянью, а ростом он „с высокого человека“».

В 1954 году корреспондент «Калькутта Стейтсмен» в Калимпонге сообщила, что в зоопарке панчен-ламы в Шигацзе живет йети. Она рассказывала, что сразу после публикации статьи ее стали осаждать корреспонденты иностранных газет и научных обществ с расспросами. Они обещали ей деньги за редкие фотографии. Письма на имя редактора содержали те же просьбы. Когда вокруг всего этого еще кипело возбуждение, Шигацзе был сметен разрушительным потоком. Погиб также и зоопарк панчен-ламы. Так называемый йети исчез.

Об этом рассказала жена тибетского чиновника, которая ничего не знала о публикации 1954 года в «Калькутта Стейтсмен» и о той реакции, которую она вызвала.

— Я думаю, бедное создание утонуло, — сказала она.

Несколько дней назад в Калькутте мистер Питер Берн, из экспедиции за йети Слика-Джонсона в Непал, заявил, что позднее скелет животного тщательно искали в оставленном потоком русле. Однако ничего найти не удалось.

Здесь факты начинают переплетаться с вымыслом. Слово «дремо» может обозначать что угодно.

Сарат Чандра Дас, выдающийся индийский тибетолог, в «Тибетско-английском словаре» (1902) дал следующее определение дремо (или, как он называл его, *дредмо*): «заблудший, ушедший от религиозной жизни; рыжий медведь; вид медведей, встречающихся на горных плато районов Амдо и Куку-Нор. Питается пищухами и сурками».

В другой словарной статье о дредмо он писал так: «хотя и рожденный человеком, он вырос в нечестивого дикаря; дикий человек, дикарь».

Тибетцы дают более полное описание дремо. Они наделяют его человеческими качествами и сверхъестественными силами. По словам нескольких тибетцев и бутанцев, с которыми я говорил, дремо лакомится бамбуком и ягодами, птенцами, детенышами животных, ест бесхвостых горных крыс, лягушек и овец. Видели, как он нес под мышками овец и передвигался на двух ногах.

Как брат йети, самец дремо проявляет любовь к женщинам, унося их, чтобы любить, в дикие леса, несмотря на ревность «леди» дремо. Если верить народным песням, несчастные пленницы проводят свои дни, сочиняя стихи, при помощи которых они хотят обмануть дремо:

Мой хозяин дремо,  
Сегодня полнолуние,  
И я  
Буду просить твоего разрешения,  
Чтобы я  
Могла вернуться домой  
К моему отцу  
И моей матери  
И моим близким у очага  
И остаться там до следующего  
полнолуния,  
И, если ты сомневаешься,  
Что я  
Снова приду,  
Послушай, я  
Поклянусь  
Отцом  
И матерью  
И близкими у очага.  
Когда эта толстая луна похудеет.  
А худая снова станет полной  
И будет лежать как драгоценный камень  
вновь на плече горы,  
Я вернусь к тебе,  
Каким бы грустным ни было расставание.

В другой песне женщина выражает свой страх перед самками дремо: она знает, что те ревнуют. Женщина умоляет своего похитителя защитить ее или вернуть домой, пока не уляжется их гнев, если она ему нужна.

Может ли женщина полюбить своего «необычного» супруга? Существует песня девушки, в которой она, узнав, что родственники поймали ее любовника в капкан, умоляет, чтобы брат не убивал дремо, когда тот натягивает лук:

Он любит меня так же нежно, как ты.  
Он такой же благородный, как ты.  
Если ты должен для своей стрелы  
Найти сердце,  
Пусть мое станет мишенью  
Или убей нас обоих.

Дремо, очевидно, столь агрессивен, что, согласно легенде, его все же убивают. По мнению одних, в теле этого животного обитает человеческая душа, других (за-

явление панчен-ламы, что у него есть йети, служит тому показательным примером) — он дикий человек из скалистых мест, одна из интерпретаций йех-тех, но в основном о нем говорят как об обезьяне-медведе. Некоторые даже свидетельствуют, что лицо, кисти и ступни у него человеческие.

Совсем недавно в Бутане, в далекой северной провинции Бумтанг («место духов»), я обнаружил в монастыре шкуру дремо. Она лежала на кресле ламы. Хотя на улице лил дождь, а в разрисованной часовне было темно и мрачно, мех красиво блестел. Я спросил проводника, что это может быть. Тот довольно безразлично ответил, что, по его мнению, это шкура михгунса (йети, или «снежного человека»). Я попросил разрешения сфотографировать ее. У меня даже руки вспотели от волнения. Экспозометр не сработал.

Видимо, лама догадался, что я очень интересуюсь этой шкурой. Он спросил проводника, не хочу ли я ее купить. Очевидно, он сам купил шкуру несколько дней назад у беженца из Тибета. Лама объяснил, что шкура принадлежит дремо (дредмо Сарата Чандры Даса?). По его словам, это животное с человеческим лицом и ступнями. Он не старался выдать мне дремо за «снежного человека». Лама не знал о том, как популярен йети в мире, поэтому цена, которую он назвал, не была высокой.

Я показал шкуру тибетцам и бутанцам. Все они утверждали, что она принадлежит дремо (в Бутане — *тремо*), хотя вряд ли кто из них когда-либо видел дремо. Махараджа Бутана — прекрасный охотник. Он хорошо знаком с фауной своей страны, но и он никогда не встречал это животное. Однако, по мнению махараджи, несколько особей обитают в малоизученных северо-восточных горах Бутана.

Жена чиновника в Калимпонге, которая видела предполагаемого йети в зоопарке панчен-ламы, тут же узнала мех, который я ей показал. Мистер Дэвид Макдональд из Калимпонга (в течение многих лет он работал британским торговым агентом в Тибете; он большой знаток страны) заявил, что мех принадлежал дремо. Он много знал об этом животном, но никогда его не видел.

Тут возникает какое-то недоразумение. Дело в том, что доктор Р. Бивас, изучавший шкуру в Калькутте (он

ездил в Непал за йети с экспедицией, организованной «Дейли Мейл» в 1953 году), ничуть не сомневался, что она принадлежала голубому медведю. Однако Сарат Чандра Дас описывал дремо как медведя со шкурой золотистого оттенка.

Взгляните на зоологические названия. Голубой медведь — *Ursus Arctos Isabellinus Blyth*; дремо — *Ursus Lagomyarius of Trjevalski*. Шкура, которая находилась в моем распоряжении, вне всякого сомнения, принадлежала дремо. Могло ли быть такое, что голубой медведь и рыжий — одно и то же животное, которое по-разному называли Блит и Тржевальский? Оба описания обоснованны. мех, который я привез из Бутана, золотистый, потому что каждый волосок на кончике был желтым и блестел, по плечам шкуры проходила бледно-желтая полоса. Но под золотистым — явно голубой оттенок. При одном освещении мех казался светлым, при другом — бурым, а то и серовато-бурым. Его можно описывать по-разному.

Важно установить, не йети ли дремо. Это очень редкое животное. Отсюда и повод для легенд о нем. Вы можете услышать, что он «ростом с высокого человека», часто — прямоходящий, лохматый, золотистый или серовато-бурый, морда у него как у обычного медведя, агрессивен; ест почти то же, что и йети, является высокогорным животным и обладает удивительной привычкой похищать женщин.

До сих пор дремо никогда не видели в Гималаях, но махараджа Бутана думает, что несколько особей живут в отдаленных горах и лесах его страны. Мы уже говорили, что ни в одном зоопарке мира дремо не встретишь, кроме зоопарка панчен-ламы. Животное не изучено. Если это осторожное животное, которое прячется в самых недосыгаемых местах Гималаев, близко к вымиранию, возможно, здесь и следует искать истоки возникновения легенд о йети.

### Голубой гималайский медведь

Величайшие авторитеты мира признали, что шкуры, которые нам удалось найти в Непале, принадлежали гималайскому голубому медведю, но ни одно животное

не убито в Непале, хотя по крайней мере одна шкура была с самого юга Тибета. Однако мы знаем, что голубого медведя все-таки убили в Северном Непале — это йети из Мустанга; он был пойман в грубую каменную ловушку в 1957 году.

Определенные характеристики голубого медведя, общие, на мой взгляд, с легендой о «снежном человеке» и описанием йети, таковы. У голубого медведя на груди белая или бежевая полоса. Шерпы часто утверждают, что у мих-тех примерно посередине тела проходит полоса, над которой шерсть растет вверх, а ниже — вниз. У голубого медведя светлая, очень короткая шерсть на морде, и на животе шерсти тоже мало; когда говорят о мих-тех, то упоминают его бледное «человеческое» лицо и голый живот. У голубого медведя над плечами — остроконечный загривок, покрытый шерстью. Если посмотреть издали, загривок можно принять за макушку (помните скальп мих-тех?).

Тибетцы утверждают, что голубой медведь в основном передвигается на задних лапах. Возможно, когда животное чем-то интересуется, оно встает на задние лапы.

Тибетец, который видел живого голубого медведя в зоопарке панчен-ламы, описывал его так:

— У него очень широкая грудь, прямая спина, квадратная голова. Он машет лапами, словно поет сентиментальную песню.

Надеюсь, что насчет йети мы ошибаемся. За десять месяцев, проведенных нами в Непале, мы не видели ни одного медведя. Мы вообще встречали удивительно мало животных, самое крупное из них — волк. Если даже медведи и снежные барсы старались не попадаться нам на глаза, то что же говорить о разумном антропоиде! Как уже было сказано, самые убедительные наши аргументы ничего не доказывают. Кому-то еще предстоит объяснить столь частые крики йети и продолжить поиски следов на снегу, которые могли принадлежать примату или большому медведю, а не были бы следами небольших животных на рыхлом снегу, слившимися в один под лучами жаркого солнца. Кому-то придется наконец установить, кого же на самом деле видят шерпы и бутанцы, жители Сиккима и Северной Индии, принимая видение за йети.

Мы оказались перед суровым фактом. Доказательства, которые поддерживали теорию о существовании йети, одно за другим отпали в результате наших исследований:

«следы йети» легко образуются под лучами солнца: оно растапливает следы других животных;

«скальп йети» из Кхумджунга — интересная реликвия, но так или иначе — подделка;

«кисть йети» из Пангбоче человеческого происхождения;

«шкуры йети», которые уверенно принимает за таковые любой шерп, на самом деле принадлежат тибетскому голубому медведю;

все мифы и легенды о йети при тщательном изучении быстро переходят в область фантазии.

Что же остается?

Когда мы прощались с настоятелем Тьянбоче, тем самым, который развеял столько историй о йети, связанных с его монастырем, он сказал:

— Если вы оставите мне фотоаппарат, я смогу сфотографировать вам йети. Когда сюда приходят сахибы, йети никогда не подходят близко, но стоит им уехать, как они обязательно снова появляются.

### ГЛАВАХ

#### В долину Мингбо

#### Программа «снежный человек»

Десмонд Дойг описал, как мы проводили поиски йети и сколь интересными и увлекательными они были. Дополню его рассказ кратким изложением фактов.

Наши исследования и опросы велись почти исключительно среди шерпов, живущих в пределах пятидесяти километров от Эвереста. Видели йети и находили их следы в гораздо более обширном районе, но основная часть реальных свидетельств, которые приводят в доказательство «теории йети», относится к местности, которую мы изучали.

Чаше других, чтобы доказать существование йети, приводится фотография отпечатка ноги, найденного на леднике Менлунг в 1951 году Эриком Шиптоном и доктором Майклом Уордом (я был участником этой экспедиции, но работал в то время в другой долине). Этот отпечаток, на редкость ясный среди длинной цепочки менее отчетливых следов, явился источником многих предположений. По форме и размерам некоторые антропологи реконструировали йети достаточно детально.

Мы не нашли ни одного отдельного отпечатка, столь замечательного, как отпечаток, сфотографированный Шиптоном, но обнаружили множество приблизительно похожих на него. Потом стало совершенно очевидно, что «следы йети» образуются в результате вполне земных процессов — солнце подтапливает края следов небольших животных. Так как мы обнаружили следы на той же



высоте, в то же время года и на расстоянии пяти километров от найденных Шиптоном, вполне справедливо заключить, что там мог иметь место такой же эффект. Интересно отметить комментарий доктора Уорда — идя вдоль менлунгского следа, они замечали пересекающиеся с ним следы других животных, но в то время не придали им особого значения.

Ральф Иззард, автор книги «По следам снежного человека»<sup>27</sup>, описывает многочисленные «следы йети», найденные его экспедицией в районе Кхумбу. Его мнению придает вес большой личный опыт (в отличие от многих экспертов по йети, которые ведут оживленные дискуссии, сидя в креслах). Во время нашей беседы в Лондоне он сказал, что следы, которые он видел, принадлежат скорее всего тибетскому волку. Экспедиция Слика — Джонсона совершила несколько походов в изолированную долину Исва и зарегистрировала следы, крики, помет животных. Несмотря на то что у нее была свора охотничьих собак, йети поймать не удалось. Первыми в эту долину проникли двое участников руководимой мною экспедиции НЗАК (Новозеландского альпинистского клуба) в 1954 году, доктор Чарльз Эванс и Джоффрей Хэрроу. На снежных полях в верховье долины они сфотографировали идущие рядом две цепочки больших и маленьких следов.

Хотя шерпы и утверждали, что следы оставлены йети, доктор Эванс сказал, что он ясно видел следы когтей на этих очень свежих следах, и предположил, что там прошла медведица с медвежонком.

Возможно, не все себе представляют, что в районах, расположенных выше 5780 метров, есть жизнь и пища. Там встречаются лисы, волки, снежные барсы, сурки и многие другие животные и птицы. Кроме того, там живут яки, овцы, козы и даже люди.

Скальпы. Многие описания йети, сделанные шерпами, включают указание на острую макушку. Очевидным подтверждением этой необычной черты были три скальпа, находящиеся в монастырях района Кхумбу — Кхумджунга, Пангбоче и Намче-Базара. Мы детально изучили их, и нас поразило сходство — и по форме, и по размерам, и по цвету, и по качеству шерсти. Кхумджунг-

---

<sup>27</sup> Р. Иззард. По следам снежного человека. М., 1953.

ский скальп в несколько лучшем состоянии, чем два других, и нам посчастливилось вывезти его для изучения экспертами. Ученые, которые видели скальп в Чикаго, Париже и Лондоне, пришли к такому мнению: хотя это интересная и, возможно, древняя реликвия, на самом деле скальпы сделаны человеком — по болванке из шкуры серау. Этот скальп никогда не содержал хитрых мозгов неуловимого йети.

Скелет кисти. В монастыре в Пангбсче находится скелет кисти, которая, по убеждению лам, когда-то принадлежала йети. Фотографию этой кисти изучали на Западе, и заключения подтвердили выводы моих врачей — это в своей основе человеческая кисть, скрепленная проволокой, возможно с включением нескольких костей животных.

Шкуры. Прежде о шкурах йети, которые быстро заняли важное место в наших исследованиях, сообщалось мало. Те три шкуры, которыми мы располагали, были явно привезены из Тибета, во всяком случае одну из них совсем недавно принесли беженцы. Было весьма любопытно показывать их шерпам (они никогда не видели йети) и слышать в ответ о том, что это, конечно, шкура йети, а не медвежья.

Эти шкуры вполне соответствовали существующему у шерпов образу йети. Когда определили, что все шкуры принадлежат голубому медведю из Восточного Тибета, у нас появилось довольно твердое убеждение, что именно этот медведь мог послужить источником большинства историй о йети.

Наблюдения за йети. Монастырь Тянгбоче обладает репутацией места, которое йети посещают гораздо чаще, чем любое другое. Осторожные расспросы лам также и во многих других монастырях, проведенные Десмондом, который свободно говорит на непали и шерпском языке (его любили и уважали шерпы), не выявили ни одного случая, когда бы лама сам видел йети. Даже два старых ламы, которые жили в Тянгбоче со времени основания монастыря (то есть примерно лет пятьдесят), не встречали ни одного йети и не знали ни одного ламы в монастыре, который бы их видел. Опровергались довольно драматические и зловещие истории, распространявшиеся некоторыми западными экспедициями.

Вера шерпов в йети. Нет сомнения в том, что шерпы принимают факт существования йети. В то же время они так же непоколебимо верят, что их боги преспокойно живут на вершине Эвереста. Мы обнаружили, что совершенно невозможно отделить йети от сверхъестественного. Для шерпа способность йети усилием воли делаться невидимым — такая же важная часть описания этого существа, как и его предполагаемые очертания и размеры. Полуживотное-получеловек-полудемон — это и есть йети. Его принимают так же спокойно и некритически, как мы в детстве принимаем Деда Мороза.

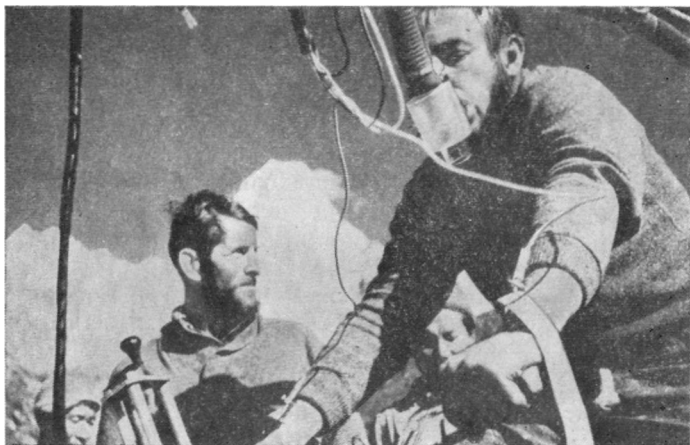
Участникам моей экспедиции — врачам, ученым, зоологам и альпинистам в равной степени было бы приятно верить в существование йети, однако после того, как рухнули основные свидетельства в поддержку легенды, они уже не могли относиться к йети иначе, как к захватывающей сказке, рожденной видом этих редких и странных животных, созданной суеверием и охотно «вскармливаемой» западными экспедициями.

### **Физиологическая программа**

Поиски йети, конечно, были не единственной и даже не самой важной целью нашей экспедиции. Нитью, связывающей вместе всю экспедицию, были физиологические исследования высотной акклиматизации, и именно на это были направлены наши основные усилия. Изучение человека, его биологических функций и жизненных процессов явилось причиной того, что экспедиция оказалась длительной — более девяти месяцев, — поскольку нам нужны были результаты продолжительных наблюдений, которые невозможно получить в условиях обычной экспедиции, длящейся три с половиной месяца.

Мы планировали, что одна группа перезимует на высоте около 5800 метров, чего никогда не делалось прежде, и в конце экспедиции для проверки эффективности акклиматизации она попытается совершить восхождение на Макалу (высота 8481 метр), не пользуясь кислородным снаряжением. К концу экспедиции мы рассчитывали получить ответы на многие вопросы, в том числе:

а) какова максимальная высота, на которой человек может жить длительное время без ухудшения состояния?



**Милледж проводит  
медико-биологические исследования**

б) какие основные физиологические изменения происходят в организме человека в процессе акклиматизации?

в) возможна ли такая степень акклиматизации организма, при которой человек мог бы эффективно действовать на высотах более 8000 метров без дополнительного обеспечения кислородом?

Мы с доктором Гриффитом Пью, возглавлявшим группу физиологов, долго обсуждали идеальные условия, которые мы должны попытаться создать для проведения физиологических исследований. Пью подчеркнул, что на результаты этих исследований могут серьезно повлиять повышенные трудности и неудобства. Сложно будет определить, что явилось результатом влияния высоты, а что — неадекватного питания и постоянной борьбы с холодом и тяжелыми условиями жизни. Поэтому мы решили преодолеть эту проблему, служившую камнем преткновения при проведении предшествующих физиологических исследований, путем сооружения двух изолированных обогреваемых хижин с хорошей теплоизоляцией. Неизбежно тесные, они по крайней мере должны были обеспечить сносные условия для жизни и

работы. Мы также наметили предоставить разнообразное и вкусное питание — насколько это возможно в тех условиях.

Выбор подходящего для работы района оказался делом нелегким. Мы искали долину, где на высотах 5185 и 6100 метров можно установить две хижины. Подход к хижинам должен быть сравнительно безопасным в течение всего года, если в случае необходимости придется оказывать зимовщикам помощь или экстренно спустить больного на меньшую высоту. Нам хотелось, чтобы поблизости располагалась также деревня, где можно найти необходимую рабочую силу и продукты. Район должен нравиться зимующей группе, позволять заниматься активными физическими упражнениями и, наконец, иметь приемлемый подход к подножию Макалу — нашей цели на завершающих этапах экспедиции.

Работа в районе Эвереста имела много преимуществ. Эту местность я хорошо знал; здесь можно нанять квалифицированную рабочую силу и купить свежие продукты; кроме того, район сам по себе был замечательно красивым и интересным.

Я припомнил свой первый поход в район Эвереста в 1951 году, когда наша экспедиция, руководимая Эриком Шиптоном, только что открыла южный путь к Эвересту — путь, по которому в 1953 году была достигнута его вершина. Мы с Шиптоном провели недели две, осваивая неизвестную территорию к востоку от Эвереста, и за несколько дней пересекли высокий перевал, ведущий в мрачную долину Хонгу, затем поднялись в восточном направлении на крутой перевал высотой 6100 метров и увидели перед собой «маршрут», который вел в огромную котловину долины Барун, лежащей у подножия гигантского массива Макалу.

На обратном пути у нас с Шиптоном было очень мало продуктов, и мы решили попытаться немного срезать путь, чтобы выйти к нашим основным запасам. К югу от внушительного пика Амадаблам виднелся снежный перевал высотой около 6100 метров, который наверняка должен был вести в нужном направлении. Заведомо рискуя, так как маршрут мог оказаться непроходимым, мы собрали остатки продуктов и отправились к перевалу.

У нас дух захватило от вида, который нам открылся. Далеко внизу, сильно изрезанный трещинами, ледник



### Гляциологические исследования

обрушивался вниз, в долину Мингбо, которую ограничивали с обеих сторон суровые ледяные пики. С перевала — седловины Амадаблам (так мы называли его) — к снежным полям в верховьях ледника обрывались вниз сто пятьдесят метров исключительно крутого неровного льда.

Трое наших шерпов без колебаний отказались пойти по этому маршруту. Однако времени и продуктов оставалось мало, и мы с Шиптоном решили рискнуть. Не обращая внимания на протесты шерпов, мы начали вырубать ледорубами ступеньки в ледовом склоне. Это была тяжелая, но бодрящая работа. Мы прошли полпути вниз, как вдруг раздался вопль, и шерп, с которым я шел в связке, пролетел мимо меня, словно ракета. Я только кончил вырубать ряд ступенек, воткнул свой ледоруб в ледовую трещину для страховки, быстро набросил на него веревочную петлю и стал ждать рывка. Когда всем весом своего тела шерп рванул веревку, мне удалось его удержать.

Я вытащил шерпа, получившего урок, в безопасное место и затем стал снова рубить ступеньки вниз и делал

это до тех пор, пока мы не спустились до трещины у подножия склона, перелезли через нее и двинулись дальше по снежным полям Мингбо. Мы сравнительно легко преодолели петляющий по трещинам путь и спустились по изломанному льду ледопада. Часа через два после наступления темноты мы прошли уже далеко вниз по долине к руслу реки и, измученные, заснули в кустарнике. Ярко светила луна. На следующий день мы дошли до деревни Дингбоче, где могли купить свежие продукты.

Вспоминая этот и другие походы в том районе, я подумал, что долина Мингбо отвечает большинству наших требований, и решил установить там две хижины: одну — у подножия ледопада, а другую — на седловине Амадаблам.

Я предполагал, что могут возникнуть некоторые непредвиденные обстоятельства. Кроме хижин нам необходимо иметь соответствующее снаряжение для работы при очень низких температурах. Размах нашей деятельности будет в большой степени зависеть от весьма переменчивой погоды послемуссонного сезона. Кроме того, опасность лавин на снежных перевалах могла ограничить передвижения моей группы и, возможно, внести различные коррективы в программу экспедиции. Единственное, что оставалось, — ждать и смотреть, как пойдут дела дальше. При этом следовало сохранять мобильность, чтобы быть в состоянии на месте вносить изменения в программу.

13 сентября я вышел из Катманду с Дойгом, Марлином Перкинсом и основным составом экспедиции; с нами было 160 носильщиков с грузами. Мы отправились в долину Ролвалинг и на поиски йети.

Днем позже основная масса из трехсот десяти носильщиков двинулась в район Эвереста и долины Мингбо, чтобы построить научные лаборатории-хижины. Эту группу возглавил Норман Харди, опытный и квалифицированный альпинист, хорошо знающий Гималаи. Самое большое его достижение — восхождение на Канченджангу (высота 8597 метров) — третью по высоте вершину мира. Его помощниками были доктор Джим Милледж, Барри Бишоп и Уолли Ромейнс. Все они — опытные альпинисты, но в Гималаях прежде бывал только Харди. Перед ними стояла невероятно трудная задача. Многие грузы были громоздкими и неудобными для пе-

реноски, особенно секции хижины и балки, и это могло к всеобщему неудовольствию снизить скорость продвижения носильщиков. Кроме того, еще в полную силу шли муссонные дожди. Впереди на высоких перевалах следовало ожидать трудных условий.

Одиннадцать дней под потоками муссонных дождей взбирались они на крутые хребты и спускались в глубокие долины. На двенадцатый день они добрались до района распространения буддизма.

Климатические условия изменились. Резко похолодало, и кули-индийцы стали роптать. По мере того как группа поднималась все выше, плохо одетые непальские носильщики стали страдать от холода. К тому же непрекращающиеся дожди подрывали их дух. Они знали также, что им придется идти в долину Дудх Коси высокогорными маршрутами через перевал высотой 4560 метров — мосты на обычном, более низком пути, без сомнения, во время муссонных дождей были смыты.

«Караван» взобрался на площадку на высоте 3650 метров, и, поскольку барометр падал, сто шестьдесят человек сгрудились в трех жалких постройках, откуда недавно ушли яки, тогда как остальные устроили целый лачужный город из экспедиционного брезента. Всю ночь лил сильный дождь и было холодно — очевидно, наверху, на перевале, выпал снег. Носильщики хорошо знали о том, что в 1952 году швейцарская экспедиция на Эверест в аналогичных условиях потеряла двоих людей на перевале, после чего более сотни носильщиков сбежали. Швейцарцам потребовалась неделя, чтобы набрать новых носильщиков и продолжить путь.

Харди решил на день задержать партию, а, как известно, в таких тяжких условиях время тянется медленно. К его ужасу, в следующую ночь снова лил дождь, и снова пришлось отложить выход. К тому времени у кули осталось мало еды, но, несмотря ни на что, восемь азартных игроков играли в кости уже два дня и две ночи, сидя на бамбуковом мате, очевидно забыв обо всем на свете.

Харди обошел близлежащие деревни и заручился обещаниями ста восьмидесяти человек — они согласились заменить самую несчастливую часть его дрожащей от холода «армии». И тут настал самый худший из «расчетных» дней, которые ему только пришлось пережить.



Непальские кули обычно громко говорят и никогда не выстраиваются в шеренгу. Следует заметить, что непальцы проявляют на редкость мало фантазии, давая имена своим детям. В списках у Харди значилось двенадцать Лал Бахадуров и одиннадцать Рам Бахадуров. Каждого из ста восьмидесяти носильщиков нужно было выявить, рассчитать и каждому выдать деньги, в то время как сто тридцать, которым еще не заплатили, шумели в центре толпы. Шел дождь, от которого становилось еще неуютнее.

На третий день к вечеру дождь наконец прекратился. После вечернего совещания с наиболее опытными шерпами Харди решил пройти перевал, не дожидаясь, пока затвердеет снег. Ромейнс и Бишоп с группой сильных шерпов вышли раньше, чтобы прокладывать путь. За ними последовали остальные сто тридцать босоногих жителей Катманду. Милледж и Харди остались, чтобы оформить сто восемьдесят новых носильщиков и выдать им груз. Некоторых новых рабочих пришлось довольно долго ждать — они мололи зерно для питания и прощались со своими возлюбленными и родными. К середине дня в опустевшем лагере оставалось еще сорок тюков, а покрытый снегом перевал вновь окутал туман. Харди послал Милледжа вперед, чтобы единственный врач шел с основной партией.

Создавшаяся ситуация беспокоила Харди. Положение слегка смягчилось прибытием следующей группы. Она прихватила с собой несколько бутылок араки — только что из перегонного аппарата, еще теплой. Это внесло некоторое оживление в мрачную действительность. К двум часам пополудни все грузы уже были в пути.

В течение часа Харди оставался с последней группой. Стало ясно, что она к концу дня не доберется до назначенного места. Поэтому Харди раздал им сигареты и строго наказал, что они должны будут делать на следующий день, а сам пошел дальше. Перед перевалом он догнал группу из сорока носильщиков, мужчин и женщин, многие из которых уже нашли убежище в скалах и не хотели так поздно идти через перевал. Харди это не очень волновало — носильщики были местные и хорошо знали, что делать в подобных условиях.

Шел мокрый снег. За полчаса до наступления темно-

ты Харди добрался до последнего кулуара<sup>28</sup>, выводящего на перевал. В двадцати метрах от его верха он нашел в снегу скорчившегося и стонавшего пятнадцатилетнего мальчика. Ребенок промок до нитки. Поднять свой груз он никак не мог, но ни за что не хотел с ним расставаться. Харди поставил ребенка на ноги, однако метров через пять мальчик снова упал. Сильный Харди все-таки вытащил наверх и мальчика, и его груз. Там мальчик стал звать кого-то. Вскоре на его крик ответил другой. Он был младше первого и тоже промок насквозь и плакал. Ни тот ни другой не могли устоять на обледеневших скалах и справиться со своим неуклюжим грузом. Тут нужна была сильная рука. Харди помог им и приказал следовать за ним вниз. Начав двигаться, они уже не хотели останавливаться, потому что на ходу согрелись. Минут через двадцать они выбрались из снега, а еще через десять показались заросли кустарника.

Дойдя до альпийского луга, Харди распрощался с двумя своими подопечными и быстро зашагал дальше. Его беспокоила судьба остальных двухсот семидесяти человек. Под каждой нависающей скалой были люди, и все они приглашали его на ночлег. К тому времени он сильно устал и как раз серьезно подумывал об отдыхе. Харди распаковал свой пятнадцатикилограммовый рюкзак, чтобы посмотреть, есть ли там все необходимое для ночевки под открытым небом. К своему удивлению, он не нашел там еды. Основной груз составляли деньги, две тысячи сигарет, фотоаппарат и фонарь. На нем были шорты и хлопчатобумажная рубашка, в рюкзаке — только шерстяной свитер и горные брюки — а они от ветра не защищают. Харди весь день был настолько занят хлопотами по отправке людей, что не заметил, как его шерп, Пемба Тенцинг, жалея его, вынул из рюкзака большую часть запасной одежды и еду, а теперь он был далеко от Пембы Тенцинга.

Ему не оставалось ничего другого, как идти дальше. Вскоре он догнал четырех молодых шерпских женщин. Они медленно спускались по покрытой валунами дороге и громко пели. Через полчаса после наступления темноты они решили устраиваться на ночлег в кустах. Не про-

---

<sup>28</sup> Кулуар — желоб с крутыми стенами на склоне горы, идущий по линии стока воды.

шло и нескольких минут, как Харди услышал голоса. Под мокрой скалой он увидел семерых мужчин и трех женщин. Он дал всем по сигарете и попросил двоих мужчин (они, видимо, хорошо знали дорогу) пойти с ним. Мужчины шли быстрее женщин. С их помощью Харди добрался до лагеря через полтора часа после наступления темноты (у него был фонарик).

Они оказались в защищенной долине на высоте 3650 метров, и Харди остановился поужинать в тускло освещенной пещере. За ним в темноте блестели глаза шерпов. Их постоянную болтовню прерывали взрывы заразительного смеха. Только Харди закончил свой обильный ужин, как показался свет другого фонарика. Сирдара Даву Тенцинга тоже не прельщала перспектива провести ночь под открытым небом, поэтому он перешел перевал в темноте, подбадривая отстающих. К счастью, ночь была ясной, хотя и очень холодной. Мысль о том, что восемьдесят человек еще где-то в пути, не давала Харди покоя.

Рассвело. Погода стояла безветренная. Небо было затянуто тучами. На землю быстро опускался туман. Харди решил подождать, пока подойдут последние. Остальные снова тронулись в путь. К его огромной радости, к одиннадцати часам утра отставшие подтянулись, и он мог идти дальше. Через полчаса он достиг верха Лумдинг Кхолы, покрытой облаками.

Альтиметр показывал 3815 метров. Спуск по склону в долину очень сложен, и тропа представляет собой нечто невероятное. На полпути вниз колени у Харди скрипели, а пальцы ног были ободраны и горели. Он сменил ботинки на теннисные туфли, что по крайней мере облегчило страдания. В долине альтиметр показывал 2580 метров. Перепад высот составил 1235 метров. В узком ущелье Лумдинг Кхолы, густо поросшем лесом, невозможно было отдохнуть, и единственным выходом оставался подъем.

С трудом они стали карабкаться на другой край ущелья, а это еще 910 метров. Длинные балки хижин — страшный груз для носильщиков в этой суровой местности. Харди знал, что несколько человек обязательно отстанут. С гребня хребта — еще на 760 метров — вела узенькая тропинка к деревне Тейт. Здесь закончился дневной переход для большей части партии,

хотя внизу, в ущелье, все еще оставалось до сорока туюков.

На следующее утро Дава Тенцинг и Харди задержались, чтобы дождаться остальных, бредущих позади. Теперь, когда группа Харди снова добралась до населенного района, можно было нанять новых носильщиков. Они рассчитали восьмерых самых слабых носильщиков и пообещали рассчитать еще нескольких на следующий день, если положение не исправится. К одиннадцати ночи вся партия снова была вместе.

Через два дня резко прекратился муссон, он кончился страшным ливнем. К тому времени часть кули рассчитали, набрали группу сильных шерпов, и партия расположилась в мирных окрестностях Тьянгбоче, деревни, от которой в любом направлении открывались виды, радующие сердце альпиниста, и все это в каких-то двадцати километрах от подножия Эвереста.

## **В долине Мингбо**

Находясь в Ролвалинге, я очень беспокоился за группу Харди, ведь она испытывала такие же большие трудности, как и мы: непрерывно лили дожди, на склонах гор и в долинах лежал снег. 2 октября по полевой рации мы наконец связались с группой Харди. Мы с радостью узнали, что измотанная, но в полном составе группа благополучно достигла Тьянгбоче. Затем ежедневно мы выходили на связь с группой Харди и следили за ее продвижением к Мингбо. Мы с Харди могли обсуждать возникающие проблемы и сразу же принимать необходимые решения.

Группа Харди немедленно приступила к работе. Она арендовала под основной склад небольшой дом в Чанмитанге — всего в двадцати минутах ходьбы от Тьянгбоче, за который мы должны были платить поистине королевскую цену — сорок рупий (3 фунта стерлингов) в месяц. Примерно за десять месяцев я заказал большое количество лесоматериалов, которые были необходимы для строительства первой хижины. Этот лес лежал огромной грудой в Тьянгбоче. Наш строитель, Уолли Ромейнс, определил размеры стройматериалов и организовал группу из шерпов. Рабочие проверяли соединения,

предварительно обрезами все стропила, стойки и доски до нужной длины. Они находились в трех днях пути от строительной площадки.

Основная задача состояла в том, чтобы поднять четыреста туюков из долины Мингбо. Группе Харди при спуске пришлось идти по мягкому снегу толщиной 30 сантиметров, и это потребовало максимального напряжения сил. Только через две недели стало возможным медленно подавать грузы наверх. Площадку для нижней хижины выбрали на высоте 5338 метров. Когда доставили необходимое количество стройматериалов, Ромейнс приступил к строительству, и уже через два дня на скалистом фундаменте стоял каркас хижины.

Несмотря на довольно опасное состояние снега, были разведаны две перевальные точки в верховьях долины — южная седловина высотой 5948 метров и к северу от нее седловина Амадаблам. На южном седле оказалось достаточно места для хижины, но путь к нему был опасен из-за нависающего льда. Таким образом, оставалась только седловина Амадаблам, которую я выбрал с самого начала. 20 октября Харди и Бишоп промаркировали флажками путь через ледяные глыбы и трещины к подножию Амадаблам, и на следующий день первые грузы забросили на высоту 5790 метров. С того дня они регулярно доставлялись наверх.

Завершающий этап работы группы был изнурительным. Последние сто двадцать метров до седловины представляли собой склоны необычайной крутизны — слишком отвесные для цепочки нагруженных шерпов. Чтобы решить эту проблему, я послал туда легкую лебедку (такую же успешно использовала итальянская экспедиция на К<sub>2</sub>), ее подняли, закрепили на седловине и стали тащить грузы вверх по склону. Поднимать грузы при помощи лебедки было очень тяжело, да и машина не выдерживала таких нагрузок. Группа прекращала работу — ремонтировали лебедку. Делалась новая попытка, но лебедка снова ломалась.

28 октября я пересек перевал Таши Лапча со стороны долины Ролвалинг вместе с группой, занятой поисками йети. В прекрасную погоду мы спустились в небольшую очаровательную долину Тхами. Яркое светило солнце. Вода в ручейках искрилась. Вокруг возвышались удивительной красоты горы. Я снова был очарован

районом Кхумбу. Несколько часов быстрой ходьбы, и мы оказались в большом монастыре Тхами, где жил верховный лама. Нас приняли торжественно и с подобающими церемониями. Мы с ламой пили чай во внутреннем дворе монастыря.

Этот район был очень оживлен, так как сюда бежали из своей страны тибетцы через высокий перевал Нанг-Па. Множество палаток и бродящих вокруг животных — зрелище довольно убогое. Мой старый друг и товарищ по восхождениям Норгей Тенцинг родился в Тхами, довольно грязной, ничем не примечательной деревушке. Правда, расположена она была удивительно красиво. Там нас встретил Норман Харди. После напряженной работы в долине Мингбо он вошел в форму и прекрасно выглядел. Весь вечер мы провели вместе, обсуждая наши дальнейшие планы.

На следующее утро, когда мы спускались вниз, в долину, подмораживало. Мороз бодрил. Вдоль реки Бхоте Коси местность очень красивая, но прекрасный пейзаж портили туши павших от голода овец и яков. Весь район опустошили овцы и рогатый скот тибетских беженцев. В воздухе кружили стервятники. По мере того как мы поднимались по холму к деревне Кхумджунг, нам открывалась захватывающая дух картина: одна за другой огромные горы — Эверест, Лхоцзе, Нупцзе, Кангтега и страшный «зуб» Амадаблама. К югу от Амадаблама виднелся широкий проход в долину Мингбо. Мы пришли в красивую долину Кхумджунг, где нас с любовью приветствовали многочисленные друзья-шерпы.

Здесь собралась вся партия из Мингбо. Среди встречающих был Гриффит Пью, прибывший из Катманду двумя днями раньше с пятьюдесятью грузами — научным оборудованием. На небе ярко светили звезды, но земля замерзла. Вечером мы долго беседовали, греясь у потрескивающего лагерного костра.

1 ноября мы отправились к экспедиционному дому в Чанмитанге. Дом мне очень понравился. Он стоял в лесу на красивой поляне. Это был маленький, но удобный домик: две жилые комнаты наверху и две складские — внизу. Перед входной дверью — два высоких сосновых шеста, украшенных молитвенными флагами, а в главной жилой комнате — большое молитвенное колесо, которое нежно позванивало при каждом полном обороте. Дом

был завален экспедиционным снаряжением, поэтому для ночлега пришлось ставить палатки. Мы с Харди решили, что совершенно необходимо как можно скорее идти в долину Мингбо, чтобы узнать, каково состояние дел, и принять окончательное решение о месте для верхней хижины.

## Две хижины

3 ноября мы готовились к выходу. Царил обычный хаос. В десять часов утра я наконец двинулся вверх по долине Имджа. Погода стояла прекрасная. Прозрачный морозный воздух и великолепные пейзажи вызвали чувство радостного возбуждения. Оно росло по мере того, как я спускался к прочному мосту через пенящуюся Имджа Кхола. Вершина Эвереста резко выделялась на фоне синего неба, а над головой возвышался Амадаблам. Довольно быстро я дошел до деревни Пангбоче и снова пересек реку, чтобы подняться к долине Мингбо.

Тропа вела на заросшие травой холмы; с каждым подъемом открывались все новые виды. Вскоре за мной встала Тавече — она охраняла вход в долину, как лезвие меча. Меньше чем через два часа я достиг временного базового лагеря на покрытой травой площадке на высоте 4470 метров около горного пастбища Лапарма. Я догнал остальных членов партии, и мы наскоро перекусили. Затем все вместе двинулись дальше вверх по долине Мингбо. По пути нам открывались новые прекрасные пейзажи.

Меня все больше охватывало волнение. Я шел впереди, за мной следовали только Невисон и Малгрев. Первые шестьсот метров идти было легко, так как мы двигались в основном по поросшим травой склонам. Мы действительно шли быстро. Вскоре мы остановились на несколько минут, чтобы сфотографировать местность, и тут я вскользь заметил Питеру Малгреву, что неплохо бы соорудить в долине под нами небольшую взлетно-посадочную полосу. Я и не подозревал тогда, что через каких-то несколько месяцев буду просить об этом партию зимовщиков.

Мы продолжили путь через труднопроходимую море-

ну<sup>29</sup>, которая во всех направлениях вздымалась огромными горами камней и гребнями. Уже начинала сказываться высота. Скорость наша немного снизилась, но мы, спотыкаясь на непрочно лежащих камнях, все шли вперед. Под лучами горячего солнца снег на скалах растаял неделю назад, а оставшийся был твердым и плотным. Напрягая последние силы, мы поднялись по небольшому моренному кулуару и оказались на узком перевале. Метрах в тридцати ниже, возле озера, виднелся зеленый квадрат хижины, а над ним неясно вырисовывались конечные сераки ледника. Мы приветствовали тех, кто там жил и работал, выпили много чашек чая, а затем стали спускаться по круче вниз, увлекая за собой груды камней.

Не торопясь я осмотрел хижину и пришел в восторг от работы Уолли Ромейнса. Проект хижины я разработал в Новой Зеландии, стараясь придать ее формам прежде всего легкость и простоту. Каркас из местного лесоматериала был покрыт плотно натянутой проволоочной сеткой, затем шел слой просмоленного облицовочного картона и, наконец, снаружи — чехол из плотного зеленого брезента. Мы принесли с собой окно, материал для двери, коек и трубы для очага. Однако Ромейнс построил «Зеленую хижину» намного лучше, чем я мог предложить.

Он сделал каркас, используя местный строительный материал. Каркас у Ромейнса получился таким аккуратным и прочным, как при строительстве домов у него на родине. Брезент он тоже плотно подогнал и закрепил планками. Изобретательный Ромейнс построил прекрасный очаг из камней, цемента и оставшихся кусков листового железа. Для обогрева и приготовления пищи мы пользовались дровами, принесенными из нижних долин. Приятно было спрятаться от холода и ветра и устроиться на удобной койке в уютной маленькой «Зеленой хижине».

Я решил разбить лагерь на седловине Амадаблам без промедления, чтобы там найти возможные площадки для хижин. На следующее утро с шестью сахибами и четырнадцатью шерпами я отправился из «Зеленой хи-

---

<sup>29</sup> М о р е н а — скопление обломков разрушенных горных пород, движущихся вместе с ледником или перенесенных им ранее.





Каркас «Зеленой хижины»

жины». Мы взяли с собой все необходимое для лагеря. Первые несколько десятков метров путь шел вверх по отшлифованному ледником «бараньим лбам»<sup>30</sup>, а затем по длинной снежной котловине, которая вела в самое сердце ледопада. Харди потребовалось много времени, чтобы проложить и разметить флажками маршрут. Это был прекрасный путь. Он шел вверх между глыбами льда и глубокими впадинами и выводил на широкий, покрытый трещинами склон над ледником. Потом мы медленно поднимались по размеченному пути туда, где у подножия крутых склонов, ведущих к седловине Амадаблам, на снегу грудой были свалены секции хижины.

Я взглянул вверх, на седловину, и вспомнил, как девять лет назад проходил здесь с Шиптоном. Но теперь были совершенно иные условия. Конечно, склон оставался таким же грозным, как и прежде, но, поднимаясь зигзагами вверх, шла цепочка надежных ступеней, и сверху донизу тянулся тонкий трос нашей гималайской

---

<sup>30</sup> «Бараньи лбы» — скалистые выступы моренных пород на дне или склоне ущелья, сглаженные и отшлифованные в результате движения ледника и переносимых им горных пород.



Сборка «Зеленой хижины»

лебедки. Мы связались и пошли, зубья кошек<sup>31</sup> хорошо входили в твердый снег. Чем выше мы поднимались, тем большее удовлетворение я испытывал. Человеку всегда кажется, что с годами воспоминания усугубляют перенесенные трудности, но этот склон действительно был крут, чертовски крут, и память мне не изменяла. Когда мы вышли на седловину высотой 5978 метров, на нас сразу набросился пронизывающий ветер, и мы тут же натянули на себя всю теплую одежду. Впереди относительно отлогие склоны ледника спускались в суровую долину Хонгу. Везде лежал снег. Долина выглядела позимнему холодной.

Здесь не место для безделья! Мы сбросили свои грузы, и пока большинство трудилось у лебедки, мы с Харди выбирали место под площадку для хижины. Вскоре поднялся страшный ветер. Я подумал, что стоит разбить палатки, пока погода не испортилась. Мы их поставили с огромным трудом: ветер, который достиг уже штормо-

---

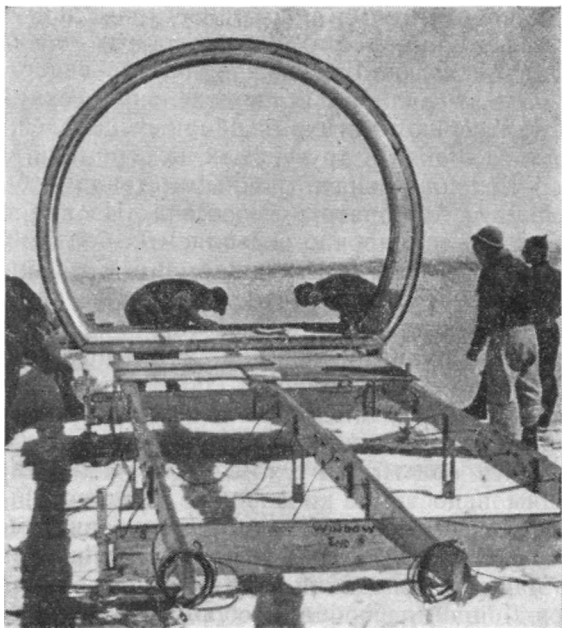
<sup>31</sup> Кошки — металлическое приспособление с острыми зубьями, надеваемое на обувь для преодоления крутых ледово-снежных склонов.

вой силы, рвал все из рук. Приходилось бросаться на развевающиеся, корчащиеся чудовища, тянуть их к земле, а затем повисать на них, держась мертвой хваткой. Только надежно закрепив палатки и забросав снегом, мы добились того, что их не унесло в долину. Снаружи было так холодно, что вскоре мы были вынуждены спрятаться в палатки. Харди, Джилл, Лоу, шестеро шерпов и я провели крайне неприятную ночь.

Я не мог сомкнуть глаз. Лежа и слушая, как хлопает и трещит палатка, я думал, удастся ли нам в таких условиях поставить хижину. Что делать зимой, если вдруг кто-нибудь заболит или произойдет несчастный случай? Можно ли спустить вниз человека по этим неровным склонам, если учесть, что на них еще на метр с лишним будет свежего снега? До наступления утра я уже решил отказаться от седловины Амадаблам как места для хижины. Мы найдем другую площадку, более защищенную и благоприятную. Еще в Кхумджунге доктор Пью высказал опасения, что 5978 метров — это слишком высоко для зимовки, и люди долго не проживут на такой высоте. Вспомнив об этом, я пришел к выводу, что в таком случае не стоит тратить столько усилий на постройку хижины именно здесь.

К утру ветер улегся. Стояла прекрасная, ясная погода, но воспоминания о кошмарной ночи были еще свежи в памяти. Пока остальные убирали лебедку и доставляли вниз с седловины несколько занесенных сюда грузов, мы с Харди спустились по склонам на снежные поля долины Мингбо. Осмотрев две площадки на высоте чуть больше 5790 метров, мы в конце концов остановили свой выбор на одной из них — очаровательной снежной площадке с прекрасным спуском к «Зеленой хижине». Она была надежно защищена от лавин, которые могли сойти с крутых склонов над ней. К концу дня с седловины спустили все грузы, а мы с Харди выровняли площадку между двумя заполненными снегом трещинами. После целого дня напряженной работы мы вернулись в «Зеленую хижину», чтобы как следует подкрепиться и провести ночь в тепле.

Верхняя или «Серебряная хижина» (мы стали так ее называть, потому что она была покрыта серебристой краской) решила нашу проблему удобного жилья и лабораторного помещения на большой высоте. Вначале я



Монтаж «Серебряной хижины»

планировал построить хижину, аналогичную «Зеленой», используя металлический каркас. Однако доктор Пью изучил возможность более удобной конструкции. Ассоциация развития лесной промышленности в Великобритании заинтересовалась этой проблемой, и ее главный архитектор господин Левин предложил дом из прессованной клееной фанеры с теплоизолирующим слоем пористого пенопласта толщиной семь с половиной сантиметров.

У Левина весьма активный и изобретательный ум. Я сделал набросок крошечной хижины с восемью койками, плитой, лабораторией и входом через тамбур. В течение нескольких минут Левин превратил мой рисунок в план компактной хижины. В результате многих месяцев сотрудничества Левина и Пью был создан окончательный проект.

Хижина скорее походила на гигантскую дренажную

трубу длиной в семь метров и три метра в диаметре. Так как ее предстояло нести на собственных плечах почти триста двадцать километров, пришлось ввести строгие ограничения на размеры и вес отдельных секций. Левин разработал серию изогнутых сборных панелей, каждая из которых входила в другую как на огромной картинке-загадке. Большие окна с тройными стеклами были приготовлены для лабораторного отсека. Из пластинчатых деревянных балок, прочно скрепляемых болтами, изготовили легкий, но надежный фундамент. Со всеми аналогичными конструкциями у нас возникали проблемы на ранних стадиях разработки проекта, и только благодаря совместным напряженным усилиям хижину наконец изготовили и отправили морем в Индию.

Было важно, чтобы участники экспедиции провели пробный монтаж хижины на обычных высотах, так как я содрогался при мысли о том, что альпинистам, испытывающим недостаток кислорода, придется выполнять эту работу на высоте 5790 метров над уровнем моря, возможно в условиях холода и ветра. Группа участников еще до начала экспедиции отправилась на завод-изготовитель в Лондон на пробную сборку. Они увидели сотни панелей и бесчисленные детали хижины, сложенные аккуратно штабелями.

Я спросил угрюмого низкорослого мастера, сколько, по его мнению, времени нам потребуется на сборку. Его недоброжелательный взгляд скользнул по моей, прямо скажем, разношерстной группе из шести медиков:

— Полагаю, что на эту работу уйдет часов семнадцать, — сказал он.

«Боже мой, — подумал я. — Семнадцать часов здесь, а на высоте 5790 метров, возможно, это означает 34 часа». К счастью, мастер недооценил умение и находчивость моих подопечных. Шесть часов напряженного труда — и хижина была собрана. Я понял, что мы сможем провести монтаж в полевых условиях с гораздо большей уверенностью.

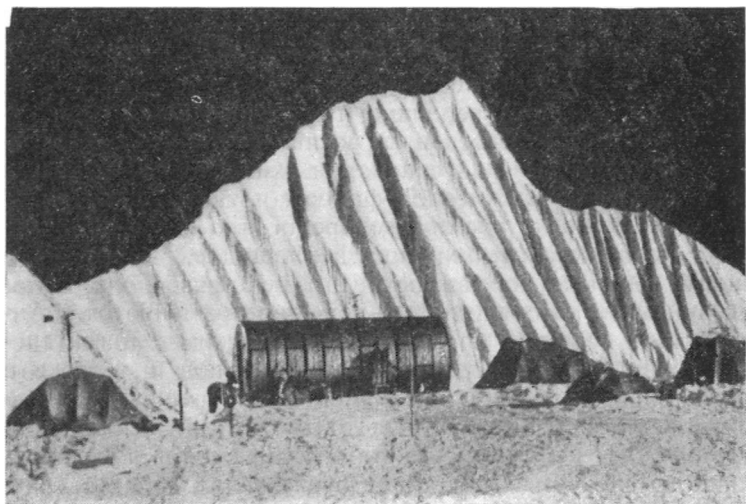
Утром 6 ноября вся наша группа, сахибы и шерпы, быстро вышла из лагеря и преодолела промаркированный флажками путь к подножию седловины Амадаблам. Там мы все принялись за работу — расчистили достаточную площадку, собрали основание хижины и поднесли все ее секции поближе к месту сборки.

На небольшом снежном гребешке, который я выбрал, места было довольно мало, но он оказался единственным участком, которому совершенно не угрожала лавина. Поэтому мы срыли верхушку гребешка, пока не добрались до плотного снега и не расчистили достаточно широкую площадку под основание хижины. На ней мы собрали балки из клееной фанеры и тщательно их выравнивали. В то же время нам предстояло решить, каким образом прикрепить хижину к площадке, чтобы ее не снесли сильные порывы ветра. Я решил воспользоваться приемом, который вполне успешно применяется в Антарктике: большой брезентовый рюкзак наполнили снегом, обвязали посередине куском стальной проволоки и опустили в яму, вырытую в снегу. Такие мешки, прочно укрепленные, примерзают настолько, что их невозможно сдвинуть. К концу дня фундамент был готов, а секции хижины сложены неподалеку в ожидании сборки. Завтра будет великий день. Только бы не подвела погода!

На следующее утро в десять часов мы снова собрались на строительной площадке. Было ясно и солнечно, мешал только легкий холодный ветер. Мы тут же приступили к сборке секций. С самого начала все шло хорошо. Пробный монтаж оказался весьма полезным, так как мы работали уверенно и слаженно и быстро продвигались вперед. Мы умело пользовались двухкилограммовой кувалдой, чтобы плотно подгонять друг к другу секцию за секцией. Работали гораздо эффективнее, чем в Лондоне во время пробной сборки.

К концу дня наружные работы были закончены, и у нас получился уютный маленький домик. Движимые чувством удовлетворения своими успехами, мы трудились с энтузиазмом до тех пор, пока ветер и мороз не согнали нас в «Зеленую хижину». Вниз мы спускались на закате. То и дело спотыкаясь, мы любовались красотою природы и не смотрели под ноги.

Мы трудились над постройкой хижины еще недели три. Наконец она была полностью закончена: надежно прикреплена к земле, просмолены соединения, собрана керосиновая печка, расставлена мебель, налажена электропроводка, подключены батареи и ветряной генератор. Мы не знали, сколько выпадет зимой снега и будет ли «Серебряная хижина» оторвана от внешнего мира. В качестве меры предосторожности я позаботился о том, что-



«Серебряная хижина» на фоне пика,  
покоренного Джиллом и Уордом

бы возле хижины держали запасы продовольствия и топлива дней на сто. Шерпы предупредили нас, что иногда бывают очень сильные снегопады, но при наличии достаточных запасов люди в хижине могут жить в комфорте до тех пор, пока не наладится погода.

### **Наши взоры устремлены вверх**

Мы занимались не только постройкой хижины — этим прозаическим, но необходимым делом. В моей группе — все альпинисты, поэтому их неизменно привлекали окружающие нас пики. И я и Пью считали, что для успеха физиологической программы важно, чтобы альпинистский энтузиазм удерживался на высоком уровне, — иначе один из стимулов жить на этих неудобных высотах утратится.

В течение некоторого времени я обдумывал возможность восхождения на Лхоцзе Шар (высота 8383 метра). Этот прекрасный пик — восточная, более низкая вершина Лхоцзе — не был еще покорен и представлял

интересную альтернативу Макалу — основному объекту экспедиции. Однако наша физиологическая программа основывалась на том, что группа поднимется на большие высоты на последних этапах экспедиции. Поэтому я не мог утвердить замену на Лхоцзе Шар до тех пор, пока мы не обследуем эту гору и не убедимся, что есть удобный путь к вершине.

Очевидный маршрут к вершине пролегал по гребню, разделяющему долины Барун и Имджа. Это было бы длительное и нелегкое восхождение. Дело в том, что в середине пути имелся трудный участок, который мог потребовать больших усилий. На гребень можно выйти на высоте примерно 6100 метров с ледника Барун, поэтому я попросил Нормана Харди взять с собой небольшую, но сильную группу и произвести разведку.

Харди внес другое предложение. Чтобы не совершать утомительного перехода из долины Мингбо в Барун, а затем вверх, к верховью ледника, он предлагал разведать маршрут со стороны ледника Имджа. Это был гораздо более сложный, но и более короткий подход к Лхоцзе Шар; к тому же он дал бы нам возможность увидеть, насколько вероятен прямой маршрут восхождения на Лхоцзе Шар с ледника Имджа. Я согласился, и Харди вышел в путь с Джиллом, Ромейнсом и отрядом из десяти опытных шерпов.

На третий день они разбили на леднике Имджа базовый лагерь; над ними были все три тысячи метров ледового склона Лхоцзе; на другой стороне долины — крутые склоны, ведущие к седловине на гребне Лхоцзе Шар.

После долгого и тяжелого дня работы они перенесли лагерь вверх по вспомогательному гребню на склон и расположились в двух палатках на наклонной снежной полке. На следующее утро трое сахибов с двумя опытными шерпами двинулись дальше, вверх по горе, и к своему разочарованию, обнаружили, что единственно возможный путь лежит по бесконечным обломкам лавинных выносов. Они находились на отроге между двумя огромными и очень активными лавинными конусами, по которым сходили снег и лед; временами и тот отрог, на котором они были, сам оказывался под угрозой. Они с трудом продвигались вперед, иногда останавливались и искали обход. Казалось, безопасный путь кончился.



Джилл вышел к последнему многообещающему кулуару. То и дело они останавливались, чтобы разведать дальнейший путь. Он был крутой и во всех направлениях блокирован огромными глыбами льда.

Сильная штурмовая двойка могла бы пойти на риск и продолжать движение по этому лабиринту. Однако группа находилась на высоте чуть ли не 6710 метров над уровнем моря, а для попытки штурмовать вершину потребовалось бы установить, вероятно, еще три высотных лагеря и поднять по этим склонам примерно тонну припасов. Харди решил, что склон слишком опасен для разбивки длинной цепочки лагерей, которые потребуются для восхождения. Он неохотно отдал команду отступить.

Они снова спустились на ледник и вернулись в базовый лагерь. Теперь единственной альтернативой был подъем по крутым ледяным склонам на гребень Лхоцзе Шар, и, пока они наблюдали за гребнем, по его склону сошла большая лавина. Место это было опасное, но, если отдельные участки пути пройти южнее, маршрут выглядел бы вполне безопасным.

Утром группа разделилась на две. Джилл и шерп Аннулу вышли раньше остальных и двинулись к отдельно стоящим, словно островам, пикам высотой более 6100 метров. Они находятся в центре долины Имджа. После затяжного подъема в хорошем темпе они достигли вершины самого высокого из пиков, и перед ними открылся прекрасный вид на склон Лхоцзе. Здесь они пережили радость первовосхождения.

Вспомогательная группа — Харди и Ромейнс, а с ними Уркьен и Анг Темба вышли из лагеря несколько позже, чтобы пересечь долину к гребню Лхоцзе Шар. Они остановились передохнуть в нескольких сотнях метров от лавиноопасных склонов, тщательно выбирая путь. После отдыха они пошли довольно быстро и одолели склон за один переход, стараясь держаться как можно дальше от опасных мест. Каждый из четверых по очереди шел впереди. Скоро они добрались до седловины на высоте 6100 метров, где их встретил пронизывающий ветер.

Харди и Ромейнс попытались подняться выше по гребню, чтобы лучше рассмотреть путь, но ветер мешал им отойти далеко. Они мало узнали нового. Западный

ветер дул беспощадно уже в течение нескольких недель и продолжался еще очень долго.

Когда эта группа вернулась в Мингбо, у меня не осталось сомнений — следует отказаться от всякой мысли просить правительство Непала разрешить штурм Лхоцзе Шар. Путь из долины Барун, конечно, стоит попробовать, но он долгий, незащищенный и требует больших запасов кислорода. Лхоцзе Шар остается превосходным объектом восхождения для сильной группы с хорошим снаряжением.

Возле «Серебряной хижины» возвышался прекрасный пик высотой примерно в 6400 метров с внушительными ледяными гранями; позднее наша группа назвала его *Пума Даблам*. Простота подходов к нему служила постоянным вызовом строителям хижины, и несколько групп брали выходной, чтобы попытаться достичь вершины с седловины Амадаблам. Оказалось, что этот гребень состоит из скал, льда и неплотно лежащего снега, и первые несколько групп вынуждены были вернуться из-за непогоды и плохого самочувствия. Джим Милледж и Анг Церинг дождались подходящих условий и, собрав силы, достигли наконец вершины.

Несколькими днями позже Барчэм и Гуми Дорджи повторили восхождение.

## Праздник

Большую часть года монастырь Тьянгбоче, расположенный на отроге горы, живет в атмосфере мира, покоя и созерцания. Однако начало декабря приносит поразительное превращение, поскольку в полнолуние проводится религиозный праздник *Мани Римду*. Из деревень всего Солу-Кхумбу и даже из таких далеких мест, как Катманду, сотни шерпов потоком устремляются по горным тропам в Тьянгбоче на трехдневный праздник.

Мы ожидали этого события с таким же энтузиазмом, как и наши шерпы, поскольку должны были принять активное участие в церемонии — возложить священный шарф на алтарь Тьянгбоче. За несколько месяцев до экспедиции Десмонд Дойг имел возможность посетить его преосвященство ламу Геву Кармапа в ламаистском монастыре Рхумтек в Сиккиме. Его преосвященство, ны-

не беженец из Тибета, глава карьяпы, или секты красношапочников, в буддизме, обошел почти все Гималаи. По значению он второй после далай-ламы, его глубоко почитают народы Бутана, Сиккима и Восточного Непала.

Узнав о предстоящей экспедиции, Гева Кармапа освятил огромный белый шелковый шарф, шириной шестьдесят сантиметров и длиной три метра, и подарил его экспедиции с пожеланиями успехов в наших научных и альпинистских начинаниях и с надеждой, что, возможно, один из альпинистов сможет оставить его на открытой всем ветрам вершине Макалу.

Дава Тенцинг, наш главный сирдар, и остальные шерпы очень обрадовались, узнав о священном шарфе.

— Лучше его подарить гомпе в Тьянгбоче, чем оставлять на вершине Макалу, — сказал почтенный Дава. — Тогда его смогут увидеть и радоваться все шерпы этого района!

Мы с Десмондом согласились с этим практическим подходом к делу. Вот и получилось, что шарф, освященный Гевой Кармапа, мы должны были преподнести монастырю Тьянгбоче во время праздника Мани Римду.

В начале декабря в монастыре собралось около четырехсот шерпов в лучших одеждах. Особенно красочными были одежды женщин — разноцветные вышитые передники и яркие кофты. Их блестящие украшения являлись богатством семьи. На одних были огромные золотые серьги и ожерелья, которые сверкали на солнце, на других — длинные цепочки бирюзовых, серебряных и коралловых амулетов вокруг шеи.

Зная, что во время празднества не будет хватать еды и спальных мест, многие местные жители принесли с собой пищу и одеяла или шкуры яков, чтобы укрываться холодными ночами. С высоких ледников и перевалов района Эвереста спустились члены экспедиции, желавшие увидеть все, что можно.

К сожалению, мы с Десмондом Дойгом были в тот момент на пути к Катманду с Кхунью Чумби и «скальпом йети». Поэтому я попросил доктора Пью в этой церемонии действовать от моего имени и сделать подношение шарфа.

Двадцатилетний верховный лама монастыря Тьянгбоче, воплощенец прежнего ламы, должен был возглавить церемонию. Однако на празднике того года

он отсутствовал (находился в это время в Сиккиме — совещался со своим духовным отцом ламой Гевой Кармапа).

Его замещал тибетский лама высокого ранга по имени Дава Римпучи, прежней обителью которого служил знаменитый монастырь Ронгбук по северную сторону Эвереста. Он был вынужден бежать оттуда, когда китайцы захватили Тибет.

Первый день Мани Римду (он называется *Чоксау*) был посвящен молитвам и медитации. Над длинным помостом натянули тент, и все это сооружение помещалось на ровной площадке возле монастыря. Дава Римпучи восседал на возвышении. На нем были огромные очки с зеркальными стеклами в черной оправе. По обе стороны от него сидели менее важные ламы, а шерпы устроились на земле, скрестив ноги, лицом к ламам. Остальные ламы совершали обряд: они молились, пели, играли на барабанах, рогах, возжигали благовония и совершали подношения богам. Ближе к сумеркам по сигналу шерпы двинулись вперед, чтобы получить благословение верховного ламы. Кланяясь, они дарили монастырю рупии. Дава Римпучи благословлял их — желал хорошего здоровья, обильных урожаев, прекрасной погоды и отсутствия катастроф. Такие условия являются жизненно важными для существования шерпов в суровых горных условиях. Ежегодному благословению придают здесь большое значение.

Третий день был полностью посвящен танцам и веселью. Прибыв довольно рано, участники зимовочной группы прошли сквозь шумную толпу к закрытому каменному дворику, где исступленно плясали танцоры. Дворик имел средневековый вид: заполненная людьми веранда с трех его сторон, с четвертой стороны устроены специальные помосты для привилегированных зрителей и там же проход для танцоров. Во дворике толпился народ. Люди толкались, кричали, смеялись, ели, пили... В центре толпы — танцоры в великолепных, пышных, ниспадающих складками костюмах — малиновых, желтых, зеленых, черных — всех цветов радуги. Под причудливые ритмы, стук и грохот барабанов они грациозно танцевали, медленно кружась в своих тяжелых одеждах в такт музыке.

Днем, во время перерыва, участники экспедиции

приняли приглашение сирдара Давы Тенцинга пообедать в его доме вареным картофелем и тушеным мясом яка. Перерыв оказался приятным. Он был еще более приятным потому, что на обед подали отличную ракшу<sup>32</sup>. К концу обеда Дава поднялся и с присущей ему неповторимой манерой, размахивая руками и коверкая английские слова, сообщил участникам экспедиции, что собирается преподнести в дар монастырю освященный шарф. Вероятно, уже тогда у сахибов возникло подозрение, что возбуждение и волнение Давы отчасти вызвано великолепной ракшей. Поэтому, когда участники экспедиции вернулись к танцорам, у них еще теплилась надежда, что они примут хотя бы скромное участие в церемонии. Однако их надежды не оправдались. Когда Дава Тенцинг вступил в круг танцующих, стало очевидно, что время для речи по поводу подношения священного шарфа выбрано не совсем удачное. Никто не ожидал, что почти одновременно с ее началом раздастся оглушительный гром барабанов и звук рогов. Наш неустрашимый сирдар начал говорить, но запал его уже прошел. Почти незамеченным он пересек двор с нашим священным шарфом в руках. Его сопровождал доктор Пью. Через минуту они исчезли в недрах монастыря. Остальные вернулись ужинать в Чанмитанг.

Праздник еще не окончился — настала очередь шерпов веселиться. Им можно танцевать хоть всю ночь. Сахибы медленно поужинали и уже довольно поздно отправились по тропе вверх. На морозном небе светила полная бледная луна. Ясно просматривался силуэт прекрасного Амадаблама. По мере того как они приближались к монастырю, веселые голоса раздавались все громче, но света все еще не было видно. Они вышли на знакомый дворик, и перед их взорами предстало незабываемое зрелище: в лунном свете словно в водовороте кружились неясные фигуры, тесным кругом их обступили шерпы, которые пели, раскачиваясь из стороны в сторону в своем ритмичном танце с притопыванием.

Самый молодой из нас, Майк Джилл, наблюдал за происходящим с огромным энтузиазмом.

---

<sup>32</sup> Р а к ш а — крепкий непальский спиртной напиток; изготавливаемый преимущественно из риса.

— Я следил за ними больше часа, — сказал он. — Они пускали по кругу большие кофейники.

— Чанг? — поинтересовался я и объяснил на примитивном шерпском, что хотел бы отведать немного этого приятного алкогольного напитка.

Прежде чем я понял, что происходит, улыбающийся парень схватил меня за руку и уверенно повел сквозь толпу танцующих. Мы вышли из дворика, спустились по ступенькам через лабиринт узких коридоров и подошли к его дому с низким входом. В полутемной, черной от дыма комнате перед очагом сидели мрачно улыбающиеся ламы. Меня усадили рядом с ними и стали угощать чангом.

Вскоре я стал настаивать, чтобы меня проводили к танцующим. Я заметил, что мои товарищи-сахибы уже ушли. По телу разлилось тепло от выпитого чанга. Забыв о холоде, о сгущающихся сумерках и тумане, я устремился во дворик. Там царил хаос. Вдруг из толпы выделилось лицо с прекрасной улыбкой — это был молодой Да Тенцинг, мой личный шерп. Обняв одной рукой за плечи, он втащил меня в круг танцоров. И тут я почувствовал, что оказался в лабиринте танцующих.

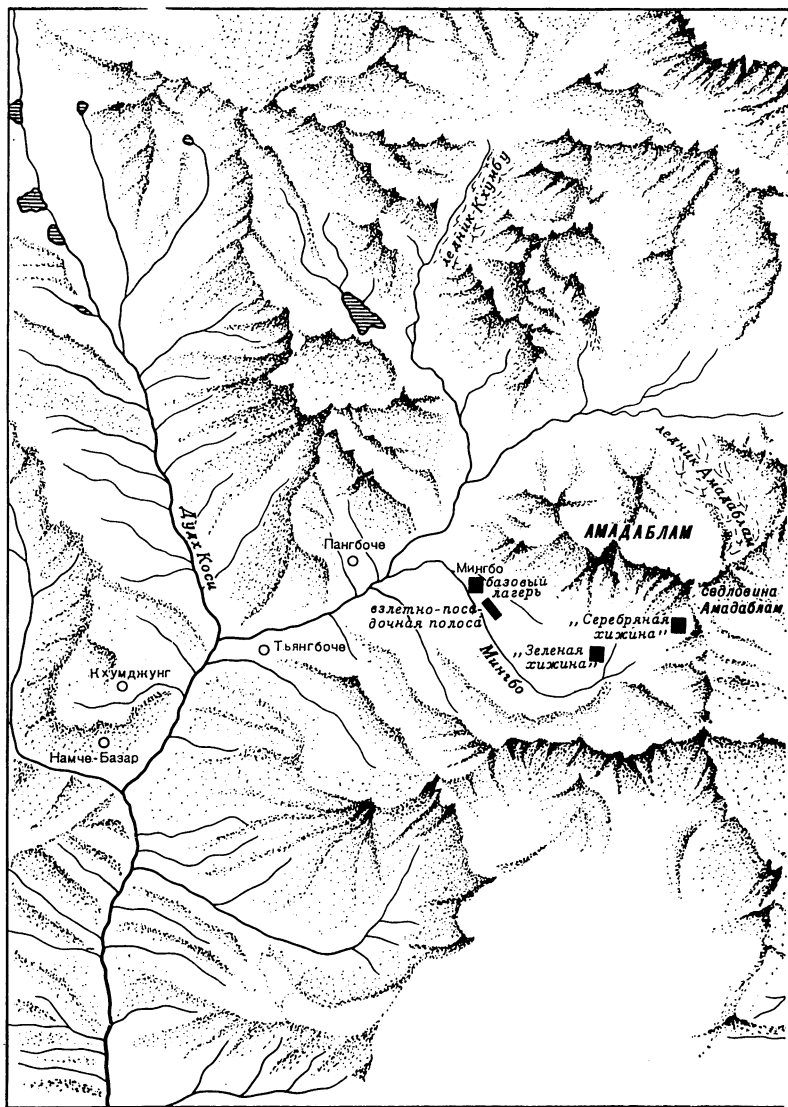
Когда я снова взглянул на часы, было уже за полночь. Я безумно устал и с благодарностью принял предложение Да Тенцинга переночевать в доме, где он остановился. С ним была его сестра, хорошенькая шерпани по имени Пасанг Дики. Втроем, спотыкаясь, подошли мы к дому и остановились на лестнице, ведущей наверх.

Пасанг Дики постелила мне постель и, став на колени, сняла с меня ботинки. Последний знак гостеприимства — она влила в меня три традиционных чашки ракши. Я заснул на мягкой постели. Такой ее делали облако ракши и преданность людей, чью дружбу начинаешь ценить больше, чем притягательную силу гор, среди которых они живут.

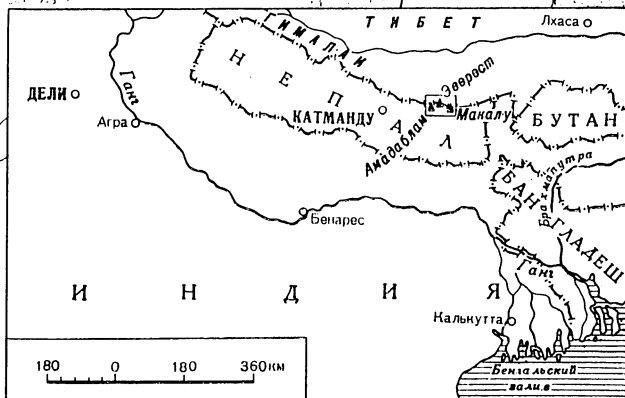
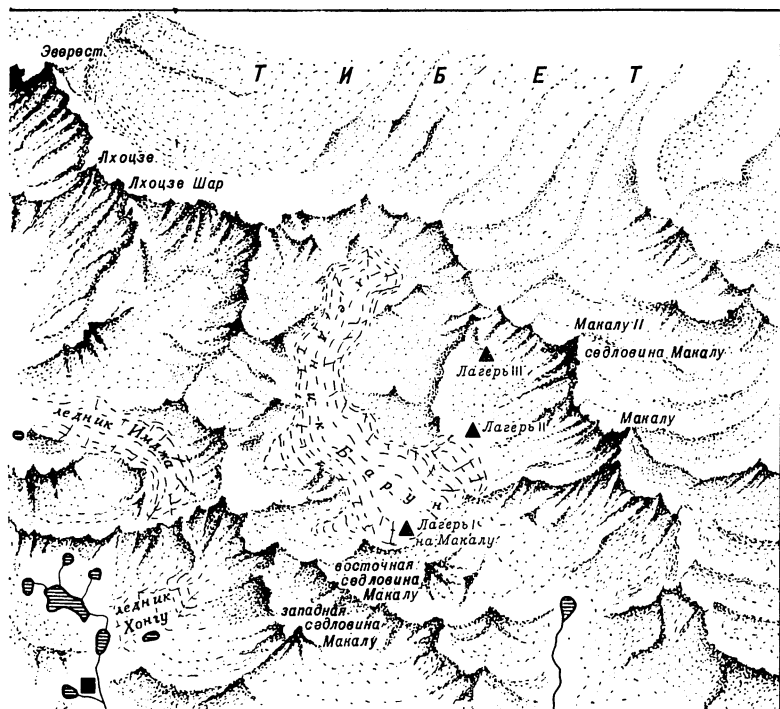
## ГЛАВА XI

### Гималайская зима

К середине декабря жизнь в долине Мингбо вошла в свое счастливое русло; группа разделилась на две: одна жила в базовом лагере в Мингбо на высоте 4560 мет-



Район действий экспедиции Э. Хиллари





ров, другая — в «Серебряной хижине» на высоте 5790 метров. В течение пяти с половиной месяцев люди усердно работали над общими научными проблемами.

Партия зимовщиков была сильной. В большинстве своем она состояла из альпинистов и горнолыжников, которые одновременно были физиологами и врачами. Вот ее состав: доктор Пью (начальник) из отделения физиологии человека Совета по медицинским исследованиям, Лондон; доктор Дж. С. Милледж (заместитель начальника) из больницы для легочных больных, Саутгемптон Чест; доктор М. П. Уорд из отделения хирургии лондонской больницы; доктор Дж. Б. Уэст из отделения органов дыхания Совета по медицинским исследованиям Британской школы усовершенствования врачей, Лондон; доктор С. Лахири из президентского колледжа, Калькуттский университет; М. Б. Джилл — студент-медик из университета Отаго, Новая Зеландия; капитан С. Б. Мотвани из медицинской службы индийской армии; Барри Бишоп из Национального географического общества — ответственный за гляциологические и метеорологические исследования; Уолли Ромейнс — ответственный за строительство и эксплуатацию построек, Новая Зеландия; капитан Т. О. Невисон из медицинской школы ВВС США, также участник группы физиологов (по семейным обстоятельствам он отсутствовал с января по март). Наконец, не следует забывать Ракпу. Его подарили экспедиции еще щенком, и он был самым подвижным участником экспедиции и быстрее всех акклиматизировался. К сожалению, его не приучили жить в доме.

Однажды в «Серебряной хижине» произошло знаменательное событие. В ту ночь Ракпа потерял друга. У собаки неожиданно случилось недержание, и надо же случиться такому, что в это время пес лежал на койке над головой Невисона. В момент несчастья Ракпу грубо вышвырнули через открытую дверь в помойную яму, но, несмотря ни на что, он оставался самым жизнерадостным и энергичным обитателем хижины.

Мы договорились, что все постараются добраться до «Серебряной хижины», чтобы там отпраздновать рождество. Пью и еще четыре человека из Мингбо в канун рождества пришли в «Зеленую хижину» (5330 метров). Им было совсем невесело — после длительного восхож-

дения они сильно устали и почти все страдали от головной боли. К утру, однако, они полностью выздоровели и восхищались восхождением, ледопадом и снежными полями ледника Мингбо. Воздух был чистый. Немного пригревало солнце. Недалеко от хижины они услышали рождественские песни — их пели пятеро обитателей, вышедшие навстречу гостям. Остаток утра они катались на лыжах. Потом ели рождественский обед — суп, жареного барашка и рождественский пудинг, за которыми последовали тосты и снова песни. Пели долго, до тех пор, пока не настало время возвращаться в нижнюю хижину.

Казалось, никто не страдал от нежелательных эффектов высоты, и даже горнолыжники были достаточно благоразумны. Спускаясь вниз по леднику, они навесили перильную веревку на опасном десятиметровом ледовом участке для удобства тех, кто шел в горнолыжных ботинках. Ступеньки, которые они увеличили и углубили утром, теперь наполнились водой — впечатляющее свидетельство силы гималайского солнца даже в середине зимы. К тому времени, когда они добрались до «Зеленой хижины», солнце уже село и стало очень холодно, поэтому они очень обрадовались, что добрались до своего убежища.

### **Организация питания и быта в хижине-лаборатории**

Одно из наиболее неприятных последствий пребывания на большой высоте — резкое ухудшение аппетита. Экспедиции предстояло еще долго оставаться в поле, поэтому мы никак не могли допустить потери веса и кондиции, что происходит обычно в результате продолжительной жизни на экспедиционной диете.

Мы очень внимательно подошли к выбору продуктов как для фазы штурма, так и для длительного периода проживания на большой высоте.

Питание основывалось главным образом на наиболее удачных гималайских и антарктических рационах, с рядом изменений и добавлений, чтобы сделать его разнообразнее и вкуснее. В этом нам очень помог новый способ обезвоживания, который называется лиофилизаци-

цией<sup>33</sup>. В результате получают продукты, которые восстанавливаются гораздо быстрее и обладают лучшим вкусом, чем полученные при традиционных методах сушки.

Таким образом, в нашем распоряжении были бифштексы, бараньи отбивные, рубленая говядина, жареные цыплята, ветчина, ломтики говядины, тушеное мясо с овощами, креветки и говяжья тушенка. У нас имелись также обработанные этим методом овощи — зеленая фасоль, морковь, цветная и брюссельская капуста, горошек, нарезанная свекла и ягоды — малина, черная смородина, а также фрукты — яблоки и сливы.

Вечная проблема для любой экспедиции — прогорклое масло и растаявший шоколад. Ведь эти продукты транспортируют, не замораживая, через тропики. На этот раз масло, шоколад и сыр отправили в рефрижераторе на судне из Новой Зеландии в Калькутту. Там груз держали в холодильнике, а затем самолетом переправили в Катманду. Начиная от Катманду температуры были уже вполне приемлемыми, и все продукты прекрасно сохранились. Мы также старались покупать местные продукты, чтобы ими как-то дополнить и улучшить наш рацион. Нам удавалось доставать немного яиц, мяса — яков, баранины, риса, муки, цампы и картофеля.

Для такой экспедиции, как наша, требовалось большое количество продуктов. У нас было около 380 килограммов консервированных фруктов, 150 килограммов бекона, более 400 килограммов масла, около 380 килограммов шоколада, 1120 килограммов сахара. Мы еще кормили и наших шерпов, и, хотя для них мы покупали в основном местные продукты, однако снабжали их сублимированным мясом, маслом, шоколадом, чаем, сахаром, сухим молоком. Мы разработали специальный штурмовой рацион для использования на больших высотах. Продукты упаковывались в вакууме в количестве двух суточных человеко-рационов. Таким образом, дневная норма состояла из:

115 г сублимированного тушеного мяса

42,5 г сублимированных фруктов

---

<sup>33</sup> Речь идет о получившем широкое применение в пищевой промышленности методе лиофилизации — удалении воды из продуктов в глубоком вакууме; этот способ особенно эффективен при низких температурах.

56 г овсяных хлопьев  
56 г сухого молока (порошковое молоко)  
30 г масла  
255 г сахара  
85 г бисквита  
15 г супа  
30 г сыра  
30 г джема  
30 г конфет (леденцов)  
30 г изюма  
56 г лимонного порошка с глюкозой  
15 г чая  
25 г молочного шоколада  
7 г соли.

Сюда входили также:

10 листов туалетной бумаги

1 коробок спичек

1 укрепленное лезвие для разрезания оберток и т. д.

Я провел декабрь в Америке и Европе с Кхунью Чумби и «скальпом йети» и вновь прибыл в лагерь Мингбо 5 января, на этот раз на вертолете, чтобы вернуть скальп в деревню Кхумджунг. Мне очень хотелось знать, как идут дела у зимовочной партии, и убедиться, что у них все в порядке. Я был в известной степени удивлен, ведь каждый начальник экспедиции убежден, что в его отсутствие все развалилось.

Лагерь Мингбо стал довольно большим. Палатки были поставлены в снегу, на прекрасном пастбище для яков, среди больших груд моренных камней; ровная земля разделена на небольшие участки каменными стенками. Здесь же расположились несколько сложенных из камней хижин, которыми шерпы пользовались только летом. Экспедиция сняла эти строения под склады и столовую.

В мое отсутствие хижину-столовую благоустроили. На крышу из можжевельных веток и плоских камней положили кусок пластика для защиты от тающего снега, сделали верхний люк, чтобы в хижину проникал свет, щели в стенах замазали грязью, внутренние, черные от дыма стены покрасили светло-серой краской — такой красят буддийские монастыри. Стол соорудили вокруг поддерживающего крышу столба; на пол положили шкуры яков, принесли складные стулья из холста на

алюминиевом каркасе. Когда в очаге из листового железа горел огонь, в хижине становилось тепло и уютно, даже если на улице бушевал буран.

Под лабораторию Уолли Ромейнс приспособил одну из шестнадцатиместных арктических куполообразных палаток, поставленную на стенах высотой шестьдесят сантиметров так, чтобы получилось дополнительное пространство над головой. Ромейнс установил там два чудесных лабораторных стола. Днем, когда солнце давало достаточно тепла и света, условия для работы были превосходные. Воды было довольно мало. В ноябре мы соорудили несколько дамб на небольшом ручье рядом с лагерем, и там образовались некоторые запасы воды, но теперь все полностью замерзло, а снег, который лежал вокруг в сугробах, был слишком грязный, чтобы его растапливать. Приходилось часто ходить за сто пятьдесят метров вниз, к реке Мингбо, для чего каждый день выделялись шерпы. Мылись в сауне. Она была введена, как записал Десмонд, в начале экспедиции Томом Невисоном в нижнем лагере. Сначала баня представляла собой грудку камней, окруженную листьями пластмассы, а затем превратилась в прекрасное каменное сооружение с деревянными скамьями и пирамидой из круглых больших камней, под которыми горел огонь.

За три или четыре часа до мытья мы разжигали огонь и сильно нагревали сложенные в пирамиду камни. Затем огонь тушили; купальщики раздевались и входили в сауну, неся с собой кружки с холодной водой. Они рассаживались вокруг камней и брызгали на них водой; получалось огромное количество пара. Скоро становилось жарко, и наступало интенсивное потоотделение, поэтому требовалось очень немного воды, чтобы намылиться и смыть накопленную за неделю грязь. После примерно часового сеанса все выходили на морозный воздух, растирались полотенцами, одевались и чувствовали себя чудесно обновленными.

### **Эксперименты в зимнюю погоду**

Я покинул Мингбо с уверенностью, что научная программа в хороших руках и результаты работы будут весьма ценными. После моего отъезда наступил период

зимних бурь. Доктор Пью убедился, что работать в нижнем лагере становится все труднее из-за холода и свирепых ветров. Ввиду ухудшающихся условий он решил перевести большую часть партии в «Серебряную хижину», где она совершенно не зависела от погодных условий, по крайней мере в отношении научной работы. К тому времени все уже хорошо акклиматизировались. Казалось, путь между «Серебряной хижинкой» и Мингбо скорее всего останется открытым; любой человек, которому будет слишком трудно на большой высоте, всегда сможет вернуться и продолжить работу в базовом лагере.

На деле же те, кто жил в «Серебряной хижине», нашли ее столь удобной, что не выражали никакого желания спуститься вниз, в более примитивные условия, и хижина оставалась заселенной в течение последующих трех месяцев.

Жизнь на высоте 5790 метров довольно скоро потекла своим чередом. Хижина была расположена на краю обширного снежного поля, примерно в полтора километра длиной и четыреста метров шириной. Поле плавно опускалось на покрытый трещинами участок и относительно мало активный ледопад. Снежное поле окружало хижину с трех сторон; с четвертой, ледяной, утес резко уходил вниз к серии обрывов высотой девятьсот метров, у подножия которых лежала другая часть сложной системы ледника Мингбо. Рядом с хижинкой была неглубокая впадина — частично заполненная снегом трещина. В ее стенках можно было выкапывать пещеры для различных целей; здесь же стояли палатки, как для лабораторной работы, так и для тех, кто предпочитал особое уединение с ночевкой под открытым небом.

Изнутри хижина была разделена на лабораторное помещение с одной стороны и восемь отсеков для кроватей — с другой. Большая керосиновая печь служила границей. Она не всегда работала хорошо, но с неизменным успехом выполняла основную функцию обогрева хижины. Действительно, иногда люди просыпались среди ночи от тропической жары. Наиболее подходящей для работы одеждой обычно были легкие туфли, пижамные брюки и сетчатая майка.

Для большей части лабораторного оборудования требовалось электрическое питание; источником его служи-

ли два двенадцативольтовых блока никелевых аккумуляторов, которые заряжались от ветряного генератора или, в безветренные дни, от бензинового мотора. Все это давало также неоценимую роскошь электрического освещения. Готовили и убирали в доме двое или трое постоянных шерпов. Сначала они готовили в доме, но затем переместились в большую куполообразную палатку, которая стояла поодаль, когда в хижине стало теснее и обнаружилось, что при горении примусов концентрация ядовитого угарного газа в помещении повышается до опасных пределов.

«Серебряная хижина» была прекрасно оборудованной лабораторией, большая часть аппаратуры состояла из самых лучших образцов; общая ее стоимость составляла много тысяч долларов. В связи с практическими трудностями эксперименты проводились не на поднимающемся по склону альпинисте, а в лабораторных условиях, когда испытуемый выполнял работу в хижине на стационарном велоэргометре.

При различной силе трения на колесе можно было заставить каждую «жертву» выполнять точно измеряемый объем работы. Брались пробы и делались различные измерения. Например, когда испытуемый работал на скорости, примерно равной спокойному подъему по снежному склону, выдыхаемый им воздух через клапан поступал в специальный мешок; из вены у него брали пробы крови для анализа ее газового состава; измеряли пульс, частоту дыхания, минутный объем крови, кровяное давление, диффузионную способность легких и т. д. Такие эксперименты можно точно повторять с месячными интервалами и определять таким образом степень изменений.

Проводились и другие многочисленные эксперименты, охватывающие большинство основных функций организма, — этого было более чем достаточно, чтобы занять ученых полностью во все время их пребывания здесь.

В конце дня, когда восточные склоны Амадаблама погружалась в тень, все брали лыжи и начинали медленно скользить вниз по фирновым полям к ледопаду; лыжня проходила между трещинами и утесами и заканчивалась на просторной площадке над последним ледовым склоном. А вечером после плотного ужина, сдоб-

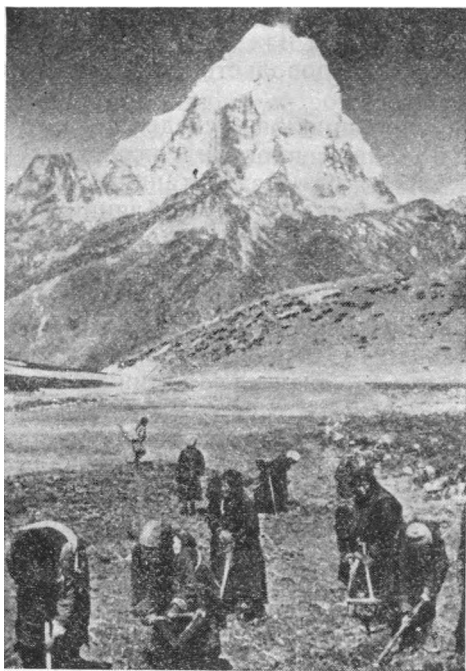
ренного виски, присланным друзьями членов экспедиции из Катманду, все сидели или лежали на койках, читали, писали письма или с удовольствием беседовали о дальних далях.

Барри Бишоп, гляциолог экспедиции (ему умело помогал Уолли Ромейнс), проводил исследования движения ледника Мингбо, баланса питания ледника снегопадами, лавинами и осадками и его абляции путем таяния и испарения. Ценная информация о недавней климатической «истории» региона была получена при изучении залегания слоев (стратификации) ледникового снега и льда с помощью шурфов и бурения. Срез ледника обнажался в стенках некоторых огромных трещин; различались сезонные наслоения, напоминающие годовичные кольца дерева. В течение всей зимы трижды в день снимались показания метеорологических приборов. Бишоп произвел съемку всей долины Мингбо — для картографических и гляциологических целей.

Невозможно находиться в районе Кхумбу и не обратить внимания на тяжелое положение тибетских беженцев, большинству из которых с большим трудом удалось покинуть свою страну. Международный Красный Крест стремился помочь беженцам. Для этих целей был приобретен небольшой самолет, который мог не только летать на больших высотах, но и приземляться на крошечной посадочной полосе. Представители Международного Красного Креста собирались построить взлетно-посадочную полосу в районе Кхумбу. Их интересовало, какой район мне кажется для этого подходящим. Я вспомнил о длинном склоне в небольшой долине над Мингбо — единственном месте, которое пришло мне на ум. После этого было решено вместе работать на строительстве взлетно-посадочной полосы.

Международный Красный Крест хотел, чтобы там работали беженцы — за небольшую плату, так как они должны были получать еще значительную помощь продовольствием, но я знал, что это вызовет сильную обиду у шерпов. Ведь они также нуждались в работе. К тому же их экономика была ослаблена потоком беженцев и прекращением торговли с Тибетом. Поэтому я предложил нанять в качестве рабочей силы шерпов из моей экспедиции. Они будут выполнять эту работу за обычную плату. В свою очередь, мы хотели использовать са-





На строительстве взлетно-посадочной  
полосы. Вдали гора Тавече

молет Международного Красного Креста для транспортировки людей и оборудования.

Доктор Пью отправил группу выравнивать площадку на высоте 4560 метров. Они срубали смерзшиеся бугры травы со снегом, засыпали большие ямы и откатывали в сторону крупные валуны. Иногда из-за снегопадов им трудно было работать, но снег редко лежал долго, если снова из-за туч появлялось солнце. Когда расчистили полосу длиной триста шестьдесят пять метров, на ней впервые приземлился самолет. Правда, во время посадки у него сломалось хвостовое колесо. В результате визит непредвиденно затянулся. Пришлось несколько дней ремонтировать самолет, пока он наконец смог снова подняться в воздух. Строительные работы на взлетно-посадочной полосе продолжались несколько месяцев и

закончились после моего возвращения в Мингбо. В конце концов взлетно-посадочная полоса увеличилась до четырехсот шестидесяти метров. Одновременно улучшилось и ее качество.

На том конце полосы, где самолет при взлете отрывался от грунта, лежали два огромных валуна, весом примерно по двадцать тонн каждый. Они возвышались почти на два метра над землей. Взрывчатки у нас не было, а с кувалдой там делать было нечего. Эту проблему решили наши шерпы с большой изобретательностью. Возле каждого валуна они вырыли по огромной яме. Затем с помощью длинных тяжелых шестов, которые служили рычагами, столкнули валуны в эти ямы. За работу мы заплатили всего семь тысяч рупий (540 фунтов стерлингов). Возможно, эта высокогорная полоса — самая дешевая в мире. Ни на одной из стадий постройки взлетно-посадочную полосу не одобрили бы представители гражданской авиации, но благодаря искусству и опыту капитана Шребера, пилота Международного Красного Креста, сюда переправлялось большое количество продовольствия для беженцев, а мы, в свою очередь, получили значительную помощь в быстрой доставке людей, научного оборудования, а затем и самого дома.

Стояла менее суровая зима, чем мы ожидали. Часто дули сильные ветры. Температура воздуха была довольно низкой. Случались бури. Но небо редко затягивалось тучами. Ярко светило солнце. Это напомнило мне мой опыт зимовки в Антарктиде, когда, несмотря на низкие температуры и ветер, погода была более устойчивой, чем в любое другое время года. За эти месяцы выпало едва ли тридцать сантиметров снега. Стало очевидным, что ледники Гималаев, по крайней мере в этом районе, питаются скорее влажным снегом муссонов, чем зимней снежной пылью.

Что касается научной работы, то период зимовки наверняка был для наших ученых самым плодотворным за все время экспедиции. В своем распоряжении они имели надежное помещение и припасы, поэтому могли сосредоточить время и силы на научных изысканиях.

## «Страшный зуб» Амадаблама

Пожалуй, в мире мало мест прекрасней, чем тропа от Намче-Базара до Тьянгбоче. В узких ущельях далеко внизу пенятся реки. Горы поросли густым лесом. Местами крутые склоны обрываются отвесными скалами, острыми утесами. Виднеются альпийские луга. Над всем этим великолепием возвышаются пики массива Кхумбу — мощные, покрытые льдом склоны, величественные скальные бастионы, острые, как бритва, зазубренные ледяные гребни, тянущиеся вверх, к огромным вершинам.

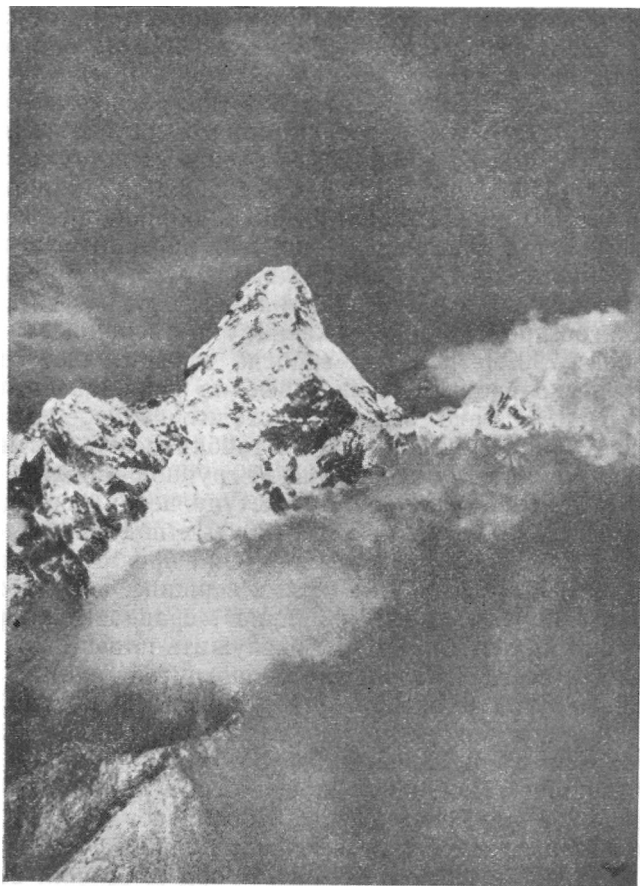
Кангтега, Тавече, Тамсерку и Амадаблам — эти названия будят в памяти картины столь тяжелого восхождения, что так и хочется назвать его невероятным. Человек, будь он даже самым смелым и решительным, не может не спасовать перед этими страшными ледяными стенами и громадными бастионами.

Наиболее живописный из них — Амадаблам: колоссальный монолит из скалы и льда, по форме напоминающий огромный зуб. Первое впечатление, которое он производит, — невероятность его существования.

— Это неправда! Не может быть, чтобы он существовал на самом деле! — воскликнул один из участников нашей экспедиции, когда в 1951 году мы впервые увидели эту гору. Даже после того, как в альпинистских изданиях было опубликовано множество фотографий Амадаблама, каждый, кто впервые смотрел на него, испытывал шоковое состояние.

Ама на языке шерпов значит «мать», дабланг — «медальон». Когда идешь в Кхумбу, то можешь видеть, как простираются изящные скальные гребни («руки» Амадаблама). Они словно хотят обнять крошечные деревеньки и пастбища, лежащие у его подножия. На груди у него сияет ледяной дабланг. Каждый участник экспедиций, попадающий в этот район, смотрел на пик горящими глазами, но лишь у немногих хватило смелости посягнуть на его девственные склоны.

Шерпы рассказали нам о небольшой разведывательной партии, которая пришла сюда в 1955 году. Она начала свой путь на скалах южного гребня (Мингбо).



Амадаблам

В 1958 году Каннингхэм, участник английской экспедиции Альфа Грегори, установил на том же гребне два лагеря и достиг высоты 5928 метров, но у нависающего участка маршрута круто повернул назад.

В 1959 году была предпринята новая решительная попытка, которая окончилась трагически. Харриса и Фрейзера, двух лучших альпинистов Англии, видели на северном гребне на высоте 6380 метров; этой высоты они

достигли после многих дней чрезвычайно трудного восхождения. Они скрылись в тучах, и больше никто никогда их не видел.

Наши лагеря в долине Мингбо были расположены на южной стороне горы; гребень Мингбо спускался вниз к высокогорным пастбищам и моренам между базовым лагерем (4560 метров) и «Серебряной хижиной» (5790 метров). Взоры наши невольно обращались вверх, на Амадаблам, в безнадежной попытке найти хотя бы одну брешь в его броне. Поскольку партия зимовщиков изучила Амадаблам, они пришли к выводу, что по гребню Мингбо пролегает возможный путь к вершине.

Ниже 5790 метров этот гребень представляет собой просто несколько каменных глыб на широкой каменистой осыпи. Однако выше происходит сильное изменение: зазубренное лезвие самого гребня резко взмывает на фоне окрестных склонов целой группой мощных ступеней к огромному ледяному выступу перед последним снежным склоном. Два самых крутых подъема мы называли «первая и вторая ступени». Они представляли собой серьезную преграду на пути к вершине. У подножия «первого» подъема была «впадина», сравнительно ровный участок, который мог бы послужить площадкой для лагеря (ее всегда сложно найти на крутой горе). Ниже «впадины» угол наклона горы уменьшался, но гребень казался таким тонким, что он мог бы стать непреодолимым барьером при переноске грузов.

Участники зимовки прилагали все усилия, чтобы оставаться в форме на высоте 5790 метров. Однако научная программа была весьма насыщенной, и на альпинизм оставалось времени мало. Уорд и Джилл взяли выходной, чтобы штурмовать живописный пик южнее «Серебряной хижины». Сильная группа альпинистов на лыжах спустилась с седловины Амадаблам в долину Хонгу и вернулась назад в Мингбо через южную седловину.

Амадаблам продолжал оставаться постоянным вызовом для альпинистов. Каждый раз, когда они смотрели вверх, желание поближе познакомиться с вершиной возрастало. К середине февраля научная программа была большей частью выполнена, и доктор Пью решил, что теперь можно выделить время на штурм горы. Майк Уорд должен был возглавить группу из четырех человек.

18 февраля Уолли Ромейнс и Пемба Тенцинг вышли на разведку. С собой они взяли снаряжение для легкого лагеря, еды на два дня и рацию, которую в течение последующего месяца использовали для связи с «Серебряной хижинкой». Остальные зимовщики с интересом наблюдали за их продвижением в большую подозрительную трубу, установленную возле «Серебряной хижинки».

С высоты Лагерь 1 казался ярким желтым пятном на покрытых валунами склонах. На следующий день две крошечные фигурки отделились от лагеря и стали медленно продвигаться вверх. Их силуэты виднелись на фоне огромного неба и горы. По тому, как продвигались вперед альпинисты, наблюдатели заключили, что по крайней мере нижние скалы для штурма не были чрезмерно трудными. Вечером Ромейнс по радио рассказал об их подъеме. Так мы узнали, что на высоте 5930 метров их неожиданно остановила двадцатипятиметровая стенка с нависающим карнизом, обойти которую оказалось невозможно. Вероятно, это та высшая точка, которую удалось достичь Каннингхэму три года назад. Ромейнс сообщил, что у подножия крутого участка они обнаружили прекрасную площадку для Лагеря 2. В общем, начало было довольно обнадеживающим.

В «Серебряной хижине» энтузиазм все возрастал, и к вечеру из пещеры, вырытой в снегу, достали альпинистское снаряжение. Рассортировали крючья, проверили веревочные лестницы, разматывали бухты веревок из манильской пеньки. На долю Майка Уорда и Барри Бишопы выпала задача установить Лагерь 2. Им также придется штурмовать стенку. Нескольким шерпам предстояло нести грузы для Лагеря 2, хотя никто из альпинистов не собирался там ночевать. На следующее утро из лагеря вышла хорошо экипированная группа. Погода стояла прекрасная, небо было безоблачное. К счастью, такими деньками экспедиция наслаждалась еще целый месяц.

Лагерь 2 был расположен превосходно. Примерно через час после тяжелого подъема по скалам нижнего хребта начинался широкий уступ, ведущий в сторону «Серебряной хижинки». Здесь восходители обнаружили прилепившуюся к хребту огромную глыбу льда. Она казалась гигантской ракушкой. Места для палаток на ней хватало, и они устроились в защищенном от ветра углуб-

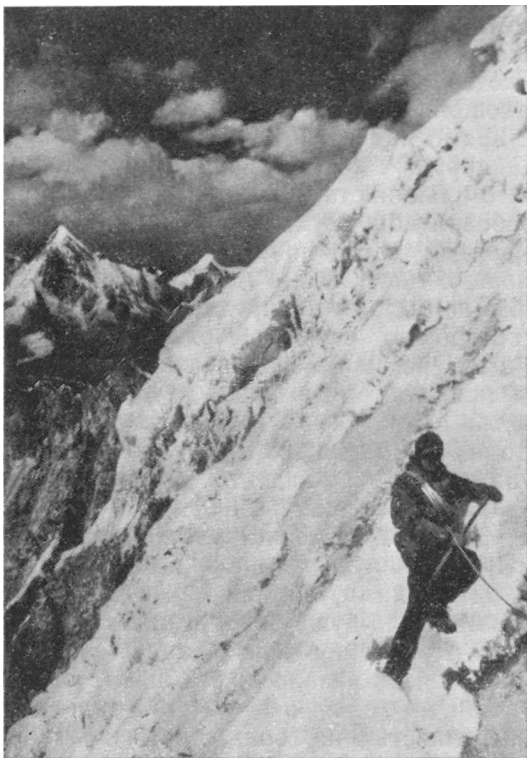
лении в скале. Над головами альпинистов возвышалась стена — следующая часть пути. Позднее мы уже легко спускались по двойной веревке, но к живописно расположенной площадке так и не смогли привыкнуть.

В лучах заходящего солнца на выступе скалы показались две фигуры. Они по очереди плавно скользили по веревке вниз, к нижним уступам и лагерю. Восхождение на этом участке — настоящий подвиг Уорда и Бишопа. Полтора дня при помощи двадцати крючьев они с трудом прокладывали путь вверх по узким расселинам и гладким скалам. Лазание с применением искусственных точек опоры — на этой высоте процедура изматывающая. Здесь при длительном мышечном напряжении из-за нехватки кислорода человек начинает задыхаться. Наконец-то они вступили на легкий верхний участок и закрепили там длинную веревочную лестницу — первое основное препятствие при восхождении осталось позади. Теперь можно было переходить к следующему.

## Подъем

Тем временем в «Зеленой хижине» Ромейнс набрался сил и стал третьим обитателем Лагеря 2, готовым на следующей день сделать первые шаги. На расстоянии примерно шести веревок за лестницей находилась впадина, а за ней — крутой ледяной склон, ведущий к основанию «первой ступени», которая на протяжении первых тридцати метров подъема представляла собой гладкую вертикальную стенку.

Часто описывают вертикальные стены, но редко встречаются настоящие отвесные, чтобы навешенная сверху веревка свободно висела, однако эта стенка была именно такой. Монолитность скалы нарушалась только в одном месте широкой трещиной по ее центру. Отсюда группа поднялась вверх. Подъем потребовал от Бишопа, Ромейнса и Уорда блестящей техники лазания — с широким использованием стремян, крючьев, двойных веревок и другого альпинистского снаряжения. Два дня труда — и эта ступень была преодолена, а вторая лестница навешена. Затем они прошли девяностометровый скальный участок. Маршрут все еще продолжал оставаться довольно крутым, но не отвесным, следовательно более легким. Это была единственная часть



Шерп поднимает  
двадцативосьмикилограммовый груз  
на седловину Амадаблам

пути, открытая порывистым ветрам из долины Мингбо, но даже тут яркое солнце смягчало зимний холод.

Когда группа спустилась к вечеру в Лагерь 2, она нашла там Майка Джилла. Вот что он рассказал нам:

«Я поднялся в Лагерь 2 в то время, когда сложные участки маршрута уже были пройдены другими. На меня огромное впечатление произвела верхняя часть горы, которая была мне видна. Между нами и гигантским ледяным даблангом, где мы рассчитывали расположить последний лагерь, была только „вторая ступень“. Кажется, Ромейнс оставался в хорошей форме и готов был на следующий день выйти со мной.



За самой высокой точкой, достигнутой накануне, нам встретился участок удивительно рыхлого, пористого льда, в котором мы тщательно вырубili ступени. Затем мы остановились, чтобы рассмотреть следующие альтернативы: прямо над нами был прекрасный крутой скальный „жандарм“<sup>34</sup>, который у нас на родине порадовал бы любого альпиниста, но здесь, на высоте 6100 метров, он потребовал бы двух дней работы; вторая возможность — подъем слева по желобу<sup>35</sup> из рыхлого льда, напомнившего мне Южные Альпы Новой Зеландии. Выбора у нас не было, и мы предпочли путь по желобу.

Мы осторожно ступали с одного шаткого камня на другой, с интересом наблюдая, как самые неустойчивые обломки скал улетали в бездну, туда, где кончался желоб. Быстро пролетало время, пока мы добирались до снежного ребра на другой стороне, но теперь путь к гребню над нами был ясно виден, и „вторая ступень“ уже не представляла проблемы.

Уорд, Бишоп и Ромейнс чувствовали, что им нужно вернуться в „Зеленую хижину“ и отдохнуть. Вовсе не хотелось идти с ними, так как я уже привык к Лагерю 2 и мне весьма не по душе были длинные подходы по осыпям вниз. До сих пор мы обходились в Лагере 2 без шерпов, но теперь казалось, что нам стоит прибегнуть к их помощи, — мысль о том, что придется перенести Лагерь 3 полностью на своих собственных плечах, способна была вызвать уныние даже среди самых самостоятельных из нас. В конце концов к нам поднялись Пемба Тенцинг и Гуми Дорджи, веселые ребята, особенно Пемба Тенцинг — он очень любил петь. Когда они поближе рассмотрели лестницу — она зловеще нависала над лагерем, — настроение у них сразу же испортилось. Они поняли, что им тоже придется по ней взбираться. Оба дружно согласились, что этот путь очень плох. К счастью, Гуми быстро привык к этой мысли и полез вверх. Вскоре и бледное, потное, но исполненное мрачной решимости лицо Пембы Тенцинга тоже появилось вслед за Гуми. Теперь мы могли надеяться на их помощь — во всяком случае, во „впадине“.

Остальные вернулись сюда через четыре дня отдохнувшими и готовыми приступить к последнему штурму.

<sup>34</sup> «Ж а н д а р м» — отдельно стоящая скала в гребне.

<sup>35</sup> Ж е л о б — узкая и неглубокая ложбина.

В целом план сводился к установке хорошо снабженного всем необходимым лагеря на дабланге, но его детали вызвали длительную дискуссию. Долго обсуждалось, стоит ли брать с собой палатки или лучше ночевать в снежной пещере, число (двое или четверо) участников штурмовой группы, понадобится ли помощь шерпов и сколько дней идти от последнего лагеря до вершины. В конце концов мы отложили решение основных вопросов на некоторое время, а Лагерь 3 наметили устроить во „впадине“, до которой, по всей вероятности, было всего шестьсот десять метров, однако на преодоление их ежедневно уходило часа два.

Лагерь 3 тоже располагал к праздности — три скальные площадки собирали все тепло солнца. Мы смотрели вниз и видели „Серебряную хижину“ (она теперь была далеко под нами). Фигурка шерпа издала казалась черной точкой. Иногда она передвигалась по леднику. Сахиб в отличие от шерпа двигался медленнее. Часто в поле зрения попадал какой-нибудь горнолыжник — мы видели, как он быстро и грациозно спускался вниз.

Наступило 8 марта. Прошли почти три недели после разведки, которую сделал Ромейнс. Предстояло еще проложить путь до Лагеря 4, и мы занимались этим следующие два дня. Один день ушел на заброску грузов — по двадцать семь килограммов продуктов и снаряжения, причем сахибы, к великому „огорчению“ шерпов, носили все сами. 11 марта начался штурм вершины.

Я хотел бы забыть этот день, если бы мог, — день непрерывающейся борьбы с тем, что Тильман называет „ноги альпиниста“, нежеланием переставлять ноги. За „второй ступенью“ гребень был легкодоступным, его составляли скалы и странной формы снег — тут поработал ветер. Гребень вел через трехметровую ледовую стенку к широкой открытой снежной полке, где должен был расположиться наш лагерь. Мы не несли с собой палаток отчасти потому, что снег казался подходящим для рытья пещеры, и отчасти потому, что в любом случае не могли бы унести лишние восемнадцать килограммов. Наш первый проект, иглу<sup>36</sup>, нас мало радовал. Даже

---

<sup>36</sup> Иглу — жилище эскимосов в виде полусферического купола, складываемое из глыб снега; иногда применяется альпинистами вместо палатки для укрытия от непогоды.

оптимист вряд ли мог увидеть в жалких, осыпающихся стенах тот великолепный купол, который мы представляли. Это все-таки должна была быть снежная пещера.

Компенсацией за наши труды (мы копали несколько оставшихся часов светлого времени и далеко затемно) был спокойный отдых с чистой совестью на самой прекрасной площадке в горах, какую я только знал. По-другому смотрели мы на давно уже знакомую линию гор на фоне неба: на ужасные пропасти Кангтеги, острые пики Менлунгце (по словам шерпов, там обитают йети), массив Донгирагутао, возвышающийся к северу от Таши Лапча, Карджолунгу и Нумбур (их гребни мы видели из „Серебряной хижины“ на закате, когда ловили последние лучи заходящего солнца). Мы спокойно наблюдали, как вокруг нас сгущалась темнота. Она казалась прозрачной. Небо было ясным, ветер утих. Если на Амадаблеме действительно живут боги, то они, кажется, покровительствовали нам. Мы сытно поужинали и после полуночи крепко заснули.

На следующий день у нас не было особого желания работать. Вершина могла подождать денек, а мы бы за это время обработали нижнюю часть пути, улучшили пещеру и, что важнее всего, отдохнули и восстановили силы. Перед нами возвышалась вершинная пирамида. Гребень Мингбо уже не был так отчетливо выражен и стал просто углом между двумя склонами: один — крутая, чисто скальная стена, обращенная к „Серебряной хижине“, другой, более отлогий, — тот снежный склон, который виден из Кхумджунга и Тьянгбоче. На полпути к вершине маршрут пересекала цепь ледяных утесов, которые угрожали всей нижней части склона, за исключением самого крайнего участка справа. Мы подумали, что только недостаток времени может помешать достижению вершины. В первый день в Лагере 4 Ромейнс и Уорд (эта связка находилась в наилучшей форме) отлично поработали на нижнем участке — вырубили ступени, навесили веревку и тем самым существенно улучшили наше положение перед штурмом вершины.

### «Я умру»

13 марта, в день штурма, мы вышли из лагеря еще до восьми часов утра. По умеренно сложной части маршрута мы двигались уверенно. На пути нам встретились

несколько участков льда и трудных скальных крутых участков. Там, где ледяные утесы, казалось, преграждали нам путь, опасная полоса скал позволила миновать их и выйти на открытый снежный гребень. Это было примерно на полпути, то есть там, куда нам удалось добраться вчера.

Выше склон прорезали громадные ребра<sup>37</sup>, и мы решили подниматься по самому большому из них. Сначала нам встретился лед, но по мере того, как мы приближались к скальному выходу, который отчетливо выделялся на нашем ребре, он уступил место плотному снегу. Там мы отдохнули.

В 12 часов 30 минут две трети дневного пути были уже позади. От вершины нас отделял только легкий снежный гребень. С растущим нетерпением мы двигались настолько быстро, насколько позволял разреженный воздух, карабкаясь и вырубая ступени в снегу, выходя снова и снова на всю длину веревки.

В 14 часов 30 минут мы ступили на вершину, которая оказалась не лезвием льда, как мы предполагали, а обширным плато, прорезанным узкой трещиной. Перед нами впереди возвышался Эверест, его уже больше не закрывала стена Лхоцзе-Нупцзе, и он впервые доминировал над всем фантастическим пейзажем.

Справа от него стояла Макалу, с изящными пропорциями, несмотря на свою массивность; а посередине до самого горизонта просматривались округлые коричневые холмы. Луч света, пробивающийся сквозь тучи, играл на снегах далеко в Тибете.

Перед тем как начать спуск по гребню Мингбо, мы обследовали северный гребень, по которому Харрис и Фрейзер совершили свое последнее восхождение. Мы ужаснулись крутизне последнего ледового гребня и суровости острых, как нож, скал под ним. Почему они выбрали этот маршрут, недоумевали мы.

Спуск можно было осуществить быстро. Мы двигались по одному. Однообразие прерывалось беспокойством и облегчением в те моменты, когда мы приближались к трудным участкам, а затем преодолевали их. Мы с удовольствием присоединились к шерпам в Лагере 3.

---

<sup>37</sup> Ребро — короткий гребень вершинной части горы.

Они обрадовались нам и стали потчевать крепким горячим чаем из больших кружек.

— Отлично! Очень хорошая вершина, сахибы!

Между Лагерем 3 и 2 Ромейнс сконструировал навесную веревочную дорогу, по которой мы быстро спустили все грузы. В Лагере 2 нас встретили два шерпа из „Зеленой хижины“. Сахибы взвалили на плечи по восемнадцать килограммов груза, а шерпы — от двадцати семи до тридцати шести килограммов каждый, лишь бы не возвращаться сюда снова на следующий день. Последняя трудность осталась позади; напряжение спало, и вечером мы уже было собрались отдохнуть в Мингбо.

Но этому не суждено было сбыться. На расстоянии двух веревок вниз по гребню мы увидели шерпов, которые под руки поддерживали Гуми Дорджи. Он испытывал острую боль и был сильно испуган.

— Сломана, сахиб, я умру... — твердил он в отчаянии.

Мы посмотрели на ногу и увидели, что она беспомощно висела — поперечный перелом. Он встал на неустойчиво лежащий обломок скалы, который под весом его тяжелого рюкзака сдвинулся с места и сломал ему ногу.

Какое несчастье! Почему это должно было случиться именно тогда, когда до лагеря оставался какой-то час ходьбы? Как, каким образом мы будем спускать его вниз по этому хаотическому лабиринту трещин, каминов<sup>38</sup> и желобов, который преграждал нам путь вниз? С раненым на руках спуск усложнялся.

Однако у нас не было времени размышлять над тем, что нам изменила удача. Нужно было действовать, выработать какой-то план. Уорд наложил на ногу шину из ледоруба и кусков картонной коробки из-под продуктов и сделал инъекцию морфия. Пришлось признать, что шерпы не смогут перенести Гуми Дорджи через скалу, поскольку им это трудно было даже с обычным грузом.

Мы разработали систему, при которой мы с Уордом поочередно то несли раненого, то помогали нести. Ромейнс двигался чуть выше, чтобы при помощи страховки по возможности обеспечивать вертикальное положение несущему пострадавшего. Тем временем Бишоп ру-

---

<sup>38</sup> Камины — широкая, вмещающая в себя альпиниста расщелина в скале, идущая вертикально или наклонно.

ководил шерпами, которые двигались с ценными грузами. Мы шли страшно медленно. Нужно было обладать силой шерпа и опытом скалолаза, чего не скажешь о наших носильщиках. Прошло часа четыре, а мы все еще оставались на полпути вниз. Низко нависли холодные тучи. Вскоре пошел снег.

В беспокойстве оглядывались мы по сторонам в надежде найти подходящую площадку хотя бы для палатки. Наконец внизу, метрах в тридцати, мы увидели покрытый обломками выступ. Он станет площадкой, дальше внизу можно будет устроить еще одну в небольшой впадине, наполовину заполненной валунами. Бесшумными хлопьями падал на скалу снег. В сумерках мы сооружали временный лагерь, чтобы провести там томительную ночь. К тому же еды и топлива у нас было мало.

Хотя утром небо было ясное, мы не могли рано отправиться в путь из-за снега. Он стоял со скал только днем. К тому же пришлось маятником траверсировать крутые гладкие плиты, но когда мы снова вышли на гребень, то пошли быстрее. Наконец самое худшее осталось позади, и эстафету могли принять шерпы. По радио мы сообщили в „Серебряную хижину“ о наших бедах, и к нам навстречу отправили еду, топливо и дополнительных носильщиков. Но снова небо заволокли тучи и повалил снег. Стало труднее нести пострадавшего по усеянными камнями склонам. Пришлось разбить еще один временный лагерь.

Следующий день был для нас последним на Амадаблеме. На безоблачном небе снова сияло солнце, снег скоро растаял, и мы знали, что в тот день доберемся до лагеря Мингбо. Было 18 марта. Прошел ровно месяц после первого дня разведки».

## ГЛАВА XIII

### Через Хонгу

В Катманду я вернулся в феврале 1961 года с большим количеством продовольствия и снаряжения для пополнения запасов в долине Мингбо и подготовки к восхождению на Макалу. Со мной прибыли Лей Ортэнбер-

гер из Калифорнии и Джон Харрисон из Новой Зеландии — опытные альпинисты с отличными послужными списками восхождений в Андах и Гималаях. Их приезд — часть моей политики: необходимы были свежие силы в случае, если длительное пребывание на высоте плохо отразится на состоянии остальных участников экспедиции. Меня интересовало, как новые члены экспедиции будут чувствовать себя на высоте по сравнению с более акклиматизированными.

Среди нас появились также и шесть временных людей — жены некоторых наших постоянных участников. Моя жена Луиза, или, как мы ее шутливо называли, «дама-лидер», Джун Малгрэв, Ирэн Ортэнбергер, Бетти Милледж, Лайла Бишоп и Джита Банерджи. Им предстояло пройти трехсоткилометровый путь до нашего лагеря в Мингбо и затем самолетом вернуться домой.

Наше пребывание в Катманду (у нас было много хлопот) совпало с государственным визитом королевы Елизаветы и герцога Эдинбургского. К их приезду тщательно готовились — заново мостили улицы, красили здания, ставили колонны и флагштоки, везде писали приветственные лозунги. Мы решили отдохнуть от забот по формированию грузов для кули и поднялись на высокую стену, окружающую наш отель, чтобы посмотреть красочный королевский кортеж, когда он шествовал мимо в открытых конных каретах с внушительным эскортом кавалеристов в великолепных красных мундирах.

Нам с женой посчастливилось присутствовать на королевском приеме в Сингха Дарбаре, красивом банкетном зале. На его стенах огромные зеркала, а освещен зал огромными хрустальными люстрами. В центре его — фонтан с подсветкой. Вода в нем то взмывала вверх, то тихо опускалась к полу. Однако выяснилось, что подобное происходило благодаря не инженерному решению, а особенностям системы водоснабжения Катманду: ее спазматическое функционирование пользовалось печальной известностью. Пестрые, красочные мундиры, красивые платья, вкусная еда и чудесные вина сделали прием великолепным. Все это казалось таким далеким и нереальным по сравнению с простыми палатками, которые через несколько дней должны были стать нашим домом.

2 марта на машинах мы добрались до Банепы. Здесь кончалась дорога, двести носильщиков взяли грузы и

пошли вперед. Теперь вместе с четырнадцатью постоянными шерпами и двенадцатью альпинистами мы представляли большую, но необременительную группу из двухсот тридцати человек для хорошо отработанного маршрута.

Путешествие в Тяньгбоче было нам наградой. Шерпы наслаждались присутствием дам и, не щадя своих сил, старались сделать наше путешествие приятным. Каждое утро нас будили в шесть часов и предлагали чашку чая и бисквиты. Всякое желание понежиться в спальном мешке пропадало, когда в лагере начиналось движение и шум, а шерпы снимали палатки. Мы всегда выходили в поход до семи часов утра и шли по утренней прохладе, когда мир был свежим и сияющим. Для меня этот путь — давний и хорошо знакомый, но теперь я смотрел на него как будто в первый раз и наслаждался его очарованием.

Мы то поднимались, то спускались по склонам больших горных хребтов, пересекали бурлящие потоки, восклицали при виде покрытых снегом далеких гималайских гигантов. Обычно около полудня мы разбивали лагерь в каком-нибудь приятном уголке и нежились на солнышке, читали, писали письма или просто дремали в палатке.

По вечерам шерпы развлекали нас песнями и танцами. Ночами было холодно, ведь зима едва кончилась, но мы собирались вокруг ярких костров, а шерпы пели, притопывали и покачивались, исполняя один танец за другим. Это продолжалось до поздней ночи. Часа через два мы потихоньку уползали в палатки, забирались в мешки и спали без снов до тех пор, пока зябким утром нас не будил мягкий голос:

— *Чар хай, сахиб!* (Чай здесь, господин!)

Но по-настоящему чудесным делали путешествие цветы. Наш путь пролегал по склонам холмов, на которых яркими пунцовыми пятнами цвели рододендроны. Когда мы поднимались к очередной седловине или перевалу, воздух казался напоенным запахом волчегородника и травостоя. Благоухали магнолии. Казалось, чуть ли не на каждом дереве и в каждом тенистом уголке цвели гроздьях нежных орхидей.

18 марта мы добрались до дома в Чанмитанге. Там нас встретили команда, покорившая Амадаблам, и ос-



тальные участники экспедиции. Весь следующий день мы разбирали багаж и расплачивались с носильщиками. На самолете, принадлежавшем Международному Красному Кресту, Пью и пострадавшего Гуми Дорджи отправили в Катманду. 20 марта мы поднялись в базовый лагерь Мингбо на высоте 4560 метров, и я стал готовиться к последней важной стадии экспедиции — восхождению на Макалу.

### Срочное возвращение в Катманду

Наш подход к Макалу оказался необычным. Все предыдущие экспедиции к этой горе транспортировали свои основные грузы вдоль реки Арун, через снежный перевал высотой 4560 метров, а затем в глубокую долину Барун, которая собирает воды западного склона Макалу. Таким путем впервые прошли Шиптон, Лоу и я в 1952 году. Это был не такой уж легкий путь. Иногда мы с трудом находили людей для переноски грузов. Поскольку мы работали в долине Мингбо, то лучше всего было использовать ее в качестве базы. Однако расстояние от Мингбо до Баруна по нижнему маршруту составляло примерно шестнадцать дней пути по суровой и малонаселенной стране, где достать пищу для большого числа людей весьма сложно. Вместо того чтобы следовать ему, я планировал совершить поход по маршруту, идущему верхом.

Из Мингбо этот путь пролегал через 5960-метровый перевал, затем через ледник Хонгу, 6100-метровый перевал по обе стороны плато Барун и спускался на ледник Барун. Мы могли покрыть это расстояние за три или четыре дня. Нам предстояло пронести двести грузов весом по двадцати семи килограммов каждый. Я содрогался при одной мысли о том, что на этих крутых перевалах возможны сильные снегопады. Опасность лавин могла остановить партию, но мы должны были пойти на этот риск. Я решил отправиться верхним маршрутом.

22 марта вернулся самолет с Гриффитом Пью на борту. Мы как раз готовились отправиться вверх по долине Мингбо. При виде самолета все кинулись на взлетную полосу. Большинство жен должны были вернуться на нем в Катманду. Из самолета вышел жизнерадостный

Пью. Однако всем вскоре стало ясно, что он чем-то сильно обеспокоен.

— Эд, я думаю, вам следует отправиться с этим рейсом в Катманду. Дело в том, что непальское правительство недовольно нашим восхождением на Амадаблам. Могут потребоваться официальные объяснения, — обратился ко мне с взволнованной речью Пью.

Это был неожиданный удар по моим планам. Я как раз собирался начать основной переход через Хонгу. Что же делать? Немного пораздумав, я решил, что лучше всего немедленно лететь в Катманду и попытаться самому утрясти дело. За несколько минут я постарался подробно объяснить Пью, что без меня надо делать, схватил сумку с бумагами и сел в самолет, который мы загрузили до предела.

Капитан Шребер запустил мотор и стал резко увеличивать число оборотов. Нас прочно удерживали два больших скальных обломка, положенные под колеса, поскольку на таком крутом склоне одних тормозов недостаточно. Тут большие камни из-под колес убрали, и мы двинулись вперед, к двум маленьким камням. Мотор заработал на полную мощность, самолет задрожал, и колеса медленно заскользили по небольшим камням. И вот уже, набирая скорость, самолет помчался по взлетной полосе.

Взлетная полоса показалась мне крошечной, а холм в конце дорожки вырастал с пугающей быстротой. В последний момент капитан Шребер потянул рычаг на себя, и мы медленно оторвались от земли. Тут самолет сделал крен, чтобы не задеть холм. Мы скользнули в ущелье справа и стремительно вылетели на открытое пространство. Долина и река остались позади. Со вздохом облегчения я разжал руки. Мы пролетели над Тянгбоче и взяли курс на Катманду.

В аэропорту меня встречал Десмонд Дойг. В гостинице я привел себя в порядок, наспех принял душ и переоделся. Затем мы поехали в посольство Великобритании выяснить положение дел. Я оторопел, когда прочитал письмо, присланное в посольство:

*«21 марта 1961 года*

*Мне стало известно, что экспедиция под руководством сэра Эдмунда Хиллари, которой было позволено провести ряд научных исследований в определенном*

*районе, а позднее сделать попытку восхождения на Макалу, без разрешения совершила восхождение на другой пик, Амадаблам. Командам выдается разрешение в том случае, если будут строго соблюдены установленные правительством правила восхождений. Эти правила предусматривают, что команда будет придерживаться определенного маршрута, района и пика.*

*К сожалению, экспедиция под руководством такого опытного альпиниста, как сэр Эдмунд Хиллари, не приняла к сведению эти правила. Поскольку правительство Его Величества убеждено, что для надлежащего развития международного альпинизма в Непале необходимо, чтобы они строго соблюдались, мы вынуждены, хотя и неохотно, аннулировать выданное экспедиции разрешение совершить восхождение на Макалу в марте—июне 1961 года.*

*Искренне Ваш*

*Н. М. Сингх, начальник протокольного отдела.*

Бескомпромиссный тон письма свидетельствовал, что ситуация гораздо серьезнее, чем я мог предположить. В самом деле, из письма следовало, что я тут же должен был свернуть экспедицию, что имело бы губительные последствия для научной программы. Поэтому я приготовился оспаривать подобное решение любым возможным способом.

Задача у меня была не из легких. Амадаблам образует северную границу долины Мингбо, и нам, таким образом, разрешалось работать только на его склонах и гребнях. Специального разрешения на штурм вершины мы не имели. Больше всего я стремился, чтобы партия зимовщиков сохраняла форму и соблюдала активный режим во время пребывания на больших высотах, поэтому с радостью разрешил им провести разведку горы, ни на минуту не сомневаясь, что им не удастся достигнуть вершины в зимние месяцы. В своих расчетах я ошибся, и теперь приходилось расхлебывать последствия. Правительство Непала, в отличие от правительств других стран, где процветает альпинизм, взимает значительную плату за подъем на пик, то есть за удовольствие штурмовать одну из вершин, и тщательно следит, чтобы выгодный источник приносил доходы.

Правда, наша экспедиция многое сделала для Непала

ла. Мы привезли в страну больше иностранной валюты, чем любая другая экспедиция, поэтому я надеялся, что мне все-таки удастся смягчить весьма суровые формулировки официального письма, сведя их к более скромному взысканию, например штрафу.

Наш путь к цели оказался весьма тернистым. Визит к министру иностранных дел ничего не дал. Он холодно выразил сожаление, что ничем не может помочь, а затем прочитал лекцию о правилах международного альпинизма. Несколько дней нас «прорабатывало» министерство иностранных дел — гоняли по инстанциям, просили снова и снова звонить. Все наши усилия не приносили желаемого результата. Вечером 26 марта, когда мы вышли на связь с Мингбо, в отчаянии я потребовал рассчитать нескольких самых молодых шерпов, вместо того чтобы держать их в бездействии до вынесения окончательного решения.

То, что сообщили из Мингбо, весьма нас взволновало. Оказывается, когда Джон Харрисон и Бхану Банерджи прибыли в Намче-Базар с последними шестьюдесятью грузами со снаряжением (они были на пути в Мингбо), их задержал капитан, начальник таможенного поста. Уолтер Ромейнс отправился следом за Джоном и Бхану, чтобы добиться их освобождения, однако с тех пор и о нем ничего не было слышно. Вполне возможно, что его тоже задержали. Остальные не знали, что им предпринять, и очень беспокоились за своих товарищей, но не рисковали посылать еще кого-нибудь на разведку — ведь и его могла постичь та же участь.

Мы с Дойгом бросились в посольства Великобритании и Индии. Там пообещали походатайствовать за нас перед первым министром. На следующий день я с большим облегчением узнал, что наших товарищей освободили, — начальник таможни действовал по своей инициативе и чересчур опрометчиво.

С этого момента дела наши пошли на лад. Первый министр, доктор Гири, оказался весьма склонным к сотрудничеству, однако к 28 марта, то есть через неделю после моего приезда в Катманду, все еще не было окончательного решения. То, что мы задерживались на неделю, ломало наши планы относительно Макалу, но, поскольку положение казалось достаточно обнадеживающим, я рискнул снова нанять уволенных шерпов. Дела

шли своим чередом. 30 марта я получил еще одно письмо от правительства Непала:

*«30 марта 1961 г.*

*Дорогой сэр Эдмунд Хиллари!*

*Учитывая извинения, принесенные Вами в письме от 23 марта 1961 года, и содержащиеся в нем заверения, что подобный инцидент не повторится, правительство Его Величества короля Непала радо проявить сочувствие в рассмотрении этого вопроса и, в порядке исключения и не создавая прецедентов на будущее, разрешает экспедиции продолжить и завершить научные исследования в районе Макалу, включая восхождение на пик, до конца мая 1961 г.*

*Правительство Его Величества короля Непала решило наложить штраф в размере 800 рупий (61 фунт) на экспедицию за восхождение на девственный пик Амадаблам без санкции правительства в добавление к королевскому сбору в 3200 рупий (245 фунтов) за Амадаблам.*

*Вам придется взять с собой нового офицера связи вместо господина Рана.*

*Искренне Ваш*

*Й. Н. Кханал, министр иностранных дел.*

Теперь дела наши были улажены, но потеряны девять таких необходимых для нас дней. Я по радио передал в Мингбо приказ идти полным ходом вперед и переправлять все снаряжение в «Зеленую» и «Серебряную» хижины. Меня очень раздражало, что мое возвращение задерживается. 2 апреля группа альпинистов вступила на склоны, ведущие к седловине Амадаблам.

Во льду вырубили большие, безопасные ступени и прочно вогнали крючья, к которым крепились длинная перильная веревка. Ночью начался сильный снегопад. На следующий день, несмотря на сложные метеорологические условия, они продолжали работать, днем достигли высшей точки перевала и надежно закрепили последние двести метров веревки. 4 апреля сюда доставили шестьдесят три груза, а Ромейнс и Ортэнбергер с группой шерпов и необходимым снаряжением перевалили в долину Хонгу. Здесь они собирались найти подходящую площадку для лагеря и разведать путь к западному перевалу.

Наконец 5 апреля освободился самолет, принадлежащий Международному Красному Кресту, и мы могли отправиться из Катманду в Мингбо. Погода испортилась. Над горами нависли тяжелые тучи, но Дойг, Рай (новый непальский офицер связи) и я были счастливы, что уезжаем из Катманду. Однако вскоре капитан Шребер сообщил, что одно из магнето вышло из строя.

Нам пришлось покинуть самолет и ждать часа два, пока капитан и механик колдовали над машиной. Наконец капитан Шребер просигналил, что самолет к полету готов. Мы быстро заняли свои места и вскоре уже плыли над Долиной Катманду. Нырять и проваливаясь в облаках, мы пробивались на восток, то и дело оглядываясь на север — на великие, покрытые снегом пики.

Нам казалось, что до Мингбо мы так никогда и не доберемся, но капитан Шребер не терял надежды. Мы летели на высоте 4860 метров. Самолет обогнул махину Квангде слева и полетел над покрытой густыми облаками долиной Духх Коси. Эверест и Амадаблам были закрыты тучами, как и все высокие пики, но над Тьянгбо-че мы увидели просвет, и пилот уверенно повел машину вперед. Искусно пролетев через просвет, мы снизились и, окруженные огромными стенами гор, окутанных тучами и туманом, скользнули вниз, в долину Мингбо, к нашей посадочной полосе.

Вскоре под нами замелькали яркие желтые и красные палатки лагеря Мингбо. Мы летели над холмами, держа направление на взлетно-посадочную полосу, — все еще на полной скорости, так как дул очень сильный ветер. Самолет находился всего в ста метрах от полосы и совсем уже собрался приземлиться, как вдруг сзади налетел мощный порыв ветра и сильно толкнул нас вперед. Самолет с грохотом коснулся земли. Я молил, чтобы шасси оказалось достаточно прочным. На огромной скорости мы пронеслись по диагонали через посадочную площадку. Всего несколько секунд отделяли нас от зубчатых скал слева. Каким-то чудом капитану Шреберу удалось вырулить самолет на посадочную полосу и остановить. Радостные и потрясенные, с чувством облегчения мы покидали самолет. Капитан Шребер, покачив головой, с гортанным швейцарским акцентом сказал:

— Да, Мингбо, конечно, не для новичка!

Мы все с ним охотно согласились.

## Прогулка по горам

Как прекрасно наконец вернуться в горы и с удовольствием приступить к работе! Чтобы ввести меня в курс дела, Питер Малгрев спустился из «Серебряной хижины». Успехи, достигнутые экспедицией в мое отсутствие, меня порадовали. Однако, судя по намеченному плану, мы несколько отставали. Я думал нагнать потерянное время на отрезке между Мингбо и подножием Макалу.

Решили двигаться вверх по Мингбо через лагерь, по пути рассортировывая снаряжение и отсылая все необходимое в Хонгу.

Наши маленькие полевые радиостанции (их специально сконструировали для нашей экспедиции) работали хорошо, и это давало нам возможность поддерживать тесную связь друг с другом. К ним предъявлялись три требования: вес не более четырех килограммов, экономичность в работе, радиус действия не менее тридцати километров (это автоматически исключало обычные высокочастотные радиостанции, которые работают эффективно только при отсутствии преград).

Честно говоря, наши одноваттные радиопередатчики работали не как киловаттные, но они давали возможность поддерживать связь со всеми партиями. Мы наладили эффективный контакт через две гигантские гряды гор между «Серебряной хижинкой» и лагерями на Макалу.

По-прежнему держалась довольно неустойчивая погода. Тучи закрывали пики, и каждый день шел снег — даже в лагере Мингбо, а это довольно низко. Но ни разу погода не помешала нашей работе.

6 апреля Ромейнс и Аннулу поднялись на западную седловину высотой 6170 метров и стали закреплять там веревки. Как выяснилось, чтобы добраться туда с грузом от лагеря Хонгу, требуется долгий день работы. На следующий день Джон Харрисон (он акклиматизировался очень быстро) пересек долину Хонгу с тридцатью восемью шерпами и стал оперативно переправлять оттуда грузы.

Днем из базового лагеря исчезла моя сумка. В ней находились все планы нашей экспедиции и списки снаряжения. Я отошел буквально на несколько минут, а ко-

гда вернулся, ее уже не было на месте. Я знал, что наши передвижения контролируются, и был уверен, что несколько носильщиков регулярно посылали о нас сообщения, но такого еще не случалось.

Как и у всех иностранных экспедиций в Непале, у нас было много неприятных столкновений с представителями Гималайского общества. Оно организовано правительством Непала с вполне оправданными целями: защищать интересы шерпов и помогать им, а также экспедициям — обеспечивать надежными людьми, договариваться с носильщиками и т. д. К сожалению, эти достойные цели Гималайского общества постоянно искажались его администрацией. Оно по возможности эксплуатировало и шерпов, и экспедиции и являлось для всех постоянным источником раздражения. Я пожаловался правительству на работу Общества и в результате предстал не в лучшем свете перед его администрацией. В конце экспедиции я обсудил этот вопрос с первым министром, доктором Гири, и тот заверил, что деятельностью Общества заинтересовались, и он полон решимости помочь обеспечить выполнение Обществом его истинных задач.

Несмотря на усиленные поиски, сумку так и не нашли. К счастью, я сумел воспроизвести почти все документы по памяти. Пришлось поработать мозгами. Времени на переживания не оставалось.

9 апреля мы с Малгревом закончили работу в базовом лагере и двинулись вверх по долине к «Зеленой хижине». Это расстояние мы одолели за два часа с четвертью, довольно быстро, но после двухнедельной задержки в Катманду я чувствовал себя вялым, неакклиматизированным и с трудом преодолевал каждый метр пути.

В «Зеленой хижине» было тепло и уютно. Пью вышел меня встречать. Весь день и вечер мы провели в интересной беседе. Мы обсуждали план научных исследований, которые надеялись провести на Макалу. Я очень хотел, чтобы Пью, если возможно, перешел в долину Барун и руководил там научной работой, но длительное пребывание на большой высоте несомненно повлияло на него (Пью намного старше всех членов экспедиции), и он сомневался, будет ли для него целесообразным совершать такое путешествие.



К 11 апреля я закончил проверку припасов в «Зеленой» и «Серебряной» хижинах и приготовился двинуться дальше, в долину Хонгу. Меньше чем за час мы добрались до «Серебряной хижины» и вскоре уже пили с учеными горячий кофе. Несмотря на тесноту и беспорядок, все были одержимы предстоящей работой. Одежда и спальные мешки были разложены на восьми кроватях. Казалось, батареи и провода занимали все помещение. Научные книги и оборудование валялись вперемежку со скальными молотками и карабинами<sup>39</sup>. В лабораторной части хижины на каждой скамейке и выступе лежало много точных приборов. Пол был полностью занят «машиной пыток» — стационарным велоэргометром с бесчисленными приставками и записывающими устройствами.

Я с любопытством послушал о тестах, которые физиологи проводили на одном из наших самых сильных шерпов. Несмотря на то что шерп понятия не имел о велосипеде, он быстро приспособился к нашей машине и продемонстрировал поразительную работоспособность. Сахибы обычно выше ростом и сильнее шерпов, но они родились и жили на уровне моря, поэтому на высоте 5790 метров работоспособность снижалась у них наполовину. В то же время Да Тенцинг показал, что у шерпов, которые в течение многих поколений живут на высоте более 3650 метров, работоспособность на высоте 5790 метров ухудшается незначительно и они в состоянии выдержать в этих условиях почти такую же физическую нагрузку, как европейцы на уровне моря.

В одиннадцать часов утра мы с Малгревом распрощались с физиологами, надели кошки и двинулись вверх по легкому снежному склону к седловине Амадаблам. Держась за конец укрепленной веревки и используя ее как перила, мы осторожно перешли через бергшрунд<sup>40</sup> по ненадежному снежному мостику, а затем стали подниматься по ледяным ступеням. Ступени и веревка у нас были хорошие, что делало восхождение гораздо более

---

<sup>39</sup> Карабин — кольцо с пружинной защелкой, служащее для связи веревки с крюком или грудной обвязки с веревкой для обеспечения безопасности лазания.

<sup>40</sup> Бергшрунд — подгорная трещина или краевая фирновая трещина в верхней части ледника или фирнового поля, образующаяся на переломе от крутого склона к пологому.

безопасным. Однако склон оставался все таким же крутым. Вскоре «Серебряная хижина» осталась далеко позади. Мы с трудом переводили дыхание, когда перевалили через седловину высотой 5790 метров. Наши легкие и сердце работали на пределе.

Мы прибыли как раз вовремя — встретили группу шерпов, которые пришли из лагеря Хонгу за грузами. С ними мы спустились по боковому леднику, преодолев несколько крутых склонов, а затем путь пролегал сквозь хаос ледяных глыб и по замерзшему озеру. Здесь мы немного отдохнули и погрелись на солнышке. Правда, из-за резких порывов ветра мы не могли долго тут оставаться, поэтому продолжили свой путь по льду озера. Спускались по огромным моренным увалам. Наконец мы все-таки добрались до площадки лагеря Хонгу во впадине на морене на высоте 5168 метров.

Лагерь вырос в настоящий маленький городок. По нашей просьбе шерпы построили два дома, стенами в них являлись скалы, а крышами служил непромокаемый брезент. Дома годились для хранения припасов и снаряжения. В них можно было отдохнуть. В лагере было еще около дюжины ярких палаток, установленных на каждом доступном ровном участке россыпи камней. По территории лагеря протекал небольшой ручеек из таявшего снега, а сверху возвышалась непрочная скала, с которой примерно через каждые полчаса словно картечь сыпались камни. Здесь собралась уже внушительная группа — сорок девять опытейших шерпов и шесть сахибов. В течение следующих нескольких дней мы работали как одержимые — носили грузы с одного конца долины на другой.

14 апреля Ромейнс, Харрисон, Ортэнбергер и Невисон ушли вместе с сорока семью шерпами (у них был груз) на седловину — второе крупное препятствие на Макалу. Я хотел, чтобы четверо сахибов разбили там лагерь, а затем проложили путь через плато Барун и последнее препятствие — восточную седловину. Мы с Питером Малгревом поднялись на триста метров и, находясь над лагерем, снимали передвижение партии носильщиков с помощью телеобъективов. Пока мы наблюдали, как они цепочкой, словно муравьи, двигались через снежное поле к подножию перевала, у меня было время подумать о стоящих перед нами проблемах

и поругать себя за то, что потерял форму. Я все еще мог ходить по горам без особых затруднений, но на высоте 5800—6100 метров уже не ощущал той энергии и силы, как в начале экспедиции. За две недели, которые я провел в Катманду, я потерял форму.

Шерпы вернулись в лагерь Хонгу в три часа дня, проделав путь туда и обратно за семь с лишним часов — на самом деле, хорошие показатели. Теперь на плато было заброшено 88 грузов. Наши шерпы оказались самой сильной группой, с какой я когда-либо встречался, и едва ли в их цепочке было хотя бы одно слабое звено. Они провели огромную работу, и мы не жалели усилий, чтобы обеспечивать им хорошее питание и настроение. Их дневной рацион состоял из 220 граммов риса или цампы, 56 граммов сахара, 30 граммов порошкового молока, 70 граммов мяса, 56 граммов шоколада, 30 граммов бисквитов, 30 граммов картофельной муки, 56 граммов масла, а также чая, перца и соли.

По возможности к этому рациону добавлялись свежее мясо и сушеные овощи. Перед отъездом из Мингбо я купил яка, и его забили в «Зеленой хижине». Большую часть мяса переправили в Хонгу, и оно очень понравилось шерпам. Сахибы в основном питались тем же, что и шерпы, но страдали отсутствием аппетита. Приходилось как-то его стимулировать. На них высота повлияла гораздо сильнее, чем на наших крепких шерпов, которые и ели лучше и оставались сильнее, чем мы.

15 апреля Малгрев и я вновь отправились из лагеря Хонгу через седловину Амадаблам к «Серебряной хижине», где долго и с пользой беседовали с Пью и группой ученых. Они тогда уже завершали эксперименты в «Серебряной хижине» и хотели перейти в долину Барун и совершить восхождение на гору. Мы с Малгревом попрощались с ними днем и снова пошли через седловину Амадаблам.

Погода стояла плохая. Было облачно, и нам совсем не хотелось надолго оставаться в таких ужасных условиях. Мы поспешили по леднику вниз, в лагерь Хонгу. Забравшись в теплую палатку, мы с удовольствием приняли чашки с горячим чаем из дружеских рук шерпов. В шесть часов вечера мы вышли на связь с передовой партией, которая находилась на западном перевале. Она сообщила об удачной разведке — ей удалось перейти

через последний 6100-метровый перевал (восточную седловину). В течение еще полутора часов она продолжала идти по направлению к леднику Барун, прежде чем повернула назад.

В ту ночь шел сильный снег, который не прекратился и утром. Все время дул порывистый ветер. Несмотря на это, Малгрев и сорок пять шерпов понесли грузы на западный перевал. Радостные, они возвратились в лагерь после тяжелого перехода. Наш девиз «все делать как можно быстрее» передался шерпам. Правда, я старался давать им выходные, когда чувствовал, что это им необходимо, но теперь не мог тратить рабочие дни впустую — даже если погода стояла скверная.

## Лагерь 1. На пути к тучам

17 апреля стало еще одним важным для экспедиции днем. Ясным утром, часов в шесть, когда на земле еще лежал тонким слоем снег, мы стали сворачивать лагерь. На площадке царила бодрая атмосфера. Нашей целью было установить в долине Барун Лагерь 1. К восьми часам мы уже собрались и отправились в путь. Стоял сильный мороз. Мы карабкались вверх по длинным моренным котловинам, пересекли несколько замерзших ледниковых озер, а затем двинулись вдоль узкой впадины. После нескольких часов напряженного перехода мы оказались на обширном снежном поле и медленно двинулись по нему вверх, к подножию западной седловины.

На крутых скально-ледовых склонах были умело закреплены веревки, что обеспечивало безопасность и скорость передвижения. Сначала мы траверсировали крутой ледяной склон и оказались у подножия скального ребра, а затем двинулись вверх по зигзагообразному пути.

Дул сильный ветер, было холодно и тяжело идти. По мере того как мы буквально ползли к перевальной точке, впечатление незащищенности и страх перед жутким падением все усиливались, но закрепленная веревка придавала уверенность даже нагруженным шерпам, и они карабкались вверх, насколько им позволяли боль в мышцах и судорожно работающие легкие. С каким

удовольствием я наконец перебрался через седловину перевала высотой 6170 метров и после полудня вошел в палатку разведывательной партии! Через полчаса все 45 шерпов пересекли гребень, и вскоре гора грузов возле палатки значительно увеличилась.

Стояла отвратительная погода, а впереди нас ждал неблизкий путь. В час дня Малгрев и я снова отправились в дорогу с тридцатью лучшими шерпами.

Наш путь петлял по трещинам и спускался в середину широкого снежного плато, большая часть которого располагалась на высоте 6100 метров над уровнем моря. Разведывательная партия расставила по всему пути флажки, и мы благополучно шли от одного к другому, встречая только небольшое число трещин — в основном маленьких. Нас беспокоили сильный ветер и метель. Я опасался, что условия для спуска с восточного перевала будут довольно неблагоприятными.

Мы уже наполовину пересекли плато, когда Малгрев вспомнил, что мы забыли на западном перевале рацию. Кляня нашу забывчивость, я отрядил двух сильных шерпов, которые оставили свои грузы и отправились за рацией. В наказание мы оба взяли из их грузов по палатке и добавили к нашим собственным; после этого мы двинулись дальше.

Я шел в связке с группой самых сильных шерпов и прокладывал весь путь по мягкому снегу через плато. Когда мы начали подъем по склонам к седловине восточного перевала, стал сказываться дополнительный груз, и я был рад выпустить вперед Мингму Тсеринга, который быстро пошел вверх. Несмотря на груз в двадцать два килограмма с лишним, Мингма двигался слишком быстро. Я не поспевал за ним. Он ушел с другими шерпами. Цепляясь за конец веревки, я плелся сзади с упрямым, тяжело дышащим Малгревом. На минуту я остановился, чтобы перевести дух. Чувствуя себя древним стариком, я связался с другой группой сильных, но не таких стремительных шерпов. Петляя между трещинами, мы одолели относительно легкие склоны, ведущие к восточной седловине. Когда мы вышли на нее, то нашим взорам открылся грандиозный вид на окружающие нас горы.

Под нами небольшой крутой ледник резко обрывался в необъятную котловину долины Барун. Над нами, за-

крывая весь горизонт, возвышалась громада Макалу — ее гигантские скальные склоны и гребни, инкрустированные льдом, взмывали вверх, к острому пику высотой почти 8500 метров. От вершины вился длинный шлейф снега — безусловное свидетельство того, что там дуют сильные ветры. Для альпиниста — картина зловещая.

Условия на восточном перевале явно усложнялись. В спину нам дул резкий ветер, поэтому мы двигались в туче снега. Мы спускались по длинному склону, покрытому камнями, которые падали через высокие утесы далеко внизу. Скалы часто были покрыты коркой льда, поэтому спуск оказался трудным. К счастью, партия разведчиков навесила веревку, однако она скоро кончилась и стало невероятно тяжело цепляться за склон, ведь дул сильный ветер. Шерпам, которые несли тяжелые грузы, это не нравилось. Я решил, что надо как можно скорее навесить перильные веревки на протяжении всего склона.

Мы спустились на несколько сот метров. Шерп, который шел впереди меня, поднял камень, лежащий на пути (в нем было килограмма два) и отбросил в сторону. Намерение шерпа было благим, но камень отскочил от большого валуна и упал на Питера Малгрева, который в это время находился внизу, метрах в пятнадцати. К моему ужасу, я увидел, как камень ударил Малгрева по голове. Питер упал. Я подумал, что он сорвался в обрыв.

Ощувив неожиданный прилив энергии, я стремился как можно быстрее спуститься вниз. Попросив шерпов, которые были поблизости, чтобы они постарались удерживать Малгрева, я кинулся к Питеру. Он находился в шоковом состоянии и был весь в крови. Слава богу, он остался жив. К счастью, в тот момент, когда в него попал камень, он крепко уцепился за что-то и сумел удержаться. На голове у него образовалась рана сантиметров в пять. Она сильно кровоточила, однако Малгрев отказывался от помощи и хотел самостоятельно продолжать путь. Несмотря на его протесты, я привязал его к концу моей веревки, и мы с шерпами внимательно следили за ним, пока спускались по склону.

Сначала мы траверсировали скальные плиты, покрытые ненадежно лежащим снегом. Траверс вывел нас к крутому снежному склону (он был на расстоянии де-

сяти метров под нами), который обрывался к леднику примерно на тридцать метров. Это, конечно, был возможный путь, но далеко не легкий. Мы спускались очень осторожно под резкими порывами ветра, двигаясь вниз по небольшому крутому скальному склону, зацепки и уступы на котором оказались скользкими из-за свежевыпавшего снега. Было большим облегчением перебраться со скального склона на снежный, в который можно вогнать ледоруб для надежной страховки.

Мы оставались там некоторое время, помогая шерпам с грузом преодолеть трудный участок. Потом я всадил ледоруб по самую головку в склон и привязал к нему сорокаметровую веревку. По ней спустились все шерпы. От высоты у них захватывало дух, зато была обеспечена безопасность.

Теперь наш путь лежал через лабиринт больших глыб льда, которые недавно упали с нависающего свеху ледника. Здесь мы не теряли времени зря. В четыре часа дня все еще шел снег. Свернув с ледника, мы стали спускаться по морене в левой части долины. Валуны были крупными, лежали ненадежно и были к тому же скользкими из-за свежего снежного покрова. Мы неуверенно шли вниз, часто падали. К пяти часам на расстоянии ста пятидесяти — ста восьмидесяти метров над ледником Барун мы стали искать место для лагеря.

Здесь ледник Барун представляет собой огромную пустыню моренных отложений, невероятно сухую и бесплодную, и только в пятнадцати—двадцати метрах над камнями — случайный язык ледника. В течение полутора часов я бродил в поисках площадки для лагеря, но нигде так и не смог найти даже намека на воду.

Стемнело. Я почувствовал себя очень усталым. В отчаянии я карабкался по скалам и осыпям. В конце концов мне все-таки удалось добраться до ледника Барун. Вода там имелась, но не хватало места для палаток. Палатки две-три поставить можно, но тридцать человек в них не поместятся. Безопаснее всего было бы здесь заночевать, а утром постараться найти место получше. Шерпы оставались далеко наверху, поэтому я стал звать их и махать руками. Они спустились и присоединились ко мне. Довольно неохотно они подняли свои грузы и пошли вдоль огромной моренной гряды.

Они все еще были метрах в ста двадцати надо мной,

когда вдруг исчезли на некоторое время из виду. Потом показались двое из них (без груза) и стали что-то кричать. Долго я не мог разобрать слов, но в конце концов понял:

— Ача лагерь! Ача лагерь!<sup>41</sup>

Собрав остаток сил, я стал медленно подниматься к ним. То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Я глазам своим не поверил. Это был боковой карман на краю морены высоко над ледником, защищенный от камнепадов. Здесь вполне хватало места для всех палаток и, что важнее всего, вниз от большого массива льда над нами бежал небольшой, но бурный ручеек. Без колебаний я распорядился ставить палатки и объявил, что это будет Лагерь 1 на пути к Макалу. Денек нам выдался очень тяжелый, и скоро и шерпы и сахибы, забравшись в спальные мешки, крепко спали.

### Подготовка к атаке

С созданием Лагеря 1 начался период большой активности в программе забросок. Несмотря на то что дули сильные и холодные ветры, участились снегопады, мы продолжали переправлять грузы. Запасы наши постоянно увеличивались. 19 апреля я и Малгрев с группой шерпов вышли из Лагеря 1. Только что выпал снег. Два часа утомительного перехода — и мы подошли к подножию восточного перевала, где Ромейнс и Ортэнбергер уже навесили веревки. Мы поднялись на него, пересекли плато Барун и к одиннадцати часам утра достигли высшей точки западного перевала.

В полдень я связался по радио с другими лагерями. Сообщили, что требуется мое присутствие в Мингбо. С шерпом Мингмой Тсерингом, моим отважным спутником, мы спустились по крутым склонам западного перевала. Это было довольно трудно, так как после метели склоны были покрыты тонким слоем снега. Затем мы долго спускались к лагерю Хонгу. На следующее утро мы пересекли седловину Амадаблам и добрались до «Серебряной хижины», где провели целый день, обсуждая наши дальнейшие планы.

---

<sup>41</sup> «Хороший лагерь».



21 апреля я поспешил в «Зеленую хижину», где у меня состоялся долгий разговор с Десмондом Дойгом. Затем я вернулся в «Серебряную хижину», составил несколько телеграмм и попросил передать их текст по радио в Катманду. Во второй половине дня мы с Мингмой уже снова были в пути — взбирались на седловину Амадаблам, откуда нас буквально согнали к лагерю Хонгу пронизывающий ветер и метель.

За последние три дня мы с Мингмой преодолели большие расстояния в высокогорье, и я очень плохо себя чувствовал и нуждался в отдыхе. Но впереди нас ждал еще один трудный день.

Я рассортировал последние грузы в лагере Хонгу, оставив при этом значительные запасы в одной из каменных хижин, загрузил всех шерпов и отправил их к западному перевалу. После осмотра лагеря я вышел вслед за ними вместе с двумя участниками зимовки, Джимом Милледжем и Джоном Уэстом. Оба они были в прекрасной форме и могли идти куда быстрее меня. Я надеялся, что это скорее свидетельство того, как прекрасно будут чувствовать себя участники зимовки при самом восхождении на вершину, чем моего плохого состояния.

На высоте 5790 метров мы остановились отдохнуть на обнаженном выходе скал. С этого места открывался чудесный вид на огромные пики, которые возвышались со всех сторон. Шерпы пребывали в отличном настроении и очень хорошо шли, несмотря на тяжелые грузы. Пемба Торкей — человек удивительно энергичный и сильный — подошел ко мне и, взвесив на руке мой почти восьмикилограммовый рюкзак, зашагал с ним прочь. Я как-то даже сразу не понял, что он решил к своим двадцати семи килограммам добавить мой груз и нести тридцать пять килограммов. Я, конечно, знал, что, несмотря ни на что, он достигнет перевала в числе первых, однако моя гордость не позволяла мне уступить ему. Поэтому я потребовал свой груз назад, испытывая при этом к нему чувство глубокой благодарности.

Вскоре мы добрались до западного перевала, и там я занялся окончательной рассортировкой поклажи. Несколько грузов из Хонгу я оставил на перевалочном пункте и сформировал другие, упаковав то, что срочно требовалось в Лагере 1. Я заметил, что у Фу Дорджи —

опытного альпиниста (последнее время мы стали замечать, что он себе на уме) — довольно объемистый груз. Я пристально смотрел на него. В тот момент его рюкзак упал в снег. Он нагнулся и поднял его без видимых усилий. Однако груз в двадцать семь килограммов не так-то легко поднять. Я подошел, чтобы посмотреть, в чем дело. Оказалось, его груз весил всего около пяти килограммов и состоял из двух хорошенько взбитых спальных мешков, что создавало впечатление объема. Я негодовал и в запале проверил грузы всех сорока пяти шерпов. Лишь один из них нес меньше, чем положено. С тех пор Фу Дорджи и его другу-обманщику всегда доставались грузы потяжелее.

Милледж и Уэст спускались с западного перевала на лыжах, и мы с завистью наблюдали, как они без усилий преодолевали трещины и передвигались по снежному плато. Мы догнали их на восточном перевале и стали вместе спускаться по крутым склонам. Теперь веревки были укреплены на всем пути, и мы легко по ним скользили. Снова пошел снег. Наши лыжники, петляя между глыбами льда, переезжая через небольшие трещины, понеслись вниз. Через несколько минут они достигли моренного выхода в 300 метрах ниже нас. Наш спуск был менее эффектным, зато мы оставили лыжников позади — им приходилось пробираться через моренные валуны с неуклюжими лыжами. В Лагерь 1 мы прибыли, когда всю бушевала яростная буря. За время моего отсутствия площадку значительно расширили, и теперь это было целое поселение с тремя каменными хижинами и большим количеством палаток. С нашим приходом число сбитателей увеличилось до сорока пяти.

25 апреля последние тридцать семь грузов прибыли с западного перевала. Важный этап экспедиции закончился. Все необходимое для штурма Макалу находилось теперь у подножия горы. Трудности пути через Хонгу были преодолены с помощью предусмотрительно навешенных веревок, а благодаря напряженному труду наших сильных шерпов мы уже восполнили дни, потерянные в Катманду. Наконец-то все шло по заранее намеченному плану. Теперь мы могли посвятить себя штурму горы — нам противостояли только трудности, связанные с восхождением и погодой, но, к счастью, не надо было думать еще и о нехватке времени.

## К седловине Макалу

«Среди гор, которые я видел, и, судя по фотографиям, из тех, которые когда-либо видели другие, Макалу не сравнима ни с одной в своем захватывающем и суровом величии».

Эти слова принадлежат Джорджу Л. Мэллори<sup>42</sup> (он погиб, лишь немного не дойдя до вершины Эвереста). В них запечатлено его восприятие Макалу. С какой бы стороны вы на нее ни посмотрели, она производит ошеломляющее впечатление. Возможно, неудивительно, что никто не пытался исследовать ее с целью восхождения на вершину вплоть до 1952 года.

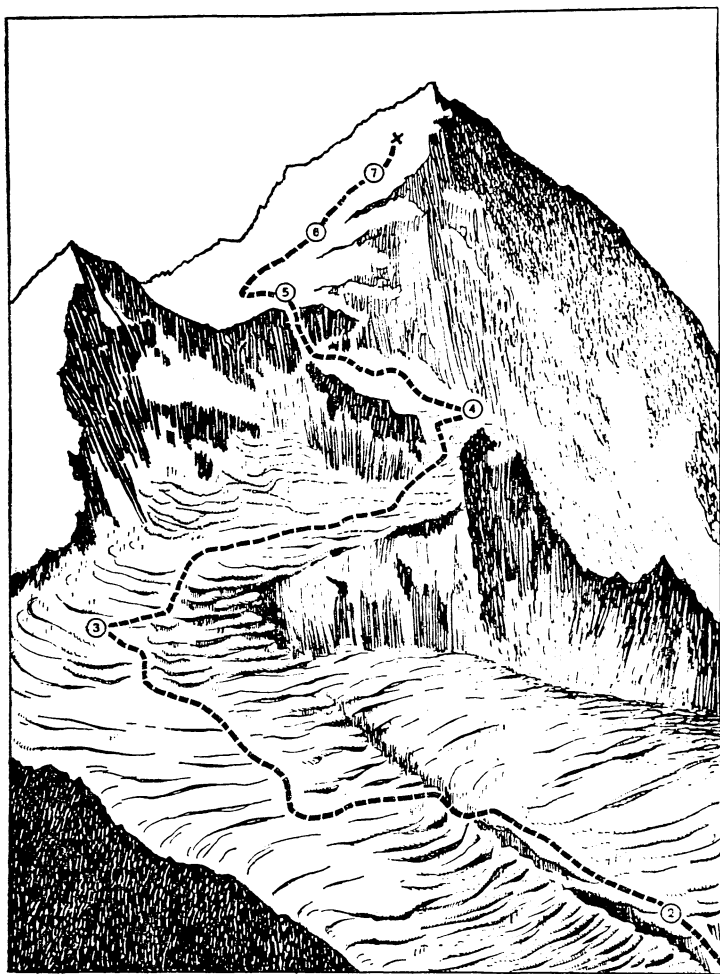
В тот год наша небольшая группа под руководством Эрика Шиптона впервые дошла до ледника Барун, который служит водосбором западного склона Макалу. Мы попали туда в первые дни муссона, и покрытая туманом и тучами вершина Макалу казалась еще более неприступной.

С верховьев ледника Барун мы могли посмотреть на Макалу и наметить возможный маршрут по крутой ледовой полке, которая, словно блюдечко, пристала к склону ниже седловины Макалу. Он расположен на высоте 7387 метров, между Макалу (8481 метр) и ее северным отрогом, Макалу II (7640 метров). Через год я мог с вершины Эвереста убедиться, что маршрут через седловину Макалу — именно тот путь, по которому следует штурмовать этот гигант.

Я вернулся на Барун в 1954 году с экспедицией Альпинистского клуба Новой Зеландии, но, к сожалению, не на Макалу. Экспедиция из Калифорнии раньше нас получила разрешение штурмовать этот пик, и она попыталась проложить путь по фантастически трудному юго-

---

<sup>42</sup> Дж. Л. Мэллори и А. Ирвин — участники британской экспедиции на Эверест 1924 года. 8 июня вышли из лагеря 6 (8145 м) на штурм вершины по северо-восточному гребню и не вернулись с восхождения. Обстоятельства их гибели точно не установлены. В 1933 году на скалах этого гребня на высоте 8450 метров был найден ледоруб, принадлежавший этой связке; хранится теперь в Альпийском клубе в Лондоне.



Маршрут восхождения на Макалу.

Цифрами обозначены лагеря (Лагерь 1 находится за пределами данной схемы)

восточному гребню. Экспедиция достигла высоты 7000 метров и затем повернула назад.

Я же был убежден, что путь к вершине лежит с северной стороны. Калифорнийцы полностью сосредото-

ли помыслы и усилия на своем маршруте и не хотели его менять, но их руководитель Уилл Сири предложил, чтобы наша группа разведала седловину Макалу, если уж мы на том настаиваем. Из Лагеря 1 на леднике Барун мы установили Лагеря 2, 3 и 4 на небольшом леднике, который спускался на юго-восток от седловины Макалу II. Лагерь 4 располагался на высоте 6688 метров. Оттуда мы проложили путь вверх по длинному и крутому кулуару из снега и льда на наклонную ледовую полку на высоте 7000 метров, всего в 400 метрах ниже седловины Макалу.

Мы работали без кислородных аппаратов. Группа была сильная и в хорошей форме. Часть из нас отправилась в Лагерь 4, планируя на следующий день разбить Лагерь 5 на ледовом выступе. Затем мы собирались выйти на седловину. Однако этому не суждено было случиться. Примерно две недели назад, выбираясь во время спасательных работ из трещины, я сломал три ребра, и это, по-видимому, повредило легкое и затрудняло дыхание.

Ночью я почувствовал себя совсем плохо, и меня срочно эвакуировали ниже, в Лагерь 1. Там я быстро поправился. Но времени на основную программу не хватало, и мне пришлось отозвать участников группы разведки с седловины Макалу на таком интересном этапе, после чего они совершили успешные первовосхождения на Барунце (7220 метров) и Нау Лехх (6512 метров).

В период после муссонных дождей в 1954 году сильная французская команда под руководством Жана Франко вошла в долину Барун и поднялась по нашему маршруту до Лагеря 3. Экспедиция была хорошо оснащена и имела большие запасы кислорода. Ее участники разбили Лагерь 4 на ледовой полке на высоте 7000 метров, затем преодолели скальные и снежные участки и впервые достигли седловины Макалу. Из Лагеря 5 на седловине, несмотря на большой мороз и сильные ветры, они поднялись на Макалу II и Чомо Лонзо (7794 метра). С этих пиков французам открылся прекрасный вид на вершину самой Макалу.

Жан Франко вернулся на Макалу весной 1955 года, возможно с самой лучшей группой альпинистов, какая только действовала в Гималаях. Очень умело, используя большие запасы кислорода, они уверенно поднимались

по горе. Им повезло — стояла прекрасная погода. Экспедиции удалось добиться уникального успеха — все девять участников штурмовой группы достигли вершины за три дня.

Мы тоже надеялись добраться до вершины этой прекрасной горы, но у нас были еще и другие цели: провести научную работу не только в Лагере 3, на высоте 6400 метров, но и на седловине Макалу, на высоте 7387 метров, также продолжать исследования еще выше и получить пробы альвеолярного воздуха на самой вершине. И если французы при восхождении пользовались кислородными аппаратами, мы собирались обойтись без них. Это было бы последней проверкой эффективности длительной акклиматизации и дало бы возможность сравнить показатели участников группы на предельных высотах с результатами обширных наблюдений, которые проводились в «Серебряной хижине» и других местах. Мы располагали достаточным количеством кислорода для медицинских целей и операций по спасению, но я полагал, что наши штурмовые группы смогут достичь вершины горы без дополнительного кислородного обеспечения.

### **Подводит память**

Теперь, когда Лагерь 1 был полностью укомплектован, я посвятил целый день реорганизации и подготовке восхождения. Двадцати семи лучшим шерпам выдали дополнительную одежду и высокогорное снаряжение; упаковали 120 грузов для Лагерей 2 и 3.

Я решил разделить партию на две группы. Уорд, Милледж, Уэст, Джилл и Ромейнс провели довольно много времени выше 5790 метров во время зимовки, поэтому теперь я отослал их вниз на отдых (они подключатся к штурму на высоте более 7000 метров). Я очень надеялся на Уорда, Джилла и Ромейнса, которые так хорошо показали себя на Амадаблеме. Четвертый участник группы «Амадаблам», Барри Бишоп, все еще был в «Серебряной хижине», где он завершал измерения радиации, но, поскольку он недавно перенес небольшую операцию, я сомневался, стоит ли ему принимать участие в восхождении. Остальные пятеро участников штур-

мовой группы — Харрисон, Малгрев, Невисон, Ортэнбергер и я. Нам предстояла работа по созданию нижних лагерей и прокладыванию пути до высоты 7000 метров.

26 апреля мы приступили к транспортировке грузов вверх по горе. Четверо сахибов и двое шерпов разбили Лагерь 2 на высоте 5930 метров и двинулись дальше. Двумя днями позже мы свернули большую часть палаток в Лагере 1 и понесли вверх последние сорок грузов. Мы спустились примерно на несколько сот метров по морене к ложу ледника Барун, а затем пошли по хорошо проложенному, но довольно однообразному пути через огромные моренные горбы к дальней его стороне. После короткого отдыха мы снова взвалили грузы на плечи и стали взбираться по крутой поверхности бокового ледника, который вел к подножию седловины Макалу.

Я продвигался вперед, перепрыгивая с камня на камень, — это было легко. В то же время я не спускал глаз с возвышавшихся над нами утесов, откуда то и дело слышалась канонада — с них падали камни. Передо мной весь северо-восточный цирк<sup>43</sup> заполнял целый комплекс ледников. Маршрут движения был неясен, так как впереди путь закрывало большое скопление круто вздымавшихся вверх ледовых башен. Уверенный, что за семь лет я ничего не забыл, я стал подниматься по крутому кулуару. Местность я не узнавал, а через полчаса, изрядно раздосадованный, вынужден был признать, что иду не по тому пути. Потребовалось вырубить несколько ступеней, чтобы выбраться из этого места и присоединиться к ухмыляющимся шерпам, которые оставались внизу. Подавленный, я рад был пойти по их короткому пути — он вел направо. Нам открылась спрятанная ложбина, и я снова поспешил вперед, пытаясь скрыть заливавшее лицо краску.

Путь вел круто вверх между остроконечными башнями льда, но благодаря тому, что в ледяное дно ложбины вмерзли мелкие камни, ноги совсем не скользили. Я быстро набирал высоту. Башни становились выше и опаснее, и я вынужден был свернуть направо, на отвратительную узенькую полосу, где лед отделился от скалы.

---

<sup>43</sup> Ц и р к — расширение верхней части горной долины, окруженное крутыми склонами, или котловина, закрытая со всех сторон горами.

Сверху на нас смотрели выпуклые разбитые языки льда, и разбросанные тут и там огромные глыбы заставляли думать, что мешкать не следует. Я стал двигаться, взяв ближе к скалам, в слабой надежде, что они меня хоть немного защитят от падающего льда. Я очень обрадовался, когда наконец миновал этот опасный участок и начал карабкаться вверх по прочным ложбинам.

Повсюду валялись палки и консервные банки — видимо, я приближался к старому лагерю французов. Несколько минутами позже я услышал громкий крик и, взглянув **наверх**, увидел **фигуру человека**. Он махал мне рукой, стоя на гребне огромной скальной башни. Еще десять минут напряженной работы, и ложбина легко вывела меня на ее широкую вершину. Здесь, среди груд скальных обломков, были расчищены небольшие горизонтальные площадки, где стояли палатки Лагерь 2. Теплые красные скалы и восхитительный вид, открывавшийся из лагеря, сделали его самым популярным на Макалу.

Первая ночь в Лагере 2 была холодной, хотя в двойном спальном мешке спалось достаточно уютно. Наступило утро, ясное и солнечное, но высоко наверху дул сильный ветер, и мы видели, как он сдувал с вершины горы тучи снега. С седловины Макалу слышался глухой рев, будто далекий звук воды, бьющейся о волнорезы на берегу. Солнце дошло до нас только к восьми часам, и лишь часом позже мы отогрелись и двинулись в путь. Маршрут пролегал вдоль снежного ребра по краю ледника, а затем круто забирал вверх по кулуару с непрочными лежащими камнями и подводил к основанию ледовой стены. Вверх по стене вели ступеньки и свисала веревка, навешенная накануне. Здесь мы надели кошки и связались.

Я пошел первым вверх по леднику, проверяя мосты над трещинами и устанавливая дополнительные маркировочные флажки. Через два часа мы подходили к отметке «6390 метров». Над нашими головами высился грандиозный скальный склон Макалу II. Снег лежал и на упавших сверху камнях, что заставило нас очень тщательно выбирать площадку для лагеря. Я осмотрел несколько мест, прежде чем остановился на отлогом гребне между двумя трещинами. Перед нами снежный склон довольно резко обрывался, но там оказалось много мес-



та, чтобы выровнять площадки для палаток; к тому же мы были полностью защищены от лавин.

Радостные возгласы поднимавшихся с грузами шерпов означали, что скоро они будут с нами. Я взял большую лопату и быстро сделал площадку. Шерпы к нам присоединились, и вскоре места было уже достаточно для двухместной палатки Невисона и Харриса и четырехместной палатки шерпов. Мы расчистили большую площадку для конусообразной палатки, которую принесли на следующий день. От этого лагеря мы видели, как маршрут ведет вверх, к основанию большого ледового кулуара. Меня удивило отсутствие снега. В первой половине дня мы закончили предварительные приготовления к установке лагеря. Харрисон, Невисон, Мингма Тсеринг и Анг Темба остались там ночевать, а мы, подгоняемые усиливающейся метелью, вернулись в Лагерь 2. Только мы забрались в палатки, как началась страшная буря.

### **Страшные ветры по ночам**

Мы провели кошмарную ночь. Было очень холодно, дул сильный ветер, мела метель. К семи часам утра небо прояснилось, и только случайный сильный порыв ветра напомнил нам о буре. Во время сеанса связи с «Серебряной хижинкой» Пью передал, что решил не присоединяться к нам. Эта новость нас огорчила.

Мы увидели четыре маленькие фигурки, которые двигались высоко над нами через трещину под Макалу II. Несмотря на рыхлый снег, Харрисон, Невисон и двое шерпов шли достаточно быстро. Они достигли большой трещины у подножия длинного крутого склона, ведущего к ледовому кулуару. Тут скорость их снизилась. Видимо, они добрались до льда и стали вырубать в нем ступени.

Весь день дул холодный ветер и шел снег. Однако партия Харрисона решительно продвигалась вперед. В течение пяти часов она пересекала ледовый склон и укрепила сто пятьдесят метров веревки прямо до входа в кулуар. Она вернулась в Лагерь 3 только после шести часов вечера и сообщила, что прошла несколько участков, где снег, возможно, ненадежный. Приходилось двигаться с большой осторожностью и по самому кулуару.

Тем временем группа в Лагере 2 усилилась — прибыли пятеро зимовщиков, отдохавшие до этого в долине Барун. Я радовался, что они в хорошей форме и прекрасном настроении.

1 мая с большой группой сахибов и шерпов я переместился из Лагеря 2 в Лагерь 3. Наши взоры постоянно приковывались к склонам, по которым Ортэнбергер, Малгрев и Аннулу продолжали прокладывать маршрут. Мы видели, как они взбирались по вырубленным ступеням до конца навешенной веревки, очищали от снега лед и на пути к кулуару вырубали ряд ступенек в прочном льду. Им приходилось туго. Кулуар был очень крутым, вдобавок туда вели ледовые склоны протяженностью в сотни метров. К счастью, оказалось, что снег поверх льда в прекрасном состоянии. Им удалось достичь многого, хотя снизу они казались черными мухами, ползущими по белой высокой стене. Две трети пути они держались справа, петляя между ледяными утесами на большой высоте, и позднее достигли высшей точки того дня — 6992 метра — и стали медленно спускаться. По мере спуска было укреплено еще 150 метров веревки. Через девять часов они вернулись в Лагерь 3 очень усталые, но довольные успехами.

По моему плану Лагерь 4 мы должны были разбить 3 мая. Таким образом, у нас оставался лишь день, чтобы добраться до места. В облачный и снежный день мы вышли с Ромейнсом, Мингмой Тсерингом и Ангом Тембой, полные решимости выполнить эту задачу. Мы медленно карабкались вверх по крутому склону к снежной террасе и несколько раз останавливались по пути, чтобы перевести дух, а затем двигались вперед при плохой видимости, буквально наощупь от флажка к флажку.

Часа через два мы пересекли гигантский серак на высоте 6690 метров. Там в 1954 году находился наш лагерь, откуда я с таким трудом спустился. Минут через десять мы прошли большую трещину и стали взбираться по навешенной веревке и вырубленным ступеням к началу кулуара.

Шел сильный снег. Большую часть ступеней завалило, и по ним было трудно двигаться. Чтобы обезопасить вход в кулуар, мы вбили в лед с дюжину крючьев и соединили их тридцатиметровой веревкой. На этой стадии работы на себя взял Ромейнс. Вскоре я принял эстафету

и вырубил ступеньки на первых тридцати метрах кулуара, чтобы прикрепить нашу веревку к стопятидесятиметровой, которую навесили Ортэнбергер и Малгрев. Жизненно важна была в этом месте надежная опора, так как сорвись кто-нибудь — это означало бы для всей группы падение и неминуемую смерть. Мы вбивали крючья до тех пор, пока не добрались до скалы, где удалось надежно закрепить веревку, и поднялись вверх по укрепленной веревке, а затем свернули направо и пошли между ледяными утесами. Мы были на высоте 7000 метров. Я сильно устал, но нам еще предстояло найти площадку для лагеря.

Проклиная погоду, я с трудом шел в туман, вправо, через крутую трещину, выискивая плоский участок. Видимость была плохая, поэтому мы двигались очень осторожно. Мы знали, что склон под нами резко обрывается. Примерно через час ходьбы я ступил на довольно ровный участок и понял, что площадка для лагеря наконец найдена. Возможно, она была недостаточно защищена, но тем не менее удобнее и лучше тех, которые мы видели раньше.

Здесь мы оставили лишний груз и вернулись в туман и снег. Чтобы как-то обезопасить путь, мы навесили стопятидесятиметровую веревку и подвязали ее к верхнему концу веревки, укрепленной Ортэнбергером и Малгревом. Теперь на всем пути от Лагеря 4 к большой трещине было навешено шестьсот метров — эта мысль согревала наши сердца.

Снег валил огромными хлопьями, а мы все карабкались вниз по кулуару. При этом нам еще приходилось и очищать ступеньки от снега. Скоро мы уже шли по ледовым ступеням к трещине, едва передвигая ногами на мягкой снежной террасе и ориентируясь исключительно по флажкам. Добравшись до Лагеря 3, мы увидели, что снег занес наши палатки и толщина его была около десяти сантиметров, а из лагеря весь день нас никто не видел из-за снега. С удовольствием я забрался в спальный мешок.

Мне было приятно услышать, что физиологи соорудили из большой палатки лабораторию и уже проводят эксперименты. Их энтузиазм радовал меня. Это гарантировало дальнейшую успешную научную работу.

Не переставая шел снег, потом поднялся сильный ве-

тер и стал трепать наши палатки. Все это мне снова напомнило Антарктику с ее поземками и высокими снежными застругами, которые вырастали повсюду. Наконец рассвело. Я плохо себя чувствовал с утра — пропал аппетит, сильно болела голова — как при мигрени, вся левая половина. Не помогал даже кодеин. День выдался унылый и пасмурный, но я решил, что надо разбить Лагерь 4, даже если это потребует дополнительной работы. Я попросил Милледжа и Малгрева, чтобы они взяли на себя труд восстановить маршрут вверх по навешенным веревкам. За ними шли семеро самых сильных шерпов, каждый из которых нес по восемнадцать килограммов груза. Группу замыкали Майк Уорд и Майк Джилл.

Как я и думал, идущая впереди связка была вынуждена приложить максимум усилий, чтобы расчистить занесенные снегом ступеньки и сделать маршрут проходимым. К середине дня погода совсем испортилась, но, несмотря на эти трудности, группа добралась до площадки и установила палатки на высоте 7000 метров. Милледж и Малгрев вернулись в Лагерь 3, оставив в одной палатке Уорда и Джилла, а в другой — Уркьена и Ниму Дорджи.

Весь вечер не переставая шел снег, потом снова поднялся сильный ветер, он нещадно трепал палатки. С каждым мощным порывом ветра мои мысли снова и снова обращались к той маленькой группе, которая осталась в Лагере 4 на открытой полке, и я опасался, что ветром их может вовсе сдуть с горы.

В моей жизни было не много ночей страшнее той. Я почти не спал, все время ворочался — сильно болели голова и спина. От порывов ветра палатка ходила ходуном, и хлопала, как кнут, и дрожала, и натягивалась между растяжками. Иногда налетал шквальный ветер. Оставалось только удивляться, почему палатка не разорвалась пополам. К счастью, к утру мы были все целы и здоровы, и ветер немного поутих, видно набирая силы для новой атаки.

В девять часов утра Невисон вышел с восемью нагруженными шерпами в Лагерь 4. Им предстоял трудный путь: снова все ступеньки были занесены свежевypавшим снегом. Прошло некоторое время, прежде чем мы увидели какие-то признаки жизни в Лагере 4. Однако в половине десятого утра его обитатели проснулись и

приступили к разведке пути на седловину Макалу. Хотя это и означало, что все мы удовлетворительно переносим подобные погодные условия, мне хотелось надеяться, что погода хотя бы немного улучшится и позволит нам предпринять попытку штурма вершины в приемлемых условиях. Каждая скала до самой седловины Макалу была покрыта снегом и льдом. Непогода мешала сохранять маршрут открытым для движения.

## Бездействие

Все утро я наблюдал, как группа из Лагеря 4 медленно продвигалась по крутым склонам к подножию скал, ведущих к седловине — должно быть, вырубала ступени и навешивала перила, а это работа трудоемкая. Скорее всего, она не смогла найти явного маршрута. Повернув вправо, она стала карабкаться на скалы. Несколько озадаченные их действиями, мы видели, как они поднялись выше, потом некоторое время лазили кругом, после чего стали спускаться. Часа в два мы увидели, что группа медленно возвращалась к Лагерю 4. Она передала по радио, что ее сбили с толку остатки перильной веревки на скалах. Очевидно, французы тоже предприняли попытку пройти здесь, но безуспешно.

На горы опустилась безветренная ночь — первая за последнее время. На этот раз группа Уорда вышла из Лагеря 4 часов в восемь утра и гораздо быстрее преодолела полку, где она вырубил ступеньки. Накануне, вместо того чтобы идти по неудавшемуся маршруту, она пошла по полке, затем поднялась по боковому кулуару к скальному ребру с правой стороны гигантского кулуара, начинающегося от седловины Макалу. К одиннадцати часам утра она поднялась до трещины и уверенно вырубала ступеньки вверх по участкам, почти на всем протяжении покрытым снегом.

В это время Харрисон и Ромейнс, воспользовавшись хорошей погодой, направились в Лагерь 4 с пятнадцатью нагруженными шерпами. Теперь маршрут был в лучшем состоянии, и мы могли наблюдать, как большую часть пути они, петляя, легко шли вверх, к лагерю.

С особым волнением следили мы за продвижением другой, более высоко расположенной группы. Ее участ-

ники быстро поднимались по скале и уже вырубili ступеньки вплоть до последнего снежного купола на пути к седловине. В полдень мы заметили человека, в котором даже на расстоянии я сразу узнал Майка Джилла. Он пересек гребень седловины и скрылся из виду. Другие последовали за ним. Они «отсутствовали» недолго, вскоре снова показались в поле нашего зрения и стали спускаться.

К трем часам дня Джилл, усталый, но с некоторым запасом энергии, дошел до Лагеря 3. Он подробно рассказал нам о маршруте и объяснил, что придется еще долго навешивать веревки. Уорд вернулся примерно через час после Джилла, изможденный и усталый. Он едва передвигал ноги. Однако день удался — дорога на седловину была открыта.

6 мая я дал шерпам возможность отдохнуть. Нести в Лагерь 4 было уже нечего. Тем не менее сильная четверка (Ромейнс, Харрисон, Мингма Тсеринг и Пемба Тенцинг) провела этот день на склонах седловины Макалу. Они навесили несколько сот метров веревки. В конце трудного дня я говорил с ними по радио. Они убедились, что особых трудностей на пути к седловине нет. Однако веревки им не хватило. Тогда я решил, что им стоит использовать два тридцатishестиметровых конца и переместить стопятидесятиметровую перильную веревку, которая висела выше по скалам.

Я чувствовал себя все еще плохо — болела левая половина головы. Поэтому я решил спуститься вниз, в Лагерь 2, чтобы немного отдохнуть. Уорд и Джилл после двух дней, проведенных выше 7000 метров, тоже нуждались в отдыхе, поэтому они спустились со мной. Путь этот не доставил мне радости. Я еле держался на ногах и в Лагере 2 с облегчением забрался в палатку.

Должно быть, сброс высоты оказал на меня благотворное влияние. Я хорошо выспался. Правда, наутро я чувствовал себя все еще неважно. Почти весь день шел густой снег, яростно завывал ветер. Сначала я пообещал всем дать один день отдохнуть, но потом решил, что мы не можем позволить себе терять время даром, если в этом нет большой необходимости. Малгрев и Ортэнбергер с двадцатью тремя шерпами поднимались по ледяному кулуару из Лагеря 3 в Лагерь 4, который стал уже многолюдным.

Перед ними стояла очень важная задача — перенести основное снаряжение и запасы на седловину Макалу; от их успеха зависела вся дальнейшая деятельность экспедиции. Харрисон и Ромейнс провели еще день, навешивая веревки на пути к седловине. В отвратительных условиях они завершили эту работу и вернулись в Лагерь 3 уже довольно поздно. Они оказались сильной связкой и проделали великолепную работу.

Айлу, одного из самых сильных наших шерпов, в Лагере 3 неожиданно свалила острая пневмония. Его нужно было как можно скорее эвакуировать. Начался буран. Айла с трудом мог передвигаться, поэтому два наших врача, Джим Милледж и Джон Уэст, отправились вместе с ним. Они поддерживали его во время долгого мучительного спуска, потребовавшего от больного много усилий. В нескольких десятках метров от Лагеря 2 Айла упал от изнеможения. Джим Милледж бросился в Лагерь за кислородным баллоном. Кислород помог больному, он быстро пришел в себя и смог без особого труда добраться до Лагеря 2. Остаток дня и следующую ночь он дышал кислородом.

Все утро мне нездоровилось. Днем кое-как удалось заснуть, и я немного забылся до вечера. К ужину меня разбудил шерп. Боль в левой половине головы и лице значительно усилилась. Я никак не мог втолковать шерпу, что не хочу есть. И чувствовал себя беспомощным, руки и ноги были словно чужие. Хотя я хорошо соображал, при попытке что-нибудь сказать выходила какая-то чепуха — чувство не из приятных.

Озадаченный шерп наконец ушел. Поскольку боль стала очень сильной, я позвал Майка Уорда. Его палатка находилась недалеко от моей. В конце концов он услышал меня и пришел на помощь вместе с Джимом Милледжем. Оценив мое состояние, они бросились за кислородом. Всю ночь я дышал кислородом и принял изрядную дозу лекарств. Однако ночь не принесла мне облегчения. Когда бы я ни просыпался (а такое происходило довольно часто), Джим Милледж или Майк Уорд сидел возле меня при свете свечи. Меня очень трогали их забота и внимание.

К утру я крепко заснул, а когда проснулся, почувствовал себя лучше, хотя речь еще не нормализовалась, а чувство равновесия оставалось слегка нарушенным.

Врачи назвали это заболевание цереброваскулярным расстройством, и некоторое время в лагере только и было разговоров о высоте, тромбах, спазмах сосудов и т. д. Майк Уорд обошелся со мной сурово. Он требовал, чтобы я немедленно спустился на высоту менее 4560 метров и по крайней мере несколько месяцев не поднимался выше. Он откровенно предупредил меня о серьезных последствиях, которые меня ждут в том случае, если я не последую его совету. Я все еще чувствовал себя паршиво, поэтому не сильно сопротивлялся.

К полудню с двумя шерпами я вышел в Лагерь 1. Помощь мне была не нужна. Я шел все еще слегка пошатываясь, но тем не менее добрался до Лагеря за два часа. Я настолько опередил шерпов, которые несли багаж, что у меня осталось время на отдых, поэтому я забрался в спальный мешок шерпа. В течение всего дня я не сводил глаз со склонов, ведущих к седловине Макалу. Для экспедиции это очень важная стадия.

С утра погода была неплохая, но в тесноте Лагеря 4 шерпы все никак не могли быстро приготовить еду и не хотели поэтому рано выходить. Сахибы их энергично поторапливали. В результате из Лагеря вышли двадцать три человека, каждый из которых нес тринадцать с половиной килограммов важных грузов. На этом участке пути произошли потери: двоих шерпов неожиданно начало сильно тошнить, и они наотрез отказались идти дальше. Оставшиеся двадцать один человек оказались сильной и работоспособной группой, и, хотя погода быстро портилась, Малгрев и Ортэнбергер повели их вверх по крутым скально-ледовым склонам, а затем через седловину Макалу навстречу бурану. Пытаясь держаться прямо, они занесли свои грузы на сотню метров выше седловины по направлению к Макалу, на высоту 7417 метров, а затем поспешно спустились, чтобы уберечься от яростных порывов ветра, и снова пошли к Лагерю 4. В это время уже шел сильный снег, но группа, окрыленная своим успехом, отправилась дальше, чтобы в тот день добраться до Лагеря 3. Благодаря их достойным восхищения усилиям мы могли предпринять штурм вершины.

9 мая утром я проснулся в Лагере 1. Ночь я провел хорошо. На такой высоте чувствуешь себя гораздо лучше, поэтому меня угнетала мысль, что оставил восхождение на полпути. Однако врачи не допускали отклоне-



ния от предписаний, так что мне пришлось отступить перед их совместными усилиями, но попыткам отправить меня на вертолете в Катманду я быстро положил конец. Джим Милледж великодушно согласился остаться с больными и тем самым отказался от восхождения.

Я попросил Майка Уорда взять на себя руководство штурмом, ведь он провел в Гималаях больше времени, чем любой другой участник восхождения. Питер Малгрёв и Мингма Тсеринг спустились вниз днем. Я им очень обрадовался. Оба они готовы были ради меня отказаться от восхождения и пойти в долину Барун, а оттуда нижним маршрутом в Кхумджунг. Однако я не согласился.

Я знал, как они мечтали подняться на большую высоту. К тому же, если учесть, что Бишоп, Милледж и я вышли из состава штурмовой группы, то она и так уже стала слишком небольшой. По крайней мере, я чувствовал, что оставляю дела в довольно хорошем состоянии: лагерь и маршрут готовы вплоть до седловины Макалу, а на горе достаточно припасов для подъема и спуска; снаряжение для штурма и большая часть научного оборудования уже на седловине; в нашем распоряжении отличная группа шерпов, готовая идти за нами на край света. Немного удачи да хорошая погода — и мы могли бы рассчитывать на успех.

Днем 10 мая Джим Милледж, я и больной Айла в сопровождении сирдара Давы Тенцинга и четверых шерпов спустились по трудной морене ледника Барун к старому французскому базовому лагерю на поросшей травой площадке. Мы оказались на высоте 4666 метров. Здесь мы отдохнули неделю и вновь обрели силы, а затем повернулись спиной к Макалу и отправились в путь. После пятнадцатидневного напряженного броска через крутые гребни, опасные ущелья и пенящиеся потоки мы добрались до нашего дома в Чанмитанге. При этом мы оставались на высоте 4570 метров. Тем временем на Макалу разворачивались мрачные события.

## ГЛАВА XV

### Восхождение

11 мая, чудесным ранним утром, какие редко выдаются в горах, началось восхождение на Макалу. В первой группе оказались Ромейнс, Джилл, Ортэнбергер.



Восходители приближаются к седловине Макалу.  
Вдали— Лагерь 4

Вместе с Уордом и Уэстом они вышли из Лагеря 3 с сильной группой шерпов. Хотя погода стояла прекрасная, однако очищать ступени, ведущие к Лагерю 4, было тяжело и утомительно. Ночью выпал снег и покрыл все вокруг сантиметров на тридцать. Как обычно, хорошая погода продолжалась недолго. К полудню небо затянули тучи и подул резкий ветер.

Когда на следующее утро они проснулись, снова ярко сияло солнце. Они глазам своим не верили — это было слишком большой удачей. Их путь из Лагеря 4 начался довольно легко. Восходители шли к седловине Макалу по проложенному маршруту, где были навешены веревки, и уже через три часа вышли на нее. Подул сильный ветер. Стало холодно и неудобно. Один из шерпов предположил, что французы, видимо, располагали свой лагерь примерно тридцатью метрами ниже, в ледовой ложбинке, которая представляла собой площадку из отполированного зеленого льда. От ветра там абсолютно негде было укрыться. Поэтому палатки Лагеря 5 поставили на высоте 7418 метров на большом плато среди множества скальных образований причудливой формы — результат работы ветра и резких смен температур.

На западе виднелся Тибет, а на линии горизонта — величественная Канченджанга. Отдохнув и выпив горячего чая, группа приступила к физиологическим исследованиям и собрала пробы альвеолярного воздуха. Уорд предложил утром двинуться дальше, установить велоэргометр и продолжить физиологическую программу.

Всю ночь дул ветер. К утру он не стал слабее. Первая группа готовилась покинуть Лагерь 5, но никто не желал начать движение. Даже шерпы собрались на четверть часа раньше сахибов. Во главе с Пембой Тенцингом, который уже побывал здесь с французами, шерпы отправились вверх. Однако, вместо того чтобы двигаться по гребню, они попытались пройти по правой стороне ледника. К тому времени, когда сахибы догнали шерпов, те уже поднялись на высоту 7600 метров. Тут надо было сделать выбор: либо продолжить движение по правой стороне ледника в надежде найти путь, который выведет их влево, либо вернуться и идти по маршруту французов, что означало бы спуск на сто — сто двадцать метров. После недолгого обсуждения они пришли к выводу, что терять с таким трудом набранную высоту не стоит, поэтому следует попытаться пройти через середину ледника, между ледовыми башнями и глыбами. Позднее оказалось, что такой выбор был пагубным.

На этой стадии, пока Джилл пытался снять хотя бы что-нибудь на киноленту, восхождением по очереди руководили Ромейнс и Ортэнбергер. Оказалось, что проводить съемку на высоте 7600 метров — занятие непосильное, так что от кинокамеры пришлось отказаться. На высоте 7843 метра под прикрытием высокого ледяного серака шерпы расчистили площадку для Лагеря 6. Работали они быстро, и вскоре палатки уже стояли. Восходители тут же забрались в них и, лежа в теплых спальных мешках, приходили в себя после тяжелой работы. Затем с решимостью, достойной восхищения, они стали брать пробы альвеолярного воздуха и продолжили физиологические исследования. Несмотря на то что в течение дня была затрачена масса энергии, есть никому не хотелось. Более того, когда они пробовали хотя бы что-нибудь проглотить, их рвало.

После приема снотворного группе удалось как следует выспаться. Проснувшись утром, она почувствовала, что отдохнула хорошо. Дул сильный ветер, и она видела,

как он сносит с гребня снег. Зрелище, прямо скажем, не из приятных. Гора выглядела как нельзя более зловеще. К сожалению, никому не пришла мысль вернуться или хотя бы какое-то время переждать — во всяком случае, никто не обмолвился об этом ни словом. Восходители вышли из палаток на ветер в надежде найти путь через ледяные сераки к старому французскому маршруту.

Ромейнс и Джилл шли первыми, а Ортэнбергер в связке с Уркьеном, Нимой Дорджи и Пембой Тенцингом, которые несли все необходимое для Лагеря 7. Одного из шерпов, Фу Дорджи (он дошел до Лагеря 7), ночью рвало, к тому же он кашлял кровью. Поэтому Фу Дорджи отказался идти дальше.

Натянув на себя все теплые вещи, которые у них были, они, борясь с ветром, карабкались вверх по крутому ледовому склону, который вел к выступу, покрытому слоем плотного снега. На особенно крутых участках приходилось вырубать ступени, что отнимало у альпинистов очень много сил. Тут они поняли, что в случае несчастья снести вниз больного или раненого будет крайне трудно.

День разгорался, а погода все ухудшалась. Около полудня тучи закрыли вершину горы. Начался буран. Прилагая титанические усилия, группа пролагала путь через сераки и вышла в снежную ложину слева от ледника Макалу. Несмотря на невероятно трудные условия, она продолжала подъем. На высоте 7995 метров альпинисты поняли, что у них нет сил двигаться дальше. Вместо того чтобы разбить новый лагерь, всего в ста пятидесяти метрах выше Лагеря 6, они решили оставить тут снаряжение и вернуться на ночлег в Лагерь 6. Крайне раздосадованные, возвращались они вниз.

Спуск оказался труднее подъема. Если при подъеме холодный поток воздуха подгонял их в спину, то теперь ледяной ветер хлестал прямо в лицо. Защитные очки очень скоро обледенели, и, ослепленные, они вынуждены были их снять. С трудом находя дорогу, спускались они вниз. Лица покрылись корочкой льда. Борьба с ветром выматывала последние силы. В холодном разреженном воздухе было трудно дышать. На последнем ледовом участке, уже перед лагерем, крайне изнуренный Джилл поскользнулся и потянул за собой Ромейнса. Они пролетели почти пятнадцать метров и остановились, наполовину засыпанные снегом. Однако оба были настолько

обессилены, что никак не отреагировали на падение. Медленно поднявшись, они с трудом сделали последние несколько шагов до Лагеря 6. Фу Дорджи разжег примус, над которым они растопили толстый слой льда на лицах. Джилл сильно обморозил нос. К счастью, пальцы на руках и ногах никто не отморозил, а ведь это особенно опасно. Все очень устали.

Ночью они спали плохо. Наутро погода не улучшилась. Решено было вернуться в Лагерь 5, не дожидаясь дальнейшего ухудшения погоды. Джилл спускался с большим трудом, Ромейнс и Ортэнбергер чувствовали себя несколько бодрее. Ветер сдул с плато на седловине большую часть свежавывавшего снега.

Там обнажился гладкий лед, на котором плохо держали даже кошки. Ветер свалил одного из шерпов с ног. Несчастный скользил по льду до тех пор, пока не натянулась веревка. Тогда он тяжело встал и побрел дальше.

Последние несколько сот метров альпинистам приходилось останавливаться через каждые пятьдесят метров и отдыхать. С радостью, наконец, они забрались на седловине в хлопающие палатки. Это произошло 15 мая; в тот день по нашим планам группа должна была достичь вершины, но она вновь оказалась в Лагере 4, измученная и вымотанная.

## Планы меняются

Тем временем другие участники восхождения, отделенные днем пути, уверенно поднимались на гору. 13 мая Харрисон и Малгрев добрались до Лагеря 4. Отсюда открывался прекрасный вид на Эверест и Лхоцзе. Пока они любовались видом, стали собираться тучи и усилился ветер. Когда они пришли в лагерь, их поразило, что огромный камень скатился по склону и остановился всего в трех метрах от палатки. Валун, вероятно, сдуло в предыдущую ночь сильным ветром. Свидетельств того, что это происходило регулярно, не было. Харрисон заметил:

— В любом случае на этом камне удивительно приятно и удобно посидеть.

Утром, когда они поднимались по маршруту к седловине Макалу, было очень ветрено. У Малгрева мерзли

руки, и ему с трудом удавалось их отогревать. Из-за этого он часто останавливался. В Лагере 5 оставались Уорд, Невисон и Уэст. Они продолжали вести научную работу, проводили эксперименты с применением велоэргометра. Когда альпинисты пришли в лагерь, видимость продолжала оставаться очень плохой. Однако к вечеру тучи вокруг Макалу рассеялись, и нетрудно было проследить маршрут до вершины. Ветер же все не утихал.

С возвращением довольно потрепанной первой штурмовой группы в Лагерь 5 дальнейшие планы пришлось пересмотреть. Майк Уорд, один из самых сильных и наиболее опытных наших альпинистов, и Уэст вот уже пять дней занимались физиологической программой на седловине. Уорд был не в форме и не мог принять участия в восхождении, поэтому решил остаться в лагере.

Первая штурмовая группа посоветовала, чтобы две следующие начали подъем, а сами Малгрев и Невисон хотели пойти вверх и установить Лагерь 7, но ночевать там не оставаться, а только подготовить его для штурма. Затем самый крепкий сахиб, Джон Харрисон, и лучший шерп (возможно, Уркьен) попытаются дойти до вершины. Конечно, всем очень хотелось отправиться на штурм вершины. Позднее этот план изменился. Предполагалось, что Малгрев с Невисоном составят вторую штурмовую группу, тогда как полный решимости Ортэнбергер, которому пришлось легче, чем его товарищам при первой попытке, собирався, присоединиться к Харрисону для третьего восхождения. Джилл слишком устал, чтобы что-либо предпринимать, — ему оставалось только спуститься в Лагерь 3, а у Ромейнса было затруднено дыхание. Таким образом, они оба временно выбывали из игры. Следующие две ночи им пришлось периодически дышать кислородом, чтобы нормализовать нарушенное дыхание.

Утром 16 мая погода, казалось, стала слегка исправляться. Правда, еще дул ветер, но он был значительно слабее, чем в последние несколько дней. Вторая штурмовая группа, Невисон и Малгрев с восемью шерпами, подготовилась и двинулась к Лагерю 6. В спину ей дул довольно сильный ветер, но он ее не очень беспокоил, и переход был довольно удачным. Лагерь располагался под большим ледовым выступом у края ледника, и им пришлось вырубить несколько ступеней, чтобы туда до-

браться. Они очистили палатки от снега и забрались в них, чтобы согреть чай, приготовить еду и отдохнуть. Двое шерпов вернулись назад, в Лагерь 5, оставив здесь шестерых шерпов и двух сахиоов.

Ночь была крайне холодной, и они мало спали. Наутро погода существенно не изменилась. По-прежнему дул сильный ветер. Настроение у них окончательно испортилось. Без всякого энтузиазма они стали готовиться к выходу. К счастью, к восьми часам утра ветер значительно ослаб, и они смогли тронуться в путь. Первая попытка восхождения послужила уроком, ведь тогда двое самых сильных сахибов сильно вымотались, сделав основную работу. Теперь Невисон с Малгревом ничего не несли и оставили тяжкий труд по прокладыванию маршрута шерпам.

Путь через ледник был размечен первой группой, хотя та и не смогла навесить веревки или вырубить много ступеней. Придерживаясь флажков, вторая группа довольно много времени потратила на то, чтобы расширить ступени, ведущие по ледовым стенам и в обход ледовых башен, а также навесить веревки на наиболее трудных участках. Она шла размеренно, часто останавливалась, чтобы восстановить дыхание, миновала участок разломанного льда и стала медленно подниматься к запасам продуктов и снаряжения, которые первая группа оставила на высоте 7995 метров.

Вниз по центру горы шло огромное, широкое ледовое ребро, рассекавшее склон пополам. У его подножия лежала заброска, теперь совсем занесенная снегом. Французская экспедиция для подъема выбрала неглубокий желоб слева вдоль ребра, но Невисону и Малгреву этот маршрут показался довольно опасным — особенно потому, что у них не было тех запасов сил, которыми располагали французские альпинисты, шедшие с кислородными аппаратами. Вместо этого они решили пойти правее ребра по крутому, но открытому снежному полю.

## **Шестеро на веревке**

В сотне метров над сахибами шестеро шерпов поднялись по последнему крутому склону, ведущему к заброске, и Аннулу уже начал копать у основания ледового

ребра, чтобы найти оставленные здесь продукты. Последний шерп в связке, Да Тенцинг-Второй, ослабил внимание, неожиданно потерял равновесие, поскользнулся и покатился по склону. Секунды через две веревка так натянулась, что сдернула следующего человека, а потом следующего. Вскоре уже все шестеро шерпов кувыркались вниз по склону. Малгрев и Невисон могли только в ужасе наблюдать, как несчастные неслись с быстро нарастающей скоростью, и никто из них не пытался задержать падение при помощи ледоруба или каким-нибудь другим способом самостраховки. Они катились по горе, разбрасывая ледорубы и снаряжение по склону. На ледовом выступе их подбросило в воздух на три или четыре метра, затем они сильно ударились о склон и полетели дальше к неведомым безднам.

Оцепеневшие Малгрев и Невисон были вполне убеждены, что потеряли всех шестерых шерпов. Без всякой надежды смотрели они, как все шестеро перелетели через трещину, над которой было некое подобие снежного моста. Они увидели, как двое скрылись из виду, когда «мост» провалился. Затем веревка натянулась, и остальных четырех рывком остановило. Собравшись с духом, двое сахибов стали осторожно спускаться к безмолвным телам, по пути собирая ледорубы и снаряжение. Сначала один, затем другой шерп встряхнулся и сел. Вскоре уже все шестеро сидели на краю трещины, осматривая себя — нет ли ран. Анг Темба повредил ногу, и Невисон подозревал у него перелом; у Мингмы Тсеринга была поранена голова — кто-то задел его кошками во время падения, — и из множества мелких ран по лицу текла кровь. Остальные, казалось, были целы и невредимы, хотя потрясены случившимся.

Невисон предложил повернуть назад и спустить двух пострадавших, но Анг Темба и Мингма заявили, что вполне могут сами добраться до Лагеря 6. В конце концов сахибы согласились. Действительно, идти было не так уж далеко; по маршруту на всех трудных местах висели веревки, да и люди они сильные и опытные. Они немедленно пошли вниз, и, хотя Анг Темба двигался с трудом, Мингма держался молодцом.

Малгрев, Невисон и четверо оставшихся шерпов возобновили подъем к складу. Затем двое сахибов обсудили, каким образом доставить все это в Лагерь 7. Теперь



у них не хватало носильщиков. Стало ясно, что придется отказаться от намерения сберечь силы для решающего штурма. Договорились, что Невисон пойдет впереди и там, где необходимо, будет выбивать или вырубать ступени, а Питер Малгрев понесет оставшийся груз одного из шерпов — почти восемь килограммов. Груз другого предполагалось распределить между оставшимися шерпами.

Каждый шаг им давался с усилием, поэтому они медленно, но размеренно шли вверх по снежному полю справа от огромного ледового ребра и вышли прямо против предполагаемого Лагеря 7, у подножия скального гребня, который соединялся с вершинным. В их распоряжении оказались два альтиметра, по которым они все время проверяли высоту. На этот раз оба альтиметра показывали 8208 метров.

Восходители с трудом пересекли верхнюю часть снежного поля — оно было очень крутым. Шерпы хотели сбросить свои грузы и вернуться в Лагерь 6. Массы снега, принесенные сильным снегопадом, еще не успели слежаться и затвердеть. Ветер дул в спину и не причинял большого беспокойства. Насколько позволяло затрудненное дыхание, они наслаждались величественным видом Лхоцзе и Эвереста. Теперь они могли смотреть сверху на Южную седловину и далеко в Тибет.

Найти место для Лагеря 7 было делом нелегким. Здесь всюду было исключительно круто. Наиболее подходящей оказалась площадка прямо под скальным ребром, но ей угрожали камнепады. Группа спустилась на метр или два и выбрала площадку на краю трещины, открытую всем ветрам, но зато там не могло быть камнепада. Шерпы освободились от грузов и тут же ушли в Лагерь 6, оставив Аннулу, Тома Невисона и Питера Малгрева расчищать место для палаток и ставить их. Им оказалось не под силу расчистить даже крошечную площадку: работать было неудобно и тесно. К тому же малейшее физическое усилие вызывало сильную одышку. В конце концов они поставили две палатки входом друг к другу. С одной стороны зияла глубокая трещина, а с другой шел крутой склон, обрывавшийся на 1800 метров вниз, прямо к Лагерю 3. С верхней части трещины на палатки продолжали падать маленькие льдинки.

Лагерь был установлен. Теперь альпинисты могли

согреть себе на примусе чай и осмотреться. Вершина Макалу виднелась очень ясно и четко и казалась недалекой — всего в двухстах пятидесяти метрах выше. Ветер сдувал с нее снег и уносил в Тибет. Снова им открылся прекрасный вид через Южную седловину на Эверест.

Оказалось, что любая работа теперь давалась им с невероятным трудом. Много времени ушло на то, чтобы подготовить лагерь и привести в порядок снаряжение. Аннулу забрался в маленькую палатку и стал готовить пищу. Сначала они предполагали ограничиться консервами, но почувствовали, что есть им совсем не хочется. Они много пили, в основном чай с лимоном, и ели бисквиты с джемом. Было очень холодно, однако в двойных спальнях мешках им было тепло и удобно. Тут обнаружилось, что маленький красный пакет Малгрева, в котором находилась кинокамера, экспедиционные деньги, запасные носки и перчатки, был утерян во время падения шерпов. К тому же, а это было ужаснее всего, Аннулу, видимо, повредил ребро (позднее выяснилось, что он его действительно сломал). Тем не менее они были относительно спокойны, так как чувствовали себя довольно неплохо, да и лагерь их в конце концов находился в каких-то двухстах пятидесяти метрах от вершины.

Все трое ночью спали довольно беспокойно и рано стали готовиться к штурму. Малгрева подташнивало и слегка вырвало — довольно нормальное явление для такой высоты. Он не сомневался в том, что восхождение начинать стоит. Долго они надевали ботинки и натягивали верхнюю одежду, и, хотя приготовления начались в половине седьмого утра, из палатки им удалось вылезти только в половине десятого. Даже тогда им казалось, что они чересчур долго привязывают кошки к ботинкам. С юга вновь подул ветер.

Хотя подъем был нетрудным — ветер дул в спину, — спуск мог оказаться крайне тяжелым. Вокруг клубились облака, но основная их масса лежала внизу, поэтому окружающие пики — десятки и десятки пиков — хорошо просматривались. Эверест также был ясно виден, но облака закрывали его южную седловину и двигались над Тибетским нагорьем. Яростные порывы ветра сдували снег с вершины Макалу. Люди знали, что, когда они до-

берутся до предвершинного гребня, им придется туго.

Несмотря ни на что, они все-таки решили предпринять попытку штурма. Сначала они медленно шли по направлению к огромному скальному гребню, который соединялся с предвершинным. Чтобы добраться до его основания, им потребовалось около часа. Затем, вместо того чтобы подниматься прямо вверх, они свернули вправо, на длинный снежный язык, который тянулся примерно до середины гребня, прежде чем исчезнуть в скалах. К тому времени, когда они достигли верхней части склона, они шли уже часа три или четыре, еле-еле двигаясь. Каждый шаг был мукой. Они находились примерно в ста двадцати метрах над Лагерем 7. Аннулу (его мучил ветер) предложил повернуть назад. Он считал, что до вершины им не добраться. Было очень холодно. Они с трудом согревали пальцы рук, хотя под пуховыми рукавицами у них были надеты еще шерстяные. Аннулу часто жаловался на боли в груди, но никто не придавал этому никакого значения, все считали, что виной всему — ветер.

Альтиметр показывал 8330 метров. Им казалось, что стоит протянуть руку — и они коснутся вершины. Ветер хлестал и сметал снег с гребня, однако идти по снежному языку было относительно легко. Они решили уйти с него и подниматься по верхушке гребня. Полные желания продолжать восхождение, они поменялись местами в связке, прежде чем снова тронуться в путь. Неожиданно силы оставили Малгрева, и он рухнул в снег. Несколько минут он судорожно хватал ртом воздух, однако силы не возвращались, и стало ясно, что с ним произошло что-то ужасное. Малгрев понял, что идти дальше не сможет. Единственным его желанием было, чтобы остальные из-за него не останавливались и продолжали штурм. Он просил, чтобы его оставили на скале, а Невисон и Аннулу отправились дальше, к вершине.

Невисону предстояло принять сложное решение. Тяжелым ударом было бы признать себя побежденным, когда до вершины оставалось каких-то сто пятьдесят метров. Однако обессилел не только Малгрев, Аннулу тоже был плох.

Они повернули назад, подстраховывая Малгрева. Раз пять Малгрев как подкошенный падал в снег. Приходилось ждать, пока он снова находил в себе силы под-

няться и преодолеть еще несколько метров. Иногда он скользил по склону, двое других подстраховывали его веревкой. Он, шатаясь, снова упрямо поднимался и с трудом делал несколько шагов. Порой он не совсем понимал, что происходит вокруг, даже терял сознание. Придя в себя, он видел, что лежит или сидит в снегу. К тому времени, когда они наконец добрались до лагеря, Малгрев был в состоянии полного физического истощения, а с Аннулу, видимо, случился коллапс. Пока Невисон укладывал Малгрева в двойной спальный мешок, Аннулу сидел без движения в своей палатке. Ему пришлось уложить и Аннулу. Невисон разжег примус, приготовил чай и суп. Малгрев без особых трудностей принял пищу, Аннулу же пришлось долго трясти, прежде чем он поел и попил.

Малгрев, согревшись в спальном мешке, почувствовал себя значительно лучше и с характерным для него оптимизмом без конца только и говорил о новой попытке штурмовать вершину, которую они предпримут на следующий день. Невисон к этим разговорам действительно отнесся не слишком серьезно. Положение у него было отчаянное: Невисон оказался с двумя больными на руках на огромной высоте (Малгрев был болен намного серьезнее, чем они могли даже предположить, — у него произошла эмболия легочной артерии правого легкого, от которой он мог скончаться в любую минуту).

Они ничего не предпринимали, так как Малгрев периодически страдал от страшных приступов боли. Однако всякое болеутоляющее средство (например, морфий) могло еще больше затруднить дыхание, а кислород для применения в медицинских целях остался в трехстах пятидесяти пяти метрах ниже, в Лагере 6. Пришлось провести длинную жуткую ночь. Невисон почти не спал, его мучила мысль, что вряд ли удастся спустить Малгрева.

## ГЛАВА XVI

### Отчаянные дни

Вторая ночь, которую провел Малгрев в Лагере 7, была очень тяжелой. Однако наутро он чувствовал себя значительно лучше, да и Аннулу казался намного весе-

лее. Они стали спускаться. Впереди, шатаясь, двигался Малгрёв, сзади его подстраховывали Аннулу и Невисон. Не прошли они и сотни метров, как боль в груди у Малгрёва настолько усилилась, что он снова упал. Когда больной пришел в себя, то заявил, что идти дальше не может.

Невисон и Аннулу стали уговаривать его продолжать спуск. Малгрёв пополз вниз. Его страховали сверху и снизу. Иногда он спотыкался и скользил. Прошла целая вечность, прежде чем они добрались до подножия ледового ребра. Там они обнаружили небольшое углубление, куда ветер постоянно наносил снег. Это было единственное возможное для бивуака место между Лагерями 6 и 7. Дальше Малгрёв идти уже не мог. Он испытывал страшные муки и временами терял сознание. Невисон решил, что именно здесь они остановятся. Ему удалось положить Малгрёва в полном обмундировании в двойной спальный мешок. После этого он послал Аннулу в Лагерь 6 за шерпами, палаткой, кислородом и примусом.

Невисон остался с Малгрёвом на высоте 7995 метров. Его все время беспокоила мысль, что с ними произойдет, если в Лагере 6 никого не окажется. В качестве меры предосторожности он стал рыть в снегу углубление.

Какая это была радость, когда к вечеру из Лагеря 6 пришли два шерпа, Пемба Тенцинг и Пасанг Тенцинг, и принесли палатку и еду. Все стали ставить палатку, после чего вынули Малгрёва из мешка, внесли в палатку и снова засунули в мешок. Потом шерпы поспешили в Лагерь 6, чтобы успеть туда до темноты. Ночь была настоящим кошмаром.

Теперь сам Невисон почувствовал себя плохо. Он с трудом дышал. Облегчение наступало только в положении сидя. Воды не было, и у обоих уже началось критическое обезвоживание организма. Невисон истратил весь запас спичек, чтобы зажечь свечу. Сделать это ему так и не удалось. Всю ночь он ел снег и принимал ацетилсалицилат. На следующее утро Невисон обнаружил, что у него пенистая и розовая мокрота. Его также мучили кашель и одышка. Он диагностировал отек легких — заболевание, которое унесло жизни столь многих альпинистов. Малгрёву стало еще хуже. Обоим необходимо было как можно скорее спуститься вниз.

— Что могло с шерпами случиться? — то и дело спрашивали они друг у друга. — Разве они не знают, что мы здесь умираем?

Тем временем, дня на два раньше, на седловине Макалу третья штурмовая группа в составе Харрисона и Ортэнбергера готовилась двинуться к Лагерю 6. Накануне ночью разыгралась страшная буря, и они были уверены, что группа Малгрева—Невисона не сможет в тот день штурмовать вершину, а останется ждать в Лагере 6 в надежде, что на следующий день погода изменится.

Однако утром продолжал дуть сильный ветер, и они решили отложить выход, так как было бы безумием в такую погоду подниматься на гору. В одиннадцать часов утра до них добрались шерпы и рассказали, что произошло ниже ледового ребра. Анг Темба то ли растянул связки, то ли сломал лодыжку и не мог уйти из Лагеря 6. Это был серьезный удар по планам третьей группы.

Сначала решили, что Харрисон, Ортэнбергер и их шерпы немедленно отправятся в Лагерь 6, чтобы снести Анга Тембу вниз. Однако Майк Уорд, который все еще оставался на седловине, хотя и чувствовал себя довольно плохо, решил подняться в Лагерь 6, пользуясь кислородом, чтобы осмотреть Анга Тембу и тем самым освободить от забот третью группу. К четырем часам дня Уорд передал, что у Анга Тембы, вероятно, тяжелый перелом лодыжки и его должна снести вниз сильная группа шерпов. Это, конечно, означало крушение всех надежд для последней штурмовой группы.

Утром 19 мая ветер дул с неослабевающей силой. Ортэнбергер и Харрисон вместе с шерпами долго поднимались по горе и наконец достигли Лагеря 6, где был Уорд. Ни один из сахибов не чувствовал себя хорошо в то утро. Ортэнбергер ощущал куда большую усталость, чем при первом подъеме к этому лагерю. Они все-таки добрались до Лагеря 6, затем шерпы стали спускаться вместе с травмированным Ангом Тембой. Им помогал Майк Уорд, который сам шагал довольно нетвердо. В то время он уже заболел пневмонией и находился в состоянии глубокой гипоксии, о чем свидетельствует следующий разговор.

— Зачем ты сюда поднялся? Хочешь пойти на все,

чтобы совершить второе восхождение на гору? — сказал Уорд Ортэнбергеру, когда они пришли в лагерь.

— Ничего не понимаю. Разве Том и Питер дошли до вершины? — спросил слегка озадаченный Ортэнбергер.

— Мне кажется, я слышал, что они дошли, — довольно неопределенно ответил Майк.

Ортэнбергер сказал, что ничего подобного не знает. Тогда Уорд заявил:

— Возможно, я ошибаюсь... Но, мне кажется, кто-то говорил об этом.

Спасательная группа исчезла из виду. Два сахиба остались в Лагере 6 с Пембой Тенцингом и Пасангом Тенцингом. Шел снег. Пока шерпы возились в палатке типа «Мид», сахибы откопали вторую палатку, которая почти полностью была погребена под снегом. У них ушло на это часа два. К тому же лица у них сильно замерзли. Когда часа в три они кончили возиться с палаткой, появился Аннулу и принес весть о Питере Малгреве. Оба сахиба настолько устали после трудной работы, что в тот день у них не было сил подниматься. Поэтому они попросили Пембу Тенцинга и Пасанга Тенцинга взять маленькую палатку, примус, немного еды и отнести их наверх больным. Шерпы согласились и в четыре часа покинули Лагерь.

Два сахиба стали откапывать палатку типа «Мид», в которой им и двоим шерпам предстояло провести ночь. Это была нелегкая работа, так как стояла холодная и ветреная погода и у Харрисона замерзли ноги. Вконец измученные, они забрались в палатку, чтобы немного передохнуть. В семь часов вечера вернулись шерпы. Они совершили поистине героическое усилие и доставили больным все необходимое. В тот вечер альпинисты вышли на связь с Лагерем 3, но не могли связаться с Майком Уордом (он находился в Лагере 5). Это их крайне озадачило — ведь нужно было доставить наверх дополнительное количество кислорода для Малгрева.

Харрисон, Ортэнбергер и два шерпа провели в палатке трудную ночь. Наступило утро. Небо прояснилось, но день был ветреный. Несмотря на новые попытки, им так и не удалось связаться с Уордом. Поэтому они решили, что, пока один из них вместе с шерпами поднимется наверх, к Малгреву, другой спустится в Лагерь 5 за подмогой и кислородом. Чтобы решить, кому куда идти, они

бросили жребий. Ортэнбергер выиграл. Харрисон собрал в свой рюкзак спальные мешки, личное имущество и отправился вниз, стараясь поворачиваться боком к жестокому ветру. К тому времени, как он достиг седловины, силы почти оставили его. Он просунулся во вход большой палатки и увидел распростертого Уорда, который крикнул нетвердым голосом:

— Ты кто?

Харрисона эти слова потрясли — он понял, что Уорд бредит. Он тут же надел Уорду кислородную маску (дыхание бедняги было слабым) и попытался связаться по радио с Лагерем 3. Большая часть шерпов несла Анга Тембу вниз по горе, поэтому Лагерь 5 почти опустел. Теперь Харрисон мог передать полную информацию о положении дел в Лагере 3. Началась операция по спасению Уорда и Малгрева.

Высоко на горе ситуация складывалась из рук вон плохо. После ухода Харрисона Ортэнбергер вместе с Пембой Тенцингом и Пасангом Тенцингом, прихватив с собой баллон с кислородом, вышли из лагеря и стали подниматься к аварийному лагерю — Лагерю 6а. То, что они там увидели, произвело на них удручающее впечатление. Палатка стояла кое-как. Она была растянута неправильно, наполовину ее занесло снегом, и она походила скорее на пещеру, чем на палатку. Внутрь тоже набился снег. Это была худшая картина бедствия, какую им когда-либо приходилось видеть. Однако обитатели палатки пребывали в более или менее бодром настроении. Все вместе обсудили создавшееся положение и пришли к выводу, что у новой группы из трех человек не хватит сил, чтобы спустить вниз в тот же день сразу двух больных. Было решено, что Невисон возьмет кислород и пойдет вниз с двумя шерпами. Тем временем Ортэнбергер будет ждать помощи в Лагере 6а.

Для Малгрева наступила четвертая ночь на высоте более 7900 метров и вторая без надувного матраца. Ортэнбергер пытался сделать все возможное: обкопать и поставить палатку получше. Это была поистине ужасная ночь.

Утро 21 мая прошло довольно быстро — они ждали шерпов из Лагеря 3. Было уже около одиннадцати часов, когда появились сначала Пемба Таркай, за ним Пангбо-че Тенцинг и Сику. Все они начали спуск. Было уже око-



ло двух часов дня. Шерпы принесли с собой кислородный баллон с маской, и это очень помогло Малгреву. Они попытались идти так, чтобы один шерп помогал Малгреву, а двое других вырубали перед ним ступени. При этом Ортэнбергер подстраховывал сзади.

Стоило только начать спуск, как Малгрев почувствовал сильную боль. Он двигался очень медленно. Склон был такой крутой, что нести больного на спине не представлялось возможным, даже если несущему помогать с обеих сторон. Его можно было поддерживать только спереди или сзади. Малгрев часто падал на снег, а когда с трудом поднимался, то, сделав всего несколько шагов, снова падал.

Когда Малгрев приходил в себя, то беспокоился, как они пересекут ледник к Лагерю 6. Он понимал, что это будет очень трудно сделать с технической точки зрения. Они медленно шли к первой навешенной веревке. К этому времени запас кислорода кончился, пришлось выбросить баллон. Становилось все холоднее, дул сильный ветер. У Малгрева скоро начали мерзнуть руки. Временами ему казалось, что идти дальше он не сможет, однако Ортэнбергер был очень терпелив, но настойчив. Когда они дошли до места последнего траверса по ледовому склону, стемнело. Уркьен и еще один шерп ждали их в Лагере 6. Завидев альпинистов, они вышли им на помощь. Сначала они закрепили веревку на последних трех десятках метров до лагеря. Днем здесь еще не так трудно было пройти, однако ночью, да еще с больным на руках, спускаться стало опасно.

Усталые и замерзшие, в темноте они буквально вползли в Лагерь 6 и замертво свалились. Уркьен заранее приготовил чай. Теперь он совсем остыл, а топлива в примусе не осталось, и было не на чем приготовить пищу.

Для больного Малгрева ночь, которую он провел в Лагере 6, оказалась самой мучительной. Он почти не спал, хотя иногда дремал. Потом Малгрев уверял, что именно в ту страшную ночь он и получил самые тяжелые отморожения. Он совершенно не чувствовал рук и ног и даже представить себе не мог степень их отморожения. К тому же Малгрев часто терял сознание. Спальные мешки отсырели, и не было надувных матрацев. Дело в том, что Малгрев спал в двойном сыром мешке, Ор-

тэнбергер — в своем внутреннем мешке, двое шерпов — в его наружном мешке, а Пемба Таркай — в теплых штанах Ортэнбергера.

## Путь вниз

Вот рассказ Ортэнбергера о кошмарном спуске в Лагерь 5:

«Утром мы все были в очень плохой форме. Мы проснулись вовремя, нам не нужно было готовить завтрак, но раньше десяти часов мы не могли выйти — долго надевали ботинки и готовили Питера к выходу. В предыдущий день он почти самостоятельно проделал весь путь вниз, но теперь стало ясно, что силы его оставили. Четверо шерпов шли немного впереди нас и вырубали ступеньки для Питера. Уркьен помогал Питеру, я его страховал.

Те четверо, которые шли впереди, ушли уже довольно далеко, а поскольку ступени они вырубали кое-как, Питер двигался очень медленно. Он шел без кислорода и все время повторял, что с кислородом ему было бы значительно лучше. Уркьену тоже казалось, что Питер идет слишком медленно, поэтому я отправил Уркьена к шерпам, чтобы тот послал самого сильного из них в Лагерь 5 за кислородным баллоном.

Уркьен некоторое время говорил с ними, а затем стал сам спускаться по склону, оставив четверых позади. Я не сразу понял, что произошло, но когда сообразил, то приказал четверым подняться вверх. Однако они сделали вид, что не слышат, а может, не поняли или не захотели понять, потому что через некоторое время они стали спускаться по склону в Лагерь 5.

(На самом деле шерпы проявили здравый смысл. После изнурительной ночи, проведенной в сырых спальнях, оставленные без еды и питья, они чувствовали слабость и обезвоживание. Поэтому они решили спуститься в Лагерь 5, оставить там грузы, как следует поесть и попить, а затем снова с пищей и горячим питьем отправиться за Леем и Питером.)

Поворот событий был по меньшей мере крайне огорчительным, поскольку мы с Питером остались теперь одни. Погода стала ухудшаться. Мы затратили три часа

или больше на спуск по не очень крутому снежному склону под Лагерем 6. К тому времени Питер очень ослабел и мог за один раз сделать от трех до пятнадцати шагов, а потом терял равновесие и падал на снег.

В тот момент я уже не верил, что вернется Уркьен с подмогой. День угасал, а вместе с ним и надежды на помощь. Поскольку у меня не было сил его нести, казалось, единственной возможностью спасения для Питера было продолжать это медленное самостоятельное движение. Ночевка без палатки прикончила бы его и грозила гибелью мне. Поэтому, давая ему возможность после каждого падения отдохнуть, я уговаривал его продолжать борьбу.

Впоследствии из разговоров с ним я понял, что большую часть времени мысли его тогда были далеко, например в залитых солнцем горах Адена. К трем часам дня или несколько позже мы наконец добрались до скального ребра, отделявшего склон, по которому мы спускались, от покато́го ледового поля (по нему гулял сильный ветер, мешавший сохранять равновесие). Питер присел на камень, а я перешел ребро и на другом конце ледового поля заметил двух шерпов. Я сказал Питеру, что сейчас будет кислород, и тоже опустился на снег.

Прошло примерно полчаса, но шерпы все не показывались, хотя идти до нас было недолго. Я снова отправился к ребру, увидел, что два шерпа все еще стоят на другой стороне, и кричал им и знаками просил подняться. Через некоторое время один из них пошел. Я думал, что он несет нам кислород. Однако оказалось, что в руках у него только мои пуховые брюки, которые я давал Пембе Таркаю. Это взбесило меня. Оттуда, где мы находились, нужно было лезть примерно тридцать метров, чтобы добраться до ступенек. Собрав последние силы, я отослал шерпа назад.

У второго шерпа был кислородный аппарат, но он и Нима Гунги наотрез отказались пересечь ледовое поле, чтобы принести его. И тот и другой имели кошки, поэтому у них не было причин отказываться. Я надеялся на этих двух людей и на их помощь. Я еще больше рассердился, и подтолкнув их к ступеням, заставил идти вверх, к тому месту, где ждал Питер.

Доставив кислородный аппарат, они повернулись и хотели тут же спуститься в Лагерь 5. Я силой помешал

им это сделать, надел маску на Питера и, к своему разочарованию, обнаружил, что запаса кислорода в баллоне должно было хватить всего на полчаса. Вместе с этими двумя бестолковыми шерпами мне удалось довести Питера до западной стороны скального ребра — примерно на пятнадцать метров. К тому времени стало ясно, что эти шерпы мне не помощники.

Тут я увидел еще четверых, которые быстро приближались к нам, и сразу же отпустил этих двоих. Нам пришлось подождать всего минут десять, пока подошли новые и очень хорошие шерпы во главе с Уркьеном. Буквально за несколько минут они перевели Питера через ледовое поле до второго скального ребра, отделявшего поле от последнего склона над Лагерем 5. На этом участке Питер с помощью шерпов и кислорода еще кое-как мог двигаться, но когда мы дошли до ребра, силы изменили ему.

Стало смеркаться. Погода совсем испортилась. Сильный порывистый ветер нес с собой снег и кусочки льда — погода была еще хуже, чем 14 мая во время возвращения первой группы.

Питера приходилось нести, поэтому один шерп отправился в Лагерь 5 за помощью. У нас это плохо получалось, и, казалось, прошла вечность, прежде чем шерп вернулся. Но теперь, когда у нас был налобный ремень, шерпы могли по очереди нести Питера, и мы шли довольно быстро, да и местность стала более легкой, и в конце концов мы оказались на ровном снежном поле.

Трудность теперь состояла в том, чтобы найти Лагерь 5. Я обычно ориентируюсь довольно неплохо, но в тот момент совершенно не представлял нашего местонахождения. Фонарик я потерял. Полчаса в темноте мы пытались найти лагерь. И тут Уркьен решил пойти вперед один. Минут через десять или пятнадцать он вернулся и сказал, что нашел лагерь всего в каких-то двадцати метрах от нас. Действительно, минут через пять мы были уже в лагере. Конечно, если бы не Уркьен, в темноте мы бы так и не нашли лагерь. Возможно, самая большая заслуга Уркьена состояла в том, что он осознал, что именно от него, а не от сахибов зависело, удастся ли спустить Питера с горы. К тому же он сам нес Питера.

Мы добрались до Лагеря 5 в восемь часов вечера.

Харрисон и Уэст встретили нас тепло и заботливо. Питер был совсем плох. С него сняли ботинки и положили в мешок. Мне тоже помогли. Джон был так добр, что отдал мне свой сухой и теплый мешок, а сам лег спать в сыром, который мы принесли из Лагеря 6. Нам дали также теплое питье, которое мы с жадностью проглотили».

Ортэнбергер совершил настоящий подвиг, спустив Малгрева в Лагерь 5. При виде больного Харрисон и Уэст пришли в ужас. Бледный, с потухшими ввалившимися глазами, Малгрев хрипел, дыхание у него прерывалось. Однако жизнь в нем еще теплилась. Его напоили горячим чаем с лимоном, дали подышать кислородом и даже заставили немного поесть. Он тут же почувствовал себя лучше, но на руках и на ногах выступили багровые пятна отморожений. Малгрев продолжал кашлять кровью.

23 мая из Лагеря 3 вышла сильная группа шерпов с запасами продуктов, кислородными баллонами. Однако в Лагере 5 она появилась слишком поздно, чтобы начать спуск с Малгревом. Ортэнбергер, который был изрядно утомлен после выпавших на его долю испытаний, спустился в Лагерь 3, а затем ниже. Остальным пришлось провести еще одну ночь на высоте более 7300 метров.

24 мая спасательные работы пошли быстрее. В Лагерь 5 прибыло восемнадцать шерпов. Малгрев не желал, чтобы его тревожили, и всячески противился, когда его собирали. Тем не менее к десяти часам его одели, снабдили кислородным аппаратом, кошками и т. д. Уэст поддерживал его под одну руку, Харрисон — под другую. К сожалению, буквально через несколько метров они упали, и Малгрев стал требовать, чтобы его оставили в Лагере 5. Они сняли с него кислородный аппарат и двинулись дальше, но все повторилось сначала. Альпинисты понимали, что если они не спустят его в тот день, то сделать это вообще не удастся. В отчаянии они предложили снести его на спине, но он и на это не соглашался. Дело в том, что, когда его несли из Лагеря 6 в Лагерь 5 на спине, его грудная клетка испытала максимальное напряжение, и теперь его мучили постоянные боли.

Джон Уэст впрыснул ему морфий, а Харрисон решил

соорудить носилки. Он забрал станки у троих протестующих шерпов, взял двенадцать средних секций стоек от палаток и связал их вместе. Получилось довольно шаткое сооружение — носилки с полозьями. Шерпы недоверчиво смотрели на эту затею.

Уэст снова уложил Малгрева в спальный мешок и надежно привязал к носилкам. К «саням» прикрепили несколько петель и веревок, и наконец в 2 часа 30 минут группа отправилась в путь.

Если бы Малгрев был в сознании, спуск превратился бы для него в кошмар. Перильные веревки, ведущие вниз с перевала, очень помогли — на многих участках «сани» прикрепляли к ним с помощью карабина, и они скользили вниз в полной безопасности. Погода несколько улучшилась, однако было все еще очень холодно и людям приходилось заставляя себя работать усилием воли. Ромейнс поднялся к ним с последними шерпами. Он взял на себя страховку и обеспечил безопасность спуска.

В половине шестого вечера они добрались до Лагеря 4 и, несмотря на поздний час, решили двигаться дальше, к Лагерю 3, поскольку Питер все еще не приходил в сознание. Он был настолько плох, что Уэст то и дело щупал его пульс, чтобы убедиться, что бедняга еще жив. Они спустились по крутому кулуару, а затем траверсировали по диагонали ледовый склон, все время используя закрепленную веревку. Потом, когда уже стемнело, они перешли бергшрунд и стали продвигаться по более легкой местности. Отсюда для шерпов начиналась прямая дорога, и они легко оставили сахибов позади. В восемь часов вечера в Лагерь 3 прибыла невероятно изможденная группа. К тому времени, как Харрисон и Ромейнс подошли к палаткам, Малгреву (он тогда уже очнулся) дали чашку его любимого чая с лимоном, и он выглядел, несмотря на тяжелое путешествие, намного лучше.

С возвращением вниз большая часть группы почувствовала, что силы к ним быстро возвращаются. Однако Анг Темба все еще не мог опираться на сломанную ногу, а Майк Уорд, хотя и оправился от пневмонии, очень ослабел и страдал от отморожений. Да и Питер Малгрев, конечно, был серьезно болен. Их следовало как можно скорее отправить в больницу. Из «Серебряной хижины»

Дойг послал в Катманду радиограмму с просьбой прислать вертолет в долину Барун, чтобы эвакуировать больных. На наше счастье, вертолет все еще находился в Непале.

29 мая, несмотря на скопление туч на перевалах, он пробился в долину Барун и стал кружиться над лагерьем на высоте 5500 метров. Люди внизу призывно и лихорадочно махали руками. Больных тем временем перенесли на площадку на высоте 4500 метров. Вертолет нырнул вниз и приземлился возле палаток с больными. Мы подняли на борт Малгрева и Уорда.

Только после четырех или пяти попыток и тщательной регулировки лопастей винта пилоту удалось оторваться и улететь. Тучи сгущались, и пилот сомневался, успеет ли он слетать в Катманду и вернуться за следующими пассажирами. Вертолет летел высоко над долиной, маневрируя между огромными пиками, над мрачным, узким ущельем Барун, а затем над широкой рекой Арун. На высоте 1200 метров на вершине гребня пилот посадил вертолет возле деревни Нум, к большому удивлению местных жителей. Малгреву и Уорду помогли выйти из вертолета, а пилот отправился снова в Барун за Ангом Тембой и Джоном Уэстом.

Вот как описал Малгрев свое пребывание в Нуме:

«Пока мы ждали, жители деревни собрались вокруг нас. Они были очень добры ко мне, так как сразу поняли, что я сильно болен. Несколько человек стали рубить кусты и соорудили что-то вроде полога, чтобы закрыть меня от жарких лучей солнца. Один местный житель принес мне из реки воды. Хотя я не мог с ними разговаривать и не понимал их языка, без слов было ясно, что они хотят нам помочь. Пришел их знахарь или лекарь, внимательно меня оглядел и покачал головой: видимо, мой вид его озадачил. После того как вертолет вернулся, я спросил Анга Тембу (он прилетел, поскольку у него была повреждена нога), о чем говорил знахарь. Однако Анг Темба не желал повторять мне пророчеств знахаря. В конце концов он все-таки сказал, что знахарь считает, что я скоро умру. Я как-то не очень беспокоился, хотя чувствовал себя не лучшим образом, но желания умирать у меня не было».

Уэсту и Ангу Тембе пришлось остаться на ночь в Нуме, а вертолет снова поднялся в воздух с Малгревом и

Уордом на борту. Полет был сложным: тучи сгустились, и временами казалось, что пробиться не удастся. Пилот прокладывал путь по глубоким долинам и над поросшими лесом гребнями. Раза два ему с трудом удавалось пролетать над перевалами через маленькие просветы в тучах. Тут требовалось все мастерство пилота — он то и дело обращался к карте и петлял среди туч. В конце концов вертолет вылетел на просторы Долины Катманду. Через час больные находились в госпитале в Катманду, быстро перенесясь после ветров и бурь Макалу в предмуссонное тепло столицы Непала.

## ГЛАВА XVII

### Прощай, Кхумджунг!

Теперь, оглядываясь назад, легко назвать причины нашего поражения на Макалу — отсутствие надлежащего руководства (сначала я, а потом и Уорд поддались болезни); нехватка людской силы (Бишоп, Милледж и я выбыли из состава штурмовой группы), неудачный выбор маршрута выше Лагеря 5, что заставило Джилла и Ромейнса потратить много сил, падение Джилла и Ромейнса, срыв шести шерпов, постоянные резкие ветры и отморожения, и, наконец, болезнь Малгрева.

Поворотом к худшему стало, безусловно, происшествие с шерпами на высоте 7900 метров над уровнем моря. До этого, несмотря на погоду и высоту, у группы всегда имелись резервы, но тут обстановка изменилась — двое наших лучших шерпов вынуждены были спуститься (при этом одного несли); Аннулу сломал ребро; Малгреву пришлось нести груз одного из шерпов до высоты 8235 метров; Невисон должен был прокладывать путь, что требовало предельного напряжения сил.

Пью всегда подчеркивал опасности бескислородного подъема, указывая, что на этих высотах все органы работают на пределе своих возможностей.

— Это, безусловно, касается мозга, сердца и легких, так же как и мышц, — сказал он. — Нельзя игнорировать опасность внезапной болезни или смерти от перенапряжения сосудов мозга, острой сердечной недоста-



точности, тромбоза или пневмонии. Другая опасность — сужение периферических кровеносных сосудов. Тогда отморожение неизбежно, так как никакая, даже самая прекрасная одежда не может защитить конечности, в которые уменьшается приток крови.

Коллапс Малгрева положил конец надеждам на успешный штурм, и все силы Харрисона и Ортэнбергера ушли на то, чтобы спустить его с горы. Только замечательные усилия (особенно Ортэнбергера и шерпов) позволили всем остаться в живых. Наши запасы медицинского и аварийного кислорода на перевале и ниже оказались просто неоценимыми, так же как и первый прилет вертолета в долину Барун для вывоза больных.

Я все время считал, что Макалу станет контрольной проверкой моей теории акклиматизации, и полагал, что за то длительное время, которое экспедиция провела на высоте 5790 метров и более, люди настолько привыкнут к разреженной атмосфере, что подъем на Макалу не будет для них слишком сложен, даже без использования кислорода. Может, следующий шаг после этого — бескислородное восхождение на Эверест?

Теперь-то я понимаю, что мои предположения были чересчур оптимистичны, а длительные периоды пребывания на большой высоте — причина наших неудач. Несмотря на адаптацию к высоте 5790 метров и показанную на ней отличную физическую и умственную работоспособность, есть много свидетельств того, что сопротивляемость к заболеваниям существенно понизилась. К тому же оказалось почти невозможным обеспечить достаточную физическую нагрузку на высоте 5790 метров, поэтому группе недоставало той хорошей физической формы, которая позволила бы ей бороться с ветрами выше 7300 метров и стремиться вверх. Только Харрисон и Ортэнбергер, новички в команде, обладали ожидаемыми ресурсами сил и не испытывали медленной и коварной потери веса и сил, как остальные участники группы в предыдущие шесть месяцев.

Никто из нас не сомневался, что до вершины Макалу можно дойти без кислорода, однако мои взгляды на этот вопрос претерпели существенные изменения. Сомневаюсь, что риск в данном случае оправдан. При хорошей погоде и сильной группе Макалу неизбежно падет — не такая уж это трудная гора. Однако суровая погода рез-

ко меняет ситуацию. В результате запасы сил у людей истощатся и группа может оказаться на грани катастрофы, как это произошло с нами.

С возвращением на меньшие высоты все мы вскоре полностью восстановили силы и здоровье — все, кроме Питера Малгрева. Он остался жив, но отмороженные ступни уже нельзя было спасти — потребовалась их полная ампутация. Любой исследователь знает, что во имя науки часто идут на риск. Как и на высоте 8235 метров, Питер Малгрев проявил прирожденное мужество и присутствие духа в этой новой беде, неожиданно свалившейся на него. С характерной для него веселой решимостью он поставил цель — овладеть искусственными конечностями так, чтобы снова подняться в горы. Я не сомневаюсь, что это ему удастся.

### **Разбираем «Серебряную хижину»**

29 мая мы с Милледжем добрались до Тяньгбоче после энергичного шестнадцатидневного перехода по долине Барун. Мы прибыли как раз вовремя, чтобы начать окончательную эвакуацию штурмовых групп. За следующие несколько дней Джилл, Ромейнс, Невисон, Ортэнбергер добрались до дома в Чанмитанге и смогли подробно рассказать мне о предшествующих двух неделях.

Я послал большую группу шерпов в долину Мингбо, чтобы они забрали из многочисленных лагерей все ценное оборудование и доставили его в Чанмитанг. Нам очень не хотелось бросать на произвол судьбы на леднике «Серебряную хижину» — она служила нам таким удобным домом! Поэтому я был очень рад узнать от посла Индии в Катманду, г-на Дайяла, что Гималайский институт альпинизма в Дарджилинге с удовольствием использует хижину для проведения программы физиологических исследований, которую они планировали начать в ближайшем будущем. Мы договорились, что разберем хижину, снесем вниз, в Чанмитанг, и оставим там на хранение. Главный инструктор института, мой старый друг и товарищ по восхождению на Эверест, Норгей Тенцинг, должен был приехать из Дарджилинга и организовать транспортировку хижины вниз, к цивилизации.

Мне все еще не разрешали подниматься на высоту

более 4560 метров, поэтому Джим Милледж согласился взять на себя разборку «Серебряной хижины». С группой опытных шерпов под руководством Мингмы Тсеринга он разбил лагерь у подножия седловины Амадаблам, и они быстро и слаженно выполнили эту задачу (в данном случае нужна была скорость, чтобы хижина не провалилась в одну из трещин, которых за лето открылось множество). Одно за другим кольца-секции хижины спустили вниз; осталась только одна. Мингма Тсеринг относился ко всему весьма легкомысленно; только он сел верхом на последнюю секцию и стал вынимать соединяющие крепления, как вдруг она развалилась на семь частей и увлекла Мингму к зияющей рядом трещине. Каким-то чудом ему удалось ухватиться за ледяной выступ и предотвратить падение в бездну. Когда он вновь появился, то вместе с шерпами посмеялся над тем, что был всего на волосок от смерти.

Вечером того же дня Джим Милледж, удобно устроившись в палатке, отдыхал среди разбросанных частей некогда гордой хижины. С минуты на минуту ожидалось появление последней группы людей — они несли грузы из Хонгу через седловину Амадаблам. Милледж высунул голову из палатки и взглянул наверх, на перевал. Как раз в это время крошечная фигурка камнем полетела вниз по ледовым склонам. Охваченный ужасом, смотрел Джим, как тело и рюкзак, разлетевшись в разные стороны, проскочили неглубокий скальный обрыв и затем на колоссальной скорости понеслись по льду. Примерно ста двадцатью метрами ниже склон выполаживался, но на пути оказалась бездонная трещина. Казалось, не колеблясь ни мгновение, фигурка пронеслась по последнему склону и исчезла в ее глубинах.

Потрясенный увиденным и совершенно уверенный в том, что человек погиб, Милледж быстро оделся и вместе с группой шерпов стал подниматься вверх к бергшунду. Они отошли всего на тридцать метров, как вдруг их поразило неожиданное видение — навстречу им шел человек, весь покрытый снегом, побитый, но, без сомнения, живой. Они кинулись к нему. Милледж тщательно его осмотрел, причем обнаружилось, что переломов и серьезных травм нет — только шоковое состояние и ушибы. Как этот человек смог пережить такое, для нас остается загадкой. Милледж был рад, что последние

люди спустились с перевала, и все трудности, связанные с этой горой, остались для экспедиции позади. Макалу отпускала нас неохотно.

Приближалось время нашего отъезда в Катманду, и на прощание нас пригласили в несколько шерпских домов, в том числе мы получили приглашение и от нашего сирдара Давы Тенцинга. Он просил нас приехать в Тьянгбоче. После традиционного чаепития и ракши состоялось великолепное пиршество — вареный картофель, рис и тушеное мясо с карри<sup>44</sup>, а на десерт — творог, цампа и сахар. Это был веселый праздник, и, размягченный ракши и едой, а также удовольствием принимать нас у себя в гостях, Дава Тенцинг ответил на вопрос, который занимал меня уже некоторое время.

Все это началось в Баруне, когда Дава спустился в мой лагерь на высоте 4560 метров. Вскоре после нашего прибытия один из шерпов, занятый поисками дров, наткнулся на пещеру в скалах выше лагеря. Ее закрывала огромная скала. Когда мы обследовали пещеру, то нашли в ней целый склад тибетских ковров, одеял, мехов, священную тибетскую книгу. Как туда попали все эти предметы, мы не знали, но большинство наших шерпов решили, что они, должно быть, принадлежат ламе, который по этому тяжелому пути бежал из Тибета.

Дава Тенцинг, знаток тибетского буддизма, начал читать эту книгу и, страшно разволновавшись, увлекся ею настолько, что стал тщательно переписывать к себе в тетрадь тибетские буквы. Три дня он сидел, скрестив ноги, и писал. На наши расспросы он только отвечал, что книга — священная и у него есть желание сначала показать ее верховному ламе в Тьянгбоче, чтобы тот оценил и дал совет. Когда мы уходили из лагеря Барун, шерпы вернули все находки в пещеру-тайник и оставили все как было. Только драгоценная тетрадка Давы Тенцинга путешествовала вместе с нами в Тьянгбоче.

Затем Дава рассказал о священной деревне гуру Римпоче — именно о ней рассказывалось в книге.

Гуру Римпоче был великим мудрецом. Он принес буддизм в большую часть Восточного Непала и Тибет. Великий путешественник, Римпоче не боялся трудностей

---

<sup>44</sup> К а р р и — приправа из мяса, рыбы или овощей с пряностями, а также набор пряностей для этой приправы.

и обошел эти земли, когда еще почти не существовало троп. В пути его поддерживала, по убеждению шерпов, неистовая вера. В одной из многочисленных легенд, посвященных истории его жизни, рассказывается, будто он создал Шангри-Ла, священную страну, где самые близкие ему люди вечно могли жить в мире и покое. Наши шерпы верили, что священная деревня располагалась где-то в направлении долины Барун, но была невидима обыкновенным людям. Только очень святой лама мог надеяться ее увидеть или, в редких случаях, хороший человек в сопровождении святого ламы. Даже сам Дава, пожертвовавший все свои ценности монастырю, не верил, что ему может явиться такое видение:

— Я слишком много грешил в жизни! Возможно, в другой тысяче жизней мне удастся на нее взглянуть, — сказал Дава.

Дава Тенцинг пересказал нам содержание книги. В ней описывалась длинная дорога, по которой нужно идти, чтобы добраться до священной страны. К дороге вели ступени. Их необходимо преодолевать одну за другой — ступени медитации, знания и соблюдения почтения к священным законам. Теперь библиотека монастыря Тянгбоче пополнилась еще одной книгой. Ее изучают и претворяют в жизнь усердные ламы.

После разговора с Давой Тенцингом мы спускались с холма, притихшие и погруженные в свои мысли, и живо представили себе картину, которую нарисовал нам Дава. Вскоре навстречу нам показалась небольшая группа людей во главе с полным добродушным ламой. Наши шерпы успели шепнуть, что перед нами очень важный тибетский лама — исцелитель и чудотворец. Лама поздоровался с каждым из нас проникновенной молитвой «*Ом Мани Падме Хум*» и с доброй настойчивостью повелел, чтобы мы повторили ее в ответ. Затем лама коснулся лбом каждого из нас — это высшая форма буддийского приветствия. Его цепкий глаз отметил черный и в чешуйках от отморожения нос Майка Джилла, и, прежде чем удивленный Джилл успел пошевелиться, лама наклонился и подышал на почерневший участок. Затем с благословениями продолжил свой путь. На всех нас его личность произвела сильное впечатление. Возможно, это было совпадением, но на следующий день уродующая Джилла чернота на носу совершенно исчезла. Нос снова

стал розовым. По-моему, студент-медик Джилл дивился эффективности исцеления.

К 4 июня я остался единственным сахибом в Чанмитанге — одни уехали в Катманду, другие двинулись в Кхумджунг. За последние напряженные несколько дней я упаковал сто двадцать грузов — «Серебряную хижину» и ее оборудование и сложил их в доме в Чанмитанге. Оставшиеся грузы я подготовил для переправки в Катманду. К тому времени пики уже закрывали муссонные тучи. Частые теплые ливни вызвали бурное цветение. Вокруг в изобилии распустились желтые и белые рододендроны, розовые азалии, разноцветные примулы и даже лютики. Я наслаждался пешей прогулкой из Чанмитанга в Тьянгбоче. На каждом шагу росли цветы.

В монастыре меня встретил улыбающийся лама и повел по многочисленным переходам в обитель верховного ламы-воплощенца. Он был еще молод — немногим старше тридцати. У ламы быстрый и умный взгляд, а спокойная и уверенная манера держаться делала его старше. Он надел мне на шею шелковый церемониальный шарф, который почти касался земли, и жестом пригласил сесть. Принесли тибетский чай в богато гравированных серебряных чашах и пищу. Затем лама официально поблагодарил меня за все, что смогла сделать экспедиция для шерпов, и выразил пожелание, чтобы мы снова вернулись в Непал. В конце приема, с искоркой в глазах, как у шаловливого ребенка, он преподнес мне подарки — прекрасную старую *тханку* (религиозный рисунок), несколько тибетских монет и полированную деревянную чашу, плитку тибетского чая, а для жены — шелковый шарф.

Мы вместе обошли монастырь, и он еще раз показал мне все сокровища: три большие молельни, расположенные одна над другой; бесценные книги, тексты в которых написаны чистым золотом; огромные сосуды, полные масла (двести—триста килограммов), крученые фитили в них горят перед алтарями двадцать четыре часа в сутки.

Из комнаты на третьем этаже была видна крыша центрального храма, а выше — огромные зубчатые вершины Кангтеги, проглядывавшие в муссонных тучах. Новая крыша — результат подношений экспедиции на

Эверест и других — заржавела в нескольких местах. Я обещал ламе достать для крыши краску. При приезде в Катманду мне удалось это сделать.

Через три часа я уже спустился метров на шестьсот от монастыря, пересек пенящуюся Дудх Коси и снова поднялся высоко вверх, к деревне Кхумджунг. Теперь она лежала в окружении зеленых полей — от муссонных дождей начал бурно расти картофель. Навстречу мне выбежали дети, они приветствовали меня пронзительными голосами, а я шел вдоль дороги, раздавая поклоны направо и налево. У большого чортена<sup>45</sup> в центре деревни я повернул налево и попал туда, где всю кипела работа — на площадку, где строилась кхумджунгская школа.

## Школа для Кхумджунга

Над возможностью построить школу для Кхумджунга я впервые задумался, когда мы еще были в долине Ролвалинг.

Однажды, сидя вместе с нами возле костра, Уркьен и шерпы-старейшины стали сетовать, что их дети не могут ходить в школу, и я почувствовал у этих простых людей огромную тягу к знаниям.

Слишком часто образовательная программа в развивающихся странах создает тип людей, которым «гордость» не позволяет работать руками. У шерпов, с их примитивным сельским хозяйством и пастбищным скотоводством, нет «сидячей» работы (пожалуй, только в монастырях), и такого рода программа может оторвать людей от земли. Программа же с практическим уклоном принесла бы много пользы. Научившись читать и писать на родном языке, шерпы стали бы принимать активное участие в жизни страны, помогать развивать сельское хозяйство, строить новые жилища, поднимать здравоохранение на более высокий уровень. Хотя иностранная помощь поступает в Непал со всех сторон, сфера ее применения ограничена центральными, наиболее доступными районами страны.

---

<sup>45</sup> Чортен — вид ступы: башенка правильной формы с заостренной крышей, хранилище священных реликвий.



**Пятнадцатилетний Чалден передает Хиллари письмо от шерпских детей с просьбой построить в Кхумджунге школу**

Окраины, не имеющие дорог, остаются без всякой помощи, и это может послужить причиной разного рода трудностей в будущем.

Во время переговоров о «скальпе йети» я рассказал старейшинам о своем плане. Идея была принята с энтузиазмом, а один смысленый парнишка, Чалден, вручил мне петицию, подписанную всеми детьми Кхумджунга, и умолял довести дело до конца. Когда мы прибыли



в Чикаго с Кхунью Чумби и со скальпом, я представил это предложение во Всемирную энциклопедию, которая финансировала экспедицию, и она согласилась предоставить щедрую финансовую поддержку.

Нелегко оказалось найти учителей для таких отдаленных районов. Ведь нужен был человек опытный, желательного одного происхождения, религии и языка со своими учениками, способный выполнить программу в трудных условиях. Нам удалось отыскать прекрасного человека в Дарджилинге. Это был Тем Дорджи. Шерп, учитель с большим опытом, бывший унтер-офицер, исповедующий буддизм, родился в Дарджилинге в семье шерпов и владел непальским, шерпским, хинди и английским языками. Тем Дорджи приехал в Кхумджунг вместе со мной в марте и сразу же приступил к работе, используя для этого зеленую лужайку. Чтобы иметь еще одного учителя, я отправил Чалдена в Катманду и отдал его там в школу при условии, что он вернется в деревню через три года в качестве младшего учителя.

Лучше всего в этом районе для школьного здания подошло бы обычное шерпское жилище, слегка улучшенное, с большими окнами и настоящей печкой, чтобы исключить вечный дым. Следовало внести и некоторые другие улучшения. Для того чтобы спроектировать и построить такую школу, потребовалось бы много времени. Этого моя экспедиция не могла себе позволить. Поэтому мы решили использовать сборную алюминиевую конструкцию со множеством окон, которую нам любезно предоставила Индийская алюминиевая компания. И наконец, проект стал возможен благодаря Международному Красному Кресту — на самолетах доставили секции до нашей взлетно-посадочной полосы в Мингбо. Оттуда носильщики на спинах перенесли их в Кхумджунг.

Уолли Ромейнс, Десмонд Дойг и Бхану Банерджи вместе с толпой добровольных помощников-шерпов собирали здание. Я присоединился к команде строителей, и шесть дней мы работали без усталости: закладывали фундамент, крыли крышу, настилали деревянный пол, собирали стены, подгоняли двери и окна и, наконец, крепили болтами все сооружение к фундаменту.

Наша задача была усложнена тем, что оказалось трудно выполнить инструкцию по сборке. Когда мы уже собрали крышу, то никак не могли понять, почему оста-

лось три лишних листа рифленого алюминия. Много времени спустя, когда мы вернулись к цивилизации и увидели аналогичные здания, то поняли, что листы алюминия накладывались на крышу не по инструкции, и она оказалась без козырька.

Каждый вечер нас развлекала какая-нибудь шерпская семья. К семи часам вечера резко темнело, становилось сыро. Продолжать работу было уже невозможно. Усталые и промокшие, мы мечтали лишь об одном — поскорее лечь в постель, но каждый вечер устало тащились на очередной праздник, который местные жители устраивали в нашу честь. Там всегда бывало много еды и выпивки, много танцев и комплиментов в наш адрес. Только когда мы уже не в силах были скрыть зевоту, нас отпускали домой. На следующее утро часов в шесть мы с трудом просыпались с головной болью и еле-еле тащились на работу. Весь день мечтали об отдыхе, но наступал вечер, и мы снова отправлялись в гости.

Десмонд не мог устоять перед резвыми, розовощекими ребятишками. Он то и дело отвлекался и что-нибудь мастерил для них. Он сделал трое качелей, которых здесь никогда не видели. Дети так радовались, так громко кричали, что все усилия Десмонда были окуплены с лихвой. Этими развлечениями интересовались не только дети, большинство взрослых жителей деревни тоже приходили покачаться на качелях.

В туманное сырое утро 11 июля, когда тучи низко нависали над деревней, у нас шли последние приготовления. К одиннадцати часам утра в густом тумане на официальную церемонию открытия собралась большая толпа местных жителей. Мы слышали приближающиеся звуки труб и барабанов — они доносились от монастыря.

Наконец из тумана появилась процессия во главе с верховным ламой Тьянгбоче. С развевающимися знаменами, под звуки веселой музыки она дважды обошла вокруг сияющего нового здания, пока верховный лама пел молитвы, чтобы защитить школу от злого духа. Затем члены процессии заняли места в почетном ряду на веранде школы; в это время Дава Тенцинг развернул флаг Непала на новом флагштоке.

Мы с Дойгом хотели, чтобы церемония проходила с соблюдением местных обычаев, но учитель Тем Дорджи



Ламы-музыканты

настоял, чтобы не были забыты некоторые традиционные западные обычаи. У входа, ведущего в две классные комнаты размером 6×6 метров, он натянул широкую красную ленту. Меня попросили сказать несколько слов (их мастерски перевел для собравшихся Десмонд Дойг), а потом Тем Дорджи вручил мне большие ножницы. Мне всегда нравилось разрезать красную ленту. Взяв ножницы, под бурные аплодисменты я перерезал ленточку и объявил школу открытой.

Снова зазвучали монастырские трубы. Верховный лама встал и с улыбкой пригласил нас следовать за ним. С молитвами мы вошли в здание и повесили на стену портрет короля Непала, а верховный лама украсил его

церемониальным шарфом. Затем он с благословением обошел все комнаты. Когда мы снова оказались на веранде, все стали обмениваться церемониальными шарфами и поздравлять друг друга.

К тому времени уже полил проливной дождь. Участники церемонии собрались под навесом (который, к нашей радости, не протекал). Можно извинить тех шерпов, которые стояли под дождем, за то что энтузиазм их несколько поостыл. Однако ни один из них, казалось, не собирался уходить. Когда закончились песнопения и смолкла музыка, ламы приготовились к кульминационному моменту церемонии.

Вот, оказывается, чего ждали шерпы! Они выстроились в длинную цепочку и медленно пошли вдоль веранды. При этом верховный лама произносил благословение, сидящий рядом с верховным ламой священник притрагивался к каждому оправленной в серебро кисточкой, другой лама ставил шерпу на лбу знак серебряной краской, третий протягивал горстку риса, которую шерпы быстро съедали, четвертый лил в ладонку немного чанга, а пятый — тибетский чай в протянутые ладони. Участники церемонии выпивали это, а затем благоговейно вытирали влажные руки о лоб и волосы. Это была поразительная сцена на фоне дождя и тумана. Больше всего нас тронула искренность, с которой отцы и матери протягивали своих детей для благословения.

Церемония закончилась в половине третьего, и верховный лама ушел в дождь под звуки труб. Праздник длился часа три с половиной. Школа была открыта.

12 июня утром мы покидали Кхумджунг. Мы с грустью прощались с нашими добрыми друзьями — шерпами, а затем нанесли прощальный визит в школу — там занимался Тем Дорджи со своим первым классом: сорок пять ясноглазых ребятшек сидели, скрестив ноги, на сухом деревянном полу и писали мелом на грифельных досках непальские буквы. Несмотря на непрекращающийся дождь, в классе было тепло и уютно. По знаку Тема Дорджи дети стали исполнять танцы и петь песни (очевидно, это был хорошо отрепетированный номер). Один мальчик преподнес нам церемониальные шарфы и пожелал доброго пути.

Поднявшись на вершину перевала, мы пошли по направлению к Намче-Базару. Отсюда мы оглянулись на

дома Кхумджунга, зеленые картофельные поля, гигантские чортены и молитвенные стены вокруг деревни, блестящие от влаги скалы, уходящие в туман, и на нашу маленькую школу, на веранде которой стояли дети и махали нам руками. И тут туча покрыла все, словно одеялом, и я с комком в горле повернулся и пошел вниз по склону. Я дал себе слово, что когда-нибудь обязательно вернусь в эту заоблачную деревню, чтобы насладиться гостеприимством доброжелательных горцев, отдохнуть душой и снова почувствовать душевный подъем и убыстрение пульса, когда глаза поднимутся вверх, чтобы с любовью посмотреть на бросающие постоянный вызов ледяные громады и скальные башни — высоко в холодном прозрачном воздухе.

«Доказать или отвергнуть существование йети» — одна из задач, которую ставили перед собой авторы данной книги. Читатель уже обратил внимание, что одной из главных финансирующих организаций экспедиции была знаменитая Всемирная энциклопедия, которая должна быть всегда в курсе всех новых и интересных событий, происходящих в мире. «Открытый» для иностранцев в 50-х годах Непал, конечно, предоставил ей обильный материал. Успеху экспедиции способствовали многие ученые, в том числе в Лондоне крупнейший приматолог Осман Хилл, член Королевского зоологического общества. В самой экспедиции в группе зоологов работал директор одного из зоопарков Чикаго — Марлин Перкинс.

Малоизученная и труднодоступная горная фауна Непала почти сплошь состоит из целого ряда видов с весьма узкой областью распространения. Разыскивая скальпы и шкуры «снежного человека», описывая «следы» и другие «вещественные доказательства» его существования, проходя, порой неоднократно, по тропам долин, предгорий или гор, участники экспедиции часто встречались с уникальными представителями животного мира Гималаев, следы некоторых из них иногда принимая за «следы йети».

Хотелось бы подробнее рассказать о некоторых видах животных, с которыми вы познакомились на страницах этой книги. Большинство видов так и обозначены, как гималайские или тибетские. Многие из них занесены в «Красную книгу», издаваемую, в частности, Всемирным фондом дикой природы, на бланках которого изображено самое редкое животное мира — большая панда. Мир впервые узнал об этом животном от французского миссионера-натуралиста А. Давида, описавшего в 1869 году одну самку. В 1913 году панду уже смогли наблюдать в природе. В Европу останки этого животного попали лишь в 1929 году и впоследствии украсили витрину Музея естественной истории в Чикаго. Там же в 1936 году в местном зоопарке впервые экспонировалась живая панда. Чисто внешне она напоминает медведя, поэтому сначала была описана как китайский, или черно-белый, или бамбуковый медведь. Однако некоторые анатомические признаки давали больше повода отнести панду к енотам, и лишь изучение хромосомного набора вывело ее в совершенно обособленный род (или, по некоторым данным, подсемейство) панд — *Ailuropoda melanoleuca*.

В Московском зоопарке дважды жили большие панды. В китайских зоопарках они размножаются регулярно. Самец обычно весит около 150 килограммов, самка — 120. Длина панды — до полутора метров. Они обитают в высокогорных бамбуковых зарослях. Считается, что стебли бамбука — основная пища больших панд, без них они гибнут десятками и сотнями. Тем не менее в Московском зоопарке большая панда по кличке Ань-Ань прожила до 15 лет (для

панды это — глубокая старость) и практически бамбуковыми стеблями не питалась. В ее рацион входили различные каши с соответствующими добавками, а также березовые веники, злаковые растения, что позволило ее отнести к вегетарианцам широкого профиля. Ранее считалось, что панда обитает на высотах до 4500 метров над уровнем моря, но, согласно данным участников экспедиции 1982 года супругов-зоологов Шаллеров, их излюбленная высота достигает 2800 метров. В мире до сих пор неизвестна численность панд. В провинции Шэньси (Китай) популяция насчитывает около тысячи особей. Менее редка и более доступна малая панда (*Ailurus fulgens*). Участникам описанной в книге экспедиции удалось ее поймать. Другие названия — рыжая панда и кошачий медведь — обусловлены довольно частой ярко-рыжей окраской, пушистым хвостом и мордой, скорее напоминающей енота, чем кошку. Как и большая, малая панда ведет скрытный образ жизни. Малая панда — типичный лесной обитатель гор и предгорий. В основном она питается корнями и листьями, фруктами, яйцами разных птиц и насекомыми.

В поисках «снежного человека» участники экспедиции не раз обнаруживали шкуры серау, которые по внешним признакам принимали за «шкуры йети». Серау (*Capricornis sumatraensis*) — животное подсемейства козлов и баранов, семь из четырнадцати подвидов которого находятся под угрозой исчезновения. Оно обитает в горных районах Японии, Китая, Непала, Индии и далее вплоть до Суматры. Это животное высотой до метра, длиной до двух, весом — до 150 килограммов. У самцов и у самок рога до 20 сантиметров. Они поставлены почти параллельно и дугообразно изогнуты назад. Шерсть у серау длинная, красивая, от черно-серого до рыже-бурого цвета. У некоторых видов этого животного — великолепная грива и бакенбарды, на шее иногда светлые, вплоть до белого, пятна. К другому роду того же подсемейства относится встречающееся в тех же местах горное животное — горал (*Nemorhaedus goral*). Внешне горал похож на серау, но меньше по размерам.

В книге часто встречаются упоминания о тонкотелых обезьянах лангурах, и прежде всего о хульманах, или хануманах (*Presbytis entellus*), наиболее крупных представителях. Внешне похожие на мартышек, эти животные, склонные к созерцанию окружающего мира, встречаются на высотах более 4000 метров и ведут древесный образ жизни. По земле они, однако, могут передвигаться со скоростью 35 километров в час. На голове у животного удлинённый гребень из волос. У шкуры богатая гамма цветов — от серого, бурого, коричневого, черного до золотистого, что не раз ставило в тупик даже известных экспертов-криминалистов, которых привлекали для идентификации «снежного человека» по инициативе Э. Хиллари в Париже, Лондоне, Чикаго.

Читатель на страницах этой книги также познакомился с различными видами медведей. Так, например, с медведем-губачом (*Melursus ursinus*) — небольшим животным весом до 145 килограммов и длиной до двух метров, с характерно вытянутым рылом. У губача грубая черная шерсть и подковообразное светлое пятно на груди. Он любит растительную пищу и насекомых. Чаще всего губач встречается у подножия Гималайских гор. Азиатский черный медведь (*Selenarctos thibetanus*) тоже любит высоты, но предпочитает лесные массивы и более приспособлен к лазанью по деревьям. В основном

он — вегетарианец. Его вес доходит до 200 килограммов, длина до двух метров. У него длинная шерсть на загривке, затылке и шее. Летом — блестяще-черная, а зимой — с буроватым оттенком, на груди — серпообразной формы белое, реже желтое пятно. Наиболее интересные сведения читатели получили об очень редких подвидах двух бурых медведей, один из которых назван рыжим гималайским медведем (*Ursus arctos isabellinus*) за соответствующий цвет шкуры и другие особенности, а другой — тибетским голубым медведем (*Ursus arctos pruinosus*). Оба вида и медведь-пищуход ранее были описаны чрезвычайно слабо. В ряде музеев мира в коллекциях хранятся лишь единичные экземпляры.

Из других животных экспедиция не раз встречала гималайских зайцев — по-видимому, так называемого курчавого (*Lepus oiostolus*) и щетинистого (*Caprolagus hispidus*). У тибетской лисицы (*Vulpes ferrilata*) красивый серовато-голубоватый мех с рыжеватым «ремнем» вдоль спины. Тибетский волк — малоизвестное животное. Древняя сторожевая порода собак — тибетский мастиф, стала прародительницей многих известных пород, таких, как брабантеры, бульдоги, боксеры, ряд терьеров, доберман-пинчеры, шнауцеры, лабрадоры, ньюфаундленды, сен-бернары и др. Эти собаки и пасут скот в Испании (горные Пиренеи) и Венгрии, и охраняют дома, и берут преступников, и откапывают засыпанных лавинами путников в горах. Все возрастающий в последнее время поток туристов и альпинистов в Непал обязывает правительство постоянно заботиться об уникальном животном мире этой страны. Там уже действует целая сеть резерватов и национальных парков. Например, резерват Читауен (на границе с Индией), а также парки — Лантанг, Сагарматха, Нагарждун и др.

А. А. Хуторянский



Предисловие ( <i>Е. Б. Гиппенрейтер</i> ) . . . . .	3
<b>Часть I. В поисках «снежного человека»</b> . . . . .	14
Глава I. Катманду . . . . .	14
Глава II. Переход . . . . .	33
Глава III. Шкуры и следы . . . . .	55
Глава IV. Вперед, к Толам Бау! . . . . .	73
Глава V. Кхумджунг . . . . .	88
Глава VI. Нам предлагают скелет «снежного человека» . . . . .	103
Глава VII. Кхуньо Чумби путешествует по свету . . . . .	120
Глава VIII. Шерпы . . . . .	135
Глава IX. Рассказы о йети . . . . .	147
<b>Часть II. Наша жизнь в облаках</b> . . . . .	159
Глава X. В долину Мингбо . . . . .	159
Глава XI. Гималайская зима . . . . .	189
Глава XII. «Страшный зуб» Амадаблама . . . . .	202
Глава XIII. Через Хонгу . . . . .	213
Глава XIV. К седловине Макалу . . . . .	234
Глава XV. Восхождение . . . . .	248
Глава XVI. Отчаянные дни . . . . .	259
Глава XVII. Прощай, Кхумджунг! . . . . .	271
Послесловие ( <i>А. А. Хуторянский</i> ) . . . . .	285

*Эдмунд Хиллари, Десмонд Дойг*

НА ХОЛОДНЫХ ВЕРШИНАХ

*Утверждено к печати Редакцией серии  
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор Э. О. Секер. Младший редактор М. С. Грикурова. Художник Л. С. Эрман. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор Л. И. Письман

ИБ № 14764

Сдано в набор 23.09.82. Подписано к печати 25.02.83. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15,12. Усл. кр.-отг. 15,65. Уч.-изд. л. 15,43. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5133. Зак. 695. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»  
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука. Москва Б-143, Открытое шоссе, 26



1р. 60 к.